

К кому обращено стихотворение А.С. Пушкина "К ней"?

И.С. ЧИСТОВА, кандидат филологических наук

Прежде приведём полностью эти пушкинские стихи, написанные в 1817 году:

В печальной праздности я лиру забывал, Воображение в мечтах не разгоралось, С дарами юности мой гений отлетал, И сердце медленно хладело, закрывалось. Вас вновь я призывал, о дни моей весны, Вы, пролетевшие под сенью тишины, Дни дружества, любви, надежд и грусти нежной, Когда, поэзии поклонник безд и грусти нежной, На лире счастливой я тихо воспевал Волнение любви, уныние разлуки — И гул дубрав горам передавал Мои задумчивые звуки ...

Напрасно! Я влачил постыдной лени груз. В дремоту хладную невольно погружался, Бежал от радостей, бежал от милых муз И – слёзы на глазах – со славою прощался!

Но вдруг, как молнии стрела,
Зажглась в увядшем сердце младость,
Душа проснулась, ожила,
Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость.
Всё снова расцвело! Я жизнью трепетал;
Природы вновь восторженный свидетель,
Живее чувствовал, свободнее дышал,
Сильней пленяла добродетель...
Хвала любви, хвала богам!
Вновь лиры сладостной раздался голос юный,
И с звонким трепетом воскреснувшие струны
Несу к твоим ногам!..

Стихотворение "К ней" ("В печальной праздности я лиру забывал...") никогда не вызывало особого интереса у исследователей; в пушкиноведческих работах нет посвящённых ему подробных аналитических разборов, лишь краткие характеристики, которые по существу сводятся к следующему: первое - стихи являются переходными от лицейской "унылой" элегии к поэзии раннего петербургского периода; второе – в них намечается разработка темы духовного воскресения, блестяще реализованная в стихах 1825 года, обращённых к А.П. Керн (см.: Черняев Н.И. Критические статьи и заметки о Пушкине. Харьков, 1900. С. 51-53; Сумцов Н.Ф. Исследования о поэзии Пушкина. "К ней". "К А.П. Керн" // Харьковский университетский сборник. В память А.С. Пушкина (1799–1899). Харьков, 1900. С. 229, 235; Городецкий Б.П. Лирика Пушкина. М.-Л., 1962. С. 173–174; Фомичёв С.А. Поэзия Пушкина. Творческая эволюция. Л., 1986. С. 34). Вопрос об адресате не ставился вовсе: сотканный из типичных элегических клише и тем самым исключавший какое-либо индивидуальное содержание пушкинский текст не давал к тому оснований, как, впрочем, и известные биографические реалии, относящиеся ко времени его написания. (Лишь М.А. Цявловский, правда, без каких-нибудь доказательств, относил стихотворение "К ней" к бакунинскому циклу, безоговорочно связывая его с любовной лирикой лицейской поры.)
На наш взгляд, стихотворение "К ней" можно рассматривать как

На наш взгляд, стихотворение "К ней" можно рассматривать как лирическую пьесу, связанную с конкретным лицом из пушкинского окружения первых послелицейских лет; при этом наше предположение не только результат биографических разысканий, но — и это выглядит несколько неожиданно — следствие наблюдений над жанровой природой произведения.

Действительно, стихотворение противостоит типовой "унылой" элегии – композиционно аморфной, монотонной, с лишенным движения лирическим сюжетом; здесь же мы наблюдаем три фазы развития темы: первая – вступительно-констатирующая (унылое настоящее, тоска по ушедшим дням с их живым волнением жизни, любовью и

поэзией), во второй даётся её развитие через противопоставление (возвращение минувшего, счастливого полнотой жизненных сил) и наконец эмоциональный итог: "И с звонким трепетом воскреснувшие струны/Несу к твоим ногам!..". В отличие от бессобытийной "унылой" элегии, построенной на сетованиях мечтателя, неизменно меланхолически грустного, горестно разочарованного, стихотворение "К ней" сюжетно. Показано развитие чувственных переживаний героя; лирический субъект не статичен, как в "унылой" элегии, — он способен к кардинальной внутренней перемене; он с лёгкостью меняет тяжесть преждевременного старения на бурное счастье юности.

И всё-таки стихотворение "К ней" — элегия. Оно принадлежит к тому типу элегий середины 1810-х годов, который ориентирован на

И всё-таки стихотворение "К ней" — элегия. Оно принадлежит к тому типу элегий середины 1810-х годов, который ориентирован на Парни и прекрасно описан в работах В.Э. Вацуро (см.: Вацуро В.Э. Денис Давыдов — поэт // Давыдов Денис. Стихотворения. Л., 1984. С. 27–29; Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры. СПб., 1994. С. 86–89; Вацуро В.Э. Лицейское творчество Пушкина // Пушкин А.С. Стихотворения лицейских лет. 1813–1817. СПб., 1994. С. 401–403). Такую элегию «отличает усложнённый эмоциональный рисунок; единством элегического тона спаяны разнородные и иной раз контрастирующие друг с другом фрагменты лирического текста (иногда выделенные разностопностью строк). Изменён и самый тип лирического субъекта. Если до сих пор его душевный мир характеризовался по принципу "ведущей страсти" (уныние, страдания разлуки, воспоминания об утраченной возлюбленной), то теперь он оказывается чреват внутренними противоречиями, включая в себя те свойства и эмоциональные движения, которые были решительно противопоказаны спиритуалистическому герою "унылой" элегии (...) Культурно-психологический тип элегического героя начинает привлекать Пушкина в 1816–1817 годах. Органические противоречия в его характере, доминанта чувственной страсти как выражение полноты жизненных сил, соответствовали самосознанию зреющей личности...» (Вацуро В.Э. Лицейское творчество Пушкина. С. 401–402).

Именно таков лирический субъект в этом стихотворении Пушкина. Он не однолинеен, как в "унылой" элегии, но сочетает в себе черты и меланхолического созерцателя, и гедониста. В пушкинских стихах очевидны отголоски чувственного восприятия жизни, характерного для Парни. Любовь, радость, взрыв эмоций, наслаждение жизнью — эти "стилистические сигналы" (выражение Л.Я. Гинзбург) безошибочно указывают на источник, который питал воображение поэта. И только одно слово в стихах кажется чужеродным, неуместным. Слово это — "добродетель", и оно создаёт своего рода конфликт на лексическом уровне, входя в противоречие с окружением.

Это обстоятельство настолько очевидно, что не может быть слу-

чайным и должно иметь свое объяснение. Попытки найти причину стилистической "погрешности", введения в текст "нестилевого" слова приводят к мысли о его, условно говоря, биографически бытовом происхождении.

Как известно, лирику Пушкина раннего петербургского периода, к которому принадлежит и стихотворение "К ней", отличает наполненность автобиографическими деталями, естественно сочетающимися с поэтическими условностями.

...В июне 1817 года поэт переезжает из Царского Села в Петербург. Рассеянная светская жизнь совершенно поглощает молодого человека, наконец сбросившего бремя строго регламентированного лицейского существования. Старшие друзья поэта обеспокоены тем, что он забросил серьёзные занятия; его упрекают в лени, поэт отвечает на упрёки стихами и продолжает с упоением неофита предаваться радостям обретённой свободы.

В числе салонов, где Пушкин бывает особенно охотно, – гостиная Авдотьи Голицыной; Голицына, красавица и оригиналка, по словам П.А. Вяземского, "приворожила" поэта в медовые месяцы вступления его в свет. Приведем отрывок из книги Ю.Н. Тынянова "Пушкин", где дан лаконичный, но точный и выразительный портрет Голицыной: "В другую же ночь Пушкин был у Авдотьи. (...) Цыганка сказала ей, что умрет она ночью, во сне. Назавтра же днем отказали всем гостям. Ночью её дом над Невой засветился. Съехались кареты. Кучеры с ночными факелами съезжались к дому на Неве. Звонкий скок лошадей раздавался перед домом. До утра входили, днём разъезжались. Сразу же модники прозвали её Princesse постипе — ночною княгинею. День она превратила в ночь, зато ночь до утра — в день. В молодости была она влюблена без памяти; выдали её за старика Голицына. Старый муж мало интересовался её поступками и не мешал ей. Так она, превратив ночь в день, бежала от смерти и судьбы со спокойствием, отчаянием и какой-то храбростью. (...)

Когда (Пушкин. — И. Y.) думал о своей $\langle ... \rangle$ поэме, хотел видеть тотчас $\langle ... \rangle$ Авдотью. Без неё не мог он писать поэму, потому что не мог не видеть её, не полна была жизнь" (Тынянов Ю.Н. Пушкин. М., 1981. С. 554).

Заключительные строки как будто бы написаны под впечатлением концовки интересующего нас стихотворения:

Вновь лиры сладостной раздался голос юный, И с звонким трепетом воскреснувшие струны Несу к твоим ногам!

Догадка Тынянова о том, что именно Голицына явилась музой поэта в первые месяцы его самостоятельной петербургской жизни, послу-

жила отправным моментом для возникновения гипотезы об Авдотье Голицыной как адресате стихотворения "К ней". Анализ этого стихотворения в его литературном и бытовом контексте убеждает, что подобная гипотеза имеет право на существование.

Напомним некоторые малоизвестные факты биографии княгини, которые между тем весьма примечательны. Обращаем особое внимание на то, что в конце 1810-х годов Голицына чрезвычайно увлечена политикой. В круг её друзей входят граф М.С. Воронцов, Михаил Орлов, братья Тургеневы. Николай Тургенев горячо поддерживал интерес княгини к общественно-политическим проблемам: "Она женщина умная, толковала о либеральности и конституциях" (Декабрист Н.И. Тургенев. Письма к брату С.И. Тургеневу. М.-Л., 1936. С. 193).

Не менее значительными были для Голицыной и связи с сообществом "друзей Елизаветы" во главе с Фёдором Глинкой, который ратовал за возведение на престол "добродетельной" государыни Елизаветы Алексеевны.

В список тех, кто составлял ближайшее окружение императрицы (он приведён А.Н. Шебуниным в статье «Пушкин и "Общество Елизаветы"» — Временник Пушкинской комиссии. М.-Л., 1936. С. 53–90), Авдотья Голицына не попала, хотя, по всей видимости, имела к обществу самое непосредственное отношение. Ведь круг императрицы — это и круг Голицыной. Графиня Анна Георгиевна Толстая, Наталья Петровна Голицына, её дочь и зять Строгановы, отец и сын Воронцовы, княжна Варвара Михайловна Волконская. С Фёдором Глинкой Голицына будет поддерживать отношения и впоследствии, в течение многих лет; через более чем четверть века Глинка опубликует в "Москвитянине" (1843. № 12. С. 538–543) статью о вечерах княгини и её знаменитой книге "De l'analyse de la force" (1835).

Княгиня Голицына должна была испытывать величайший пиетет к императрице, этому, как значилось в документах "Вольного Общества любителей Российской словесности", олицетворению "Мудрости и Добродетели". Возможно даже, что жизнь императрицы, не принимавшей участия в придворной жизни и много времени отдававшей благотворительной деятельности и чтению (см. воспоминания фрейлины С.А. Мадатовой // Русская старина. 1884. Т. XLIV), служила Голицыной образцом, которому она неукоснительно следовала. Действительно, научные занятия и рассуждения о серьёзных предметах занимают Голицыну гораздо больше, чем блестящие собрания в домах титулованных особ; её собственные вечера, отличаясь независимостью и пренебрежением к уставу светского благочиния, не давали вместе с тем ни малейшего основания обществу бросить даже тень подозрения на её доброе имя; "отемнить", как писал Вяземский, "чистую и

светлую свободу её" (Вяземский П.А. Старая записная книжка. Л., 1929. С. 214).

Добродетель государя декларируется Голицыной и закрепляется письменно в политическом трактате, названном княгиней "Мнение, представляемое (...) княгинею Авдотьею Голицыною, урождённою Измайловою". "Беспредельное самовластие" губительно для общества, – писала княгиня, – "силу, законы, благоустройство которого должна поддерживать высокая добродетель" (Архив графа Воронцова. СПб., 1884. Кн. 36. С. 485).

Можно допустить, что документ этот обнаруживает знакомство Голицыной с трудами Монтескье, признававшего добродетель решающим, движущим мотивом в развитии общества. Своими соображениями княгиня делилась с наиболее близким ей по образу мыслей Сергеем Тургеневым, который изложил содержание их бесед в следующих стихах:

Нет, надобна добродетель, чтобы совершить что-либо великое, И добродетель меня вдохновляет! Да, я ненавижу тиранов, Никогда я не буду сопричастен их власти...

(см.: Чистова И.С. Пушкин в салоне Авдотьи Голицыной // Пушкин. Исследования и материалы. Т. XIII. Л., 1989. С. 198–199).

Много времени Голицына отдаёт благотворительной деятельности, видя в ней одно из конкретных проявлений добродетели рядового гражданина; она одна из самых известных в Петербурге благотворительниц. Когда в 1816 году в русском оккупационном корпусе, стоявшем во Франции, в Мобеже, началась подписка в пользу казанских погорельцев, то её инициатор, Сергей Тургенев, узнав об успешном продвижении дела, прежде всего подумал о том, как это обрадует княгиню Голицыну.

Ещё один пример. Княгиня Голицына вместе с Жуковским, Вяземским, братьями Тургеневыми, Фёдором Глинкой, Милорадовичем принимала горячее участие в судьбе поэта-самоучки Ивана Семёновича Сибирякова, крепостного кондитера рязанского губернского предводителя дворянства Д.Н. Маслова. Известно воззвание Глинки, приглашавшее соотечественников к пожертвованиям для выкупа Сибирякова. Вяземский, один из первых вкладчиков в дело освобождения крестьянского стихотворца от крепостной зависимости, посвятил Сибирякову особое послание: "Рождённый мирты рвать и спящий на соломе, / В отечестве поэт, кондитер в барском доме!" Послание было прочитано на вечере у Голицыной, где присутствовал и Пушкин. "Вчера читал я княгине Голицыной стихи твои и был свидетелем Пушкина восхищения и её одобрения", — сообщал 3 сентября 1819 года А.И. Тургенев Вязем-

скому (Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 303).

Приведённая характеристика личности княгини Авдотьи Голицыной, разумеется, далеко не полна, но все-таки достаточна, чтобы прийти к заключению: слово "добродетель" — и как обозначение похвального качества души, и как синоним благодеяния, благотворения — является точным признаком, точной приметой образа адресата. Поэтому так легко и естественно устанавливаются связи стихотворения "К ней" со стихами 1817 года, посвящёнными княгине Голицыной: "Краёв чужих неопытный любитель..." и «Кн. Голицыной, посылая ей оду "Вольность"». Строки из стихотворения "К ней"

Природы вновь восторженный свидетель, Живее чувствовал, свободнее дышал, Сильней пленяла добродетель...

органично вписываются в поэтический мир стихов, адресованных Авдотье Голицыной. Здесь те же опорные, ключевые слова, те же словесные формулы: пламенная, живая, пленительная красота княгини (в стихотворении "Краёв чужих неопытный любитель..."), "простой воспитанник природы", "мечта прекрасная свободы" («Кн. Голицыной, посылая ей оду "Вольность"»).

Вернёмся теперь к причинам якобы стилевой разноголосицы в строках 19–25 стихотворения "К ней". Если мы кроме нравственного учтём и общественно-гражданский смысл контекстуально на первый взгляд странного слова добродетель, то всё встанет на свои места. Ведь согласно эстетическим и этическим представлениям французских материалистов XVIII века, полнота жизни и гражданственность были синонимами (см. об этом: Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Л., 1972. С. 149), и если элегию "К ней" рассматривать в ореоле новых социально-этических представлений Пушкина (а, адресуя её Голицыной, мы получаем такую возможность), то вопроса о лексической неточности, стилевом диссонансе попросту не возникает.

Литературный контекст анализируемого стихотворения естественно расширяется за счёт стихов, написанных в это же время и, хотя прямо не связанных с именем Голицыной, но безусловно имеющих к ней отношение; речь идёт об оде "Вольность" и стихах "К Н.Я. Плюсковой". Стихотворение "К ней" должно войти в число тех стихотворений 1817—1819 годов, культурно-бытовой и идеологический фон которых составляет история общения Пушкина с носителями политических идей, актуальных в преддекабрьский период русского общественного движения. Свобода и закон, закон и природа, власть и добродетель — размышления Пушкина на эти темы в обществе братьев Тургеневых, Фёдора Глинки, Авдотьи Голицыной дали жизнь и серьёз-

ным политическим стихам, таким, как "Вольность", и шутливым мадригалам, где комплиментарный сюжет выстроен с помощью всё того же словесно-понятийного ряда:

Так я, бывало, воспевал Мечту прекрасную свободы И ею сладостно дышал. Но вас я вижу, вам внимаю, И что же? .. слабый человек!.. Свободу потеряв навек, Неволю сердцем обожаю.

Итак, не исключено, что стихотворение Пушкина "К ней" адресовано княгине Авдотье Голицыной. Во всяком случае, его текст предоставляет возможность двойного прочтения - конкретного для узкого круга посвящённых и обобщённо-безличного – для всех остальных, когда реальная жизненная ситуация (молодой повеса, "ленивец", по отзывам своих близких, влюблён в хозяйку модного салона) предстаёт в виде типового лирического сюжета: до времени состарившийся душевно герой, обречённый на печальную праздность, предавший забвению лиру, возрождён к жизни любовью к прекрасной женщине, воскресившей в нём дары юности - мечты, воображение, влечение к музам. Пушкин, только что оставивший Лицей, новичок в свете, ещё не осмеливается прямо адресовать откровенное признание в любви (а он влюблён страстно; смертельно, по словам Карамзина) одной из первых петербургских красавиц самого высокого полёта и потому пишет любовное стихотворение, по видимости лишённое какой бы то ни было автобиографичности. И хотя самой княгине совершенно ясно, к кому оно обращено, – она не может иметь претензий к автору: её имя в стихах не названо. Она может только убедиться в справедливости той восторженной характеристики, которая была дана молодому поэту его и её общими друзьями, рекомендовавшими вчерашнего лицеиста хозяйке знаменитого дома на Миллионной.

Санкт-Петербург

О десятой главе "Евгения Онегина"

Заметки дилетанта

МИХАИЛ ФИЛИН

Последний русский император над нами царствовал тогда...

В 1910 году известному учёному П.О. Морозову удалось расшифровать хаотические на первый взгляд строки продолжения "Евгения Онегина". На улицу пушкинистов пришёл праздник. И вряд ли кто догадывался, что эпопея изучения десятой главы романа лишь начинается, что специалистам и сочувствующим так и не хватит двадцатого столетия для того, чтобы внести в это дело требуемую ясность. Едва ли думалось в те годы и о том, что учёные, обнаружив несколько неполных пушкинских строф, прикоснулись, быть может, к самому загадочному и труднопостижимому творению поэта. А теперь, в конце века, расправившегося с последним русским императором, так думают уже многие.

И не только думают, но и пытаются во что бы то ни стало распутать клубок текстологических и прочих секретов главы. А узелки затягиваются всё туже, а клубок всё неприступнее. Можно сказать, что на наших глазах разыгрывается подлинная научная драма, действующими лицами которой становятся всё новые и новые учёные. Высказаться по поводу этого сочинения – давно уже дело чести. За истекшие десятилетия не одна репутация бесстрашно ставилась на карту, но сорвать

банк не посчастливилось никому. Слишком велико сопротивление материала, слишком скупы имеющиеся сведения. И невольно всплывают в памяти рассказы современников о неповторимом пушкинском смехе и его собственные слова: "Шиш потомству"...

Автор предлагаемых заметок не претендует на роль первооткрывателя. Его амбиции будут вполне удовлетворены, если знатоки *примут во внимание* нижеследующие рассуждения по частным вопросам и на том дилетант должен быть премного благодарен.

Кстати, о дилетантизме. Надо загодя признаться, что автору пришлось прибегнуть к необычному приёму. А именно: он постарался учесть ценные наблюдения многих пушкинистов, а потом – забыть их, эти историографические подробности. И – начать сызнова, почти с нуля, посмотреть на сложнейшие проблемы взглядом по возможности незатуманенным, свободным от устоявшихся стереотипов. Всемерно уважая историографию как науку, автор, однако, вспомнил: сам поэт полушутливо, но и полусерьёзно признавался, что читает мало и только благодаря этому может творить.

Авось и нам, "ленивым и нелюбопытным", поможет пушкинская метода? Впрочем, вот они, заметки преднамеренного дилетанта. Судите и велите казнить.

Итак, последний русский император над нами царствовал тогда...

Ī

Начнём, как и подобает в серьёзном деле, издалека.

Итак, существовало некое пушкинское произведение, которое сам поэт величал "Х песнью". Он дважды упомянул именно такое название. Так, в рукописи "Метели" есть помета: "19 окт(ября) сожж(ена) Х песнь" (Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.-Л., 1937. Т. VI. С. 526; далее – только том и стр.). А в черновиках "Путешествия Онегина" возле одной строфы, против стихов:

Уж он Европу ненавидит С её политикой сухой –

приписано на полях: "в X песнь" (VI, 496). Эта маргиналия очень важна. Вдумаемся: автор изъял строфу из "Путешествия" и препроводил её в X песнь. А если и не успел совершить такую операцию, то, по крайней мере, намеревался совершить. На основании этого факта можно сделать два вывода. Прежде всего, проясняется направление заимствования: вектор протянулся из "Путешествия" в X песнь, а не наоборот. И второе: пушкинская воля, похоже, не допускает двух толкований. Для поэта "Путешествие" и X песнь – разные произведения или, точнее, разные части одного.

Иными словами, "Х песнь" является десятой главой "Евгения Онегина", которая, по мысли создателя, должна была располагаться вслед за "Путешествием" заглавного героя. Умозаключение, как видим, базируется на весьма бесхитростной логике.

В пользу такого толкования как будто свидетельствует и сообщение друга поэта, князя П.А. Вяземского. 19 декабря 1830 года тот записал в дневнике: "Третьего дня был у нас Пушкин. Он много написал в деревне: привёл в порядок 8 и 9 главу Онегина (то есть восьмую главу и "Путешествие Онегина". — М.Ф.), ею и кончает; из 10-й, предполагаемой, читал мне строфы о 1812 годе и следующих — славная хроника; куплеты: Я ме щанин, я ме щанин; епиграмму на Булгарина за Арапа; записал несколько повестей в прозе, полемических статей, драматических сцен в стихах: Дон-Жуана, Моцарта и Сальери; у в дохновенного Никиты, у осторожного Ильи" (Вяземский П.А. Полн. собр. соч. СПб., 1884. Т. IX. С. 152). И для князя десятая глава ("предполагаемая") — самостоятельная часть "Евгения Онегина"; место этой части в пределах романа Вяземским указано однозначно: позади "Путешествия" ("9 главы").

Казалось бы, всё ясно. Но в 1913 году предали огласке ещё один документ, который и спутал все карты. Причём спутал до такой степени, что учёные и поныне не могут разобраться в возникшей ситуации.

Сумятицу в умы пушкинистов внёс В. Истрин, опубликовавший в мартовском номере "Журнала Министерства народного просвещения" письмо А.И. Тургенева к брату Николаю от 30 июля (11 августа) 1832 года. В этой эпистолии говорилось, среди прочего, и такое: "Александр Пушкин не мог издать одной части своего Онегина, где он описывает путешествие его по России, возмущение 1825 года и упоминает, между прочим, и о тебе:

Одну Россию в мире видя, Преследуя свой идеал, Хромой Тургенев им внимал И, плети рабства ненавидя, Предвидел в сей толпе дворян Освободителей крестьян.

В этой части у него есть прелестные характеристики русских и России, но она останется надолго под спудом. Он читал мне в Москве только отрывки" (Истрин В. Из документов архива братьев Тургеневых // Журнал Министерства народного просвещения. 1913. № 3. С. 16–17).

Возможно, содержание этого письма было известно пушкинистам до появления публикации В. Истрина. Только так можно объяснить любопытный эпизод: видные учёные В.И. Срезневский и П.О. Морозов ещё

в 1906, а затем и в 1910 году, пришли к выводу, который вроде бы стал очевидным лишь после обнародования послания А.И. Тургенева.

Вывод прост: сокровенные строфы принадлежали "Путешествию Онегина". Порукой тому становились слова Александра Тургенева о "путешествии его по России". Ведь автор письма — лицо просвещённое и авторитетное, вдобавок короткий приятель поэта. Не мог же сей муж что-либо перепутать. А коли не мог, то, выходит, "загадка разрешилась"?

Но нет, не разрешилась головоломка, не было найдено тогда заветное "слово". Вот незадача: прислушиваясь к А.И. Тургеневу, приходилось одновременно игнорировать дневниковую запись князя П.А. Вяземского, который, как показано, чётко разделял "Путешествие" и десятую главу. А князь — человек не менее А.И. Тургенева просвещённый и осведомлённый, да и дружеством Пушкина тоже не обойдён. Да что там П.А. Вяземский — полагаясь целиком и полностью на А.И. Тургенева, надо было пройти мимо указания самого Пушкина о "разности" между "Путешествием Онегина" и "Х песнью".

В общем, открытие 1913 года принесло пушкиноведению больше хлопот, нежели радостей. Вся дальнейшая история изучения возникшей коллизии поневоле свелась к занятию героическому: во что бы то ни стало нужно было примирить непримиримое, свести воедино все противоречивые факты и из полученного вылепить удобоваримую версию. Сколько предлагалось всевозможных объяснений – не счесть. Не раз исследователи выказывали подлинные чудеса изворотливости и завидный талант интерпретаторов. "Х песнь" вводилась в "Путешествие"; её строфы распределялись по всему тексту романа; шла речь о нескольких финалах "Онегина" и т.д. Не будем перечислять и анализировать здесь корпус явленных миру изощрённейших гипотез; обзор таковых — предмет специального обстоятельного разговора. Скажем лишь, что мелькали среди догадок труды выдающиеся, самодостаточные, ставшие вехами в пушкиноведении. Возникновение таких работ отчасти компенсировало неудачу на главном направлении.

А фиаско было сокрушительным. И как знать, не произошло ли так потому, что люди, увлечённые поиском, искали, как водится, наиболее сложное решение, раскладывали заковыристый пасьянс там, где вполне можно было обойтись с помощью трёх карт? Ведь в сущности можно прийти к парадоксальному убеждению: жизнь Пушкина в некотором смысле очень проста. Но простота эта — высокая, лишённая мишуры и грима, и потому она труднодоступна для постижения.

Магия пушкинской простоты (но не опрощения!) распространялась и на окружение поэта, и даже на документы, связанные с его именем. Мы убеждены, что многие старые бумаги не разгаданы потомками только потому, что они тоже гениально просты. Но потомки, обреме-

нённые всевозможной информацией, предпочитают прибегать к услугам "новейших технологий" и – ищут ответа совсем не там, где нужно.

А ключ-то – вот он, на самом виду...

Смеем ваикнуться о том, что и в случае с многострадальным письмом А.И. Тургенева ларчик открывается весьма просто.

Автор данных заметок не помышляет о том, чтобы обидеть коголибо из исследователей. Тем не менее он вынужден выставить такой диагноз: история с прочтением письма — сущий столбняк пушкиноведения. Иного определения подобрать никак не удаётся, да и нужны ли здесь эвфемизмы? Ибо есть основания думать, что пушкинисты и историки, которые в течение десятилетий бились над эпистолией, вычитали из нее, нимало того не подозревая, нового "подпоручика Киже". Причём тыняновский призрак выглядит мелковато в сравнении со своим соотичем.

Мнимая величина возникла из одной-единственной фразы: "Александр Пушкин не мог издать одной части своего Онегина, где он описывает путешествие его по России..." А если быть абсолютно точным, то виною всему стало слово, употреблённое А.И. Тургеневым неверно. Впрочем, люди его круга, русские европейцы, допускали тогда при обращении к родному языку и не такие ошибки.

Обратимся к сохранившейся переписке А.И. Тургенева и попробуем, забыв на время о её занимательности, сосредоточиться на притяжательных местоимениях. Конкретно — на словоупотреблении им местоимений "ezo" и "своеzo".

Разумеется, Александр Иванович не брезговал ими. Например, 23 июля 1808 года он сообщил брату Николаю о Н.М. Карамзине и карамзинской "Истории": "Я ещё ни на русском, ни на других языках ничего подобного не читал тем отрывкам, которые он прочёл мне из с в о е й (здесь и далее, кроме особо оговорённых случаев, выделено нами. — М.Ф.) книги" (Тургенев А. Политическая проза. М., 1989. С. 135). Всякому понятно, чьей книгой восторгался А.И. Тургенев. Ах, если бы он был столь же точен и впоследствии...

Однако письмо 1808 года – скорее, исключение из правил. Пусть не единственное, но всё же довольно редкое. А правило у пушкинского знакомца было иное, шедшее вразрез с языковыми нормами. И такие огрехи встречаются у А.И. Тургенева чуть ли не на каждом шагу. Так, 24 сентября (6 октября) 1827 года он писал о прочитанном накануне послании императора Александра I; писал опять-таки к брату Николаю: "В этом письме Александр ясно и сильно и с чувством говорит Лагарпу о желании его сердца: дать конституционное устройство России" (Там же. С. 143). Ясно, что имеется в виду сокровенный замысел монарха, но никак не его бывшего воспитателя. Ясно, однако, и то, что правильнее использовать здесь местоимение "своего".

А вот фрагмент из письма к князю П.А. Вяземскому от 7 октября 1845 года из Москвы. А.И. Тургенев сообщает свежую новость о Ф.И. Тютчеве: "Он написал статью для государя (об общей политике) — грёзы неосновательные и противные прежним е г о у/б е ж д е н и я м" (Там же. С. 229). И тут у читателя не возникает/сомнений: конечно, подразумеваются убеждения Ф.И. Тютчева, хотя бездумный грамотей мог бы отнести выделенные слова к императору Николаю. А.И. Тургенев писал точно так же и применительно к Пушкину; подчеркнём, что писал к тому же брату Николаю. Произошло это в трагические дни 1837 года, 31 января: "В первый день дуэли послал он

А.И. Тургенев писал точно так же и применительно к Пушкину; подчеркнём, что писал к тому же брату Николаю. Произошло это в трагические дни 1837 года, 31 января: "В первый день дуэли послал он к государю доктора Арндта просить за себя и за его секунда н та Данзаса (полковника) прощения" (Там же. С. 160). И ведь никому не придёт в голову разыскивать секунданта лейб-медика, сочинять сенсационные опусы о второй Чёрной речке с участием К.К. Данзаса. А ведь тут случай — "верный снимок" онегинского...

данта данзаса (полковника) прощения (Там же. С. 160). И ведь никому не придёт в голову разыскивать секунданта лейб-медика, сочинять сенсационные опусы о второй Чёрной речке с участием К.К. Данзаса. А ведь тут случай — "верный снимок" онегинского...

Что ж, обратимся опять к письму от 11 августа 1832 года. Всё говорит о том, что тогда, в Мюнхене, А.И. Тургенев использовал привычный для себя оборот. Повествуя об "одной части" романа в стихах, он, "как говорится, машинально", молвил: "его". Молвил там, где непременно следовало произнести: "своего".

Ошибись он в ином контексте – и ничего бы не произошло; приведённые выше отрывки писем А.И. Тургенева – тому доказательство. Но здесь, 11 августа 1832 года, промах привёл к мистическому, фатальному совпадению.

Ведь Онегин только что, в предыдущей главе романа, уже путешествовал. И ничтоже сумняшеся учёные стали относить тургеневские слова: "путешествие его по России" – к Евгению. Это было настолько очевидно, что изначально воспринималось всеми как аксиома.

Положение усугубилось тем обстоятельством, что А.И. Тургенев, следуя обычаям своего времени, написал название пушкинского романа без кавычек. Просто — Онегин. И если роман "Онегин" не мог отправиться в путешествие по России, то раскавыченный Евгений, герой романа, вполне мог предпринять таковое.

Вот что привело к столбняку. Драматические сближения загипнотизировали исследователей, и все последующие их действия обусловились лже-аксиомой. От неё и плясали, и плодили гипотезы. Но свести концы с концами так и не удалось.

По-видимому, и не удастся.

Потому что в письме А.И. Тургенева речь велась не о путешествии Онегина, а *о путешествии самого Александра Пушкина*. Или, если угодно, его лирического героя — Автора. Как и многие другие лица, А.И. Тургенев, кажется, не придавал "разности" между ними принципиального значения.

Мы убеждены, что только такое прочтение письма от 11 августа 1832 года снимает в одночасье все противоречия между имеющимися свидетельствами о десятой главе "Евгения Онегина", делает напрасной любую наисложнейшую комбинацию толкователя. И впрямь всё оказывается по-вушкински просто. Но через обнаруженную простоту можно проникнуть в совершенно новые художественные миры сожжённой песни. Это ещё предстоит сделать.

Пока же заметим, что путешествие Пушкина-Автора как завершение (или эпилог) романа "Евгений Онегин" не нарушает композиционного единства произведения. Стилистика Пушкина не только допускала подобные ходы, но, кажется, с определённого времени симбиоз художественного вымысла и документализма, преподносимого "от автора", всё больше привлекал поэта. Например, "Капитанская дочка" сопровождалась послесловием "издателя" или исторической справкой о судьбе рода Гринёвых. А к повестям И.П. Белкина было приложено его "жизнеописание". Документы, как видим, родственные "славной хронике". Кстати, "Повести покойного Ивана Петровича Белкина" создавались в те же сроки, что и десятая глава "Онегина".

Судя по всему, и князь П.А. Вяземский, и А.И. Тургенев слышали от Пушкина один и тот же текст, разнящийся разве что в деталях. И всё же свидетельство А.И. Тургенева более ценно: ему довелось узнать "отрывки" того варианта, который был передан на прочтение царю. Выясняется, что император Николай I читал именно "путешествие" Пушкина-Автора по России.

Впрочем, мы забежали вперёд. Интригуя читателя, сообщим, что в письме А.И. Тургенева есть ещё одно чрезвычайно важное известие, опять-таки не замеченное пушкинистами. Так что эту уникальную эпистолию придётся перечитать сызнова.

АНТИУТОПИЯ ЛЕОНИДА ДОБЫЧИНА

Поэтика рассказов

И.А. КАРГАШИН, кандидат филологических наук

Произведения Леонида Ивановича Добычина сегодня почти не известны читателю. Маленький сборник, вышедший в серии "Забытая книга" (Добычин Л.И. Город Эн. Рассказы. М., 1989; примеры из рассказов писателя приводятся по этому изданию), вобрал в себя все творческое наследие прозаика. Проживший недолгую жизнь и написавший совсем немного, он как будто бы не имел в литературе учителей и тем более — учеников, последователей. А между тем творчество этого автора не только закономерно вошло в контекст своего времени, но и, несомненно, отразило, а во многом и предвосхитило важнейшие тенденции в развитии художественной прозы двадцатого столетия.

Проза Добычина поражает с первых же строчек. И прежде всего — своей "речевой материей", причудливым синтаксисом, необычным даже на фоне стилевого многоцветья 20—30-х годов. В чем же особенность и неповторимость добычинского стиля?

Мало сказать, что Добычин пишет короткими и простыми фразами. В его прозе краткость и простота доведены до возможного предела. Кажется, что все усилия Добычина-рассказчика направлены на "редуцирование" повествования, благодаря которому слово лишь обозначает, называет какой-то предмет, то или иное явление. Не случайно современный исследователь остроумно сравнил прозу писателя с простым предложением из Букваря: "Мама мыла раму" (Сапогов В.А. Имя в поэтике Л. Добычина // I Добычинские чтения. Даугавпилс, 1991. С. 32).

Чрезвычайно короткое, беспридаточное, безэпитетное (либо с постоянным, почти "окаменевшим" эпитетом), нераспространенное, неполное, нередко собственно назывное — именно такого рода предложения выстраивают от начала до конца добычинскую прозу. Ср. типичные образцы его "письма": «К праздникам подмерзло. Выпал снег. Седьмого и восьмого веселились. Выбралась и мать в клуб "Октябрь".

«В дело вмешался "Викжель"...»

Н.Е. ТРОПКИНА, кандидат филологических наук

"Викжель"... Это красивое и загадочное слово встречается в статье В. Маяковского "Как делать стихи?". Поэт, задаваясь вопросом: "Плюнуть на революцию во имя ямбов?", в качестве аргумента, который, по его мнению, начисто отметал пугающее предположение, приводит четверостишие:

Мы стали злыми и покорными, Нам не уйти. Уже развел руками черными Викжель пути.

Под ним подпись: З. Гиппиус.

Неведомый "Викжель пути" (или "викжель" — слово стоит в начале поэтической строки, прописная буква здесь может быть истолкована двояко) представляется таинственным живым существом, способным то ли в недоумении, то ли в отчаянии (беря во внимание первые строки четверостишия) разводить руками. И существо это кажется чем-то сродни "гиене подозренья", "мышам тоски", "леопардам мщенья" из пародии Вл. Соловьева на ранних символистов...

Рождение словосочетания "Викжель пути" произошло неожиданно и по причине, к Зинаиде Николаевне Гиппиус прямого отношения не имеющей. В своей статье, написанной весной 1926 года, В. Маяковский явно по памяти, с большими искажениями, цитирует стихотворение З. Гиппиус "Сейчас", входившее в ее книгу "Последние стихи" (1918). Строки поэтессы, неприязненно встретившей революционные потрясения в России и находящейся к моменту выхода статьи в эмиграции, являли собой отрицательный пример и противопоставлялись стихам самого В. Маяковского, которые, по его же словам, в те

октябрьские дни "усыновила петербургская улица":

Ешь ананасы, Рябчиков жуй, День твой последний приходит, буржуй...

(Попутно отметим: доказывая в статье, что "безнадежно складывать в 4-стопный амфибрахий, придуманный для шепотка, распирающий грохот революции", В. Маяковский свои строки об ананасах и рябчиках пишет чистейшим дактилем.)

Приведем стихотворение 3. Гиппиус в том виде, в каком оно печатается в современных изданиях:

Как скользки улицы отвратные, Какая стыдь! Как в эти дни невероятные Позорно жить!

Лежим, заплеваны и связаны, По всем углам.
Плевки матросские размазаны
У нас по лбам.

Столпы, радетели, водители Давно в бегах. И только вьются согласители В своих Це-ках.

Мы стали псами подзаборными, Не уползти! Уж разобрал руками черными Викжель — пути...

Стихотворение датировано 9 ноября 1917 года.

Сравнивая "оригинал" со "списком", видим, что В. Маяковский не только заменил примерно половину слов, но изменил синтаксис последнего предложения, убрав тире, обозначающее интонационную паузу. Так возник "Викжель пути", отчасти из-за омонимичности грамматических форм слова путь: родительный падеж единственного числа (так у В. Маяковского) совпадает с винительным падежом множественного числа (авторское словоупотребление). Отметим, что в примечаниях к собраниям сочинений В. Маяковского (см., в частности: Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1959. Т. 12. С. 563; Собр. соч.: В 12 т. М., 1978. Т. 11. С. 401), хотя и говорится о неточности цитации и приводится стихотворение "Сейчас", но тире в нем отсутствует.

Стихотворение З. Гиппиус, первоначально названное "Ноябрь", в конечном варианте получило заглавие скорес газетное, сей-час-минутное, злободневное. В стихах зримо отразились жестокие последствия

русских революций: одну поэтесса радостно приветствовала в феврале 1917 года, вторую проклинала восемь месяцев спустя.

Викжель — реальная примета конца 1917 года. В печати того времени это слово встречается нередко. Например, в заголовках газеты "Новая жизнь" за октябрь—ноябрь 17-го: «В Совещании при "Викжеле"», «Телеграмма Керенского "Викжелю"». Однажды оно вызвало иронический пассаж постоянного автора "Новой жизни" Э. Кроткого: «В дело вмешался "Викжель". Это еще что за держава? На карте ее не нашел. Вероятно, где-нибудь между Уругваем и Парагваем». Предположение Э. Кроткого звучало вполне резонно: державы в ту пору возникали как грибы, а экзотические географические названия были привычны для читательского слуха — их нередко употребляли писатели и особенно поэты.

Однако Викжель вовсе не держава. Расшифровывается это сложносокращенное слово весьма прозаично — Всероссийский исполнительный комитет профсоюза железнодорожников. Он был избран на Учредительном съезде, проходившем летом 1917 года. Сразу же после событий 25 октября Викжель стал выступать против захвата власти большевиками, уже 28-го было объявлено о приостановке передвижения войск, как в помощь Керенскому—Краснову, так и на подмогу Советам. 29 октября Викжель предъявляет обеим сторонам ультиматум, требуя объявить перемирие, приступить к переговорам о создании "однородного социалистического правительства" и угрожает всеобщей стачкой на железной дороге. Викжель практически взял на себя власть над транспортом — факт, запечатленный в финальных строках стихотворения 3. Гиппиус "Сейчас". На короткое время этот комитет оказался в центре событий осени 1917 года, когда активно пытался предотвратить начало гражданской войны, "русской усобицы". Но уже в середине декабря 1917 года было принято решение о недоверии комитету, а в январе 1918 года его заменил Викжедор.

Уйдя из казенно-официального обращения, Викжель обрел право на бессмертие в поэзии. Его буквальное значение в стихотворении З. Гиппиус отступает, и на передний план выдвигается фонетический облик слова с присущим ему благозвучием. Сегодня даже сама его непонятность дает неожиданный поэтический эффект — возникает некое одушевленное существительное мужского рода, чему способствует глагол разобрал. Благодаря этому глаголу образ существа с черными руками, вершащего людскими судьбами, не теряет и своего "прямого", железнодорожного предназначения.

Такие сложносокращенные слова как Викжель не редкость в послереволюционные годы. В заметке "Новые словечки и старые слова", помещенной в журнале "Дом Искусств" (1921. № 2), А. Горнфельд, усматривая в них лингвистическую ущербность, писал, что за словом

"пролеткульт" можно увидеть, например, не "пролетарскую культуру", а "культ пролетария" — что, возможно, по сути было вернее. На страницах того же журнала художник Ю. Анненков явно иронизировал: "Почему бы, наконец, не настаивать на слиянии масонства с политикой Главрыбы или не разукрасить Мольера и Шекспира инсценированными тезисами Райлескома?". Главрыба отсылает нас к "Собачьему сердцу" М. Булгакова (возможно, статья Ю. Анненкова была ему известна), а затем вновь возвращает к Викжелю, теперь уже косвенно.

Между повестью М. Булгакова и стихотворением З. Гиппиус, при всей их видимой отдаленности, помимо бездомного пса имеются и другие точки соприкосновения. Речь идет о двух аббревиатурах. В стихотворении З. Гиппиус, кроме Викжеля, — это Це-ка, центральный комитет, вернее, комитеты многих партий, в которых "вьются согласители" — образ, явно восходящий к пушкинским "Бесам" и к "Бесам" Достоевского. А вот прием, с помощью которого З. Гиппиус достигает иронического эффекта, ставя аббревиатуру ЦК в несвойственный ей предложный падеж, да еще и множественного числа, сродни булгаковскому "в Ресефесере". Подчиняя искусственные новообразования законам русского языка, писатель и поэт тем самым подчеркивали их нелепость и абсурдность.

Два сложносокращенных слова из стихотворения З. Гиппиус "Сейчас", написанного в поворотные для истории России дни, имеют разные судьбы, но объединяет их существительное — "комитет". Одно слово могло навсегда уйти из языка вместе с недолго просуществовавшим явлением, если бы не стало фактом русской поэзии. Другое активно вошло в язык и, кажется, тоже претендует на бессмертие, но уже совсем не поэтического свойства.

Волгоград

"Король, дама, валет", или Сердца трех в романе Набокова

В.В. САВЕЛЬЕВА, кандидат филологических наук

Чтение художественной прозы Владимира Набокова предполагает узнавание "чужой речи" — характерных литературных оборотов, фраз, ситуаций, сцен, в том числе из русской классики, которая была для него неким священным писанием — пратекстом, на котором он вышивал узоры своей янтарно-прозрачной прозы. Бессмысленно пытаться определить смысл присутствия этих многочисленных цитат: пародирование, стилизация, соперничество, мистификация, восхищение... Блестящий переводчик русской классики, талантливый комментатор и исследователь Владимир Набоков ждет и от читателя своих романов параллельного присутствия в разных художественных мирах и речевых сферах, которые породнены и слиты в его авторской речи.

Роман "Король, дама, валет" — вечно новая и старая история любви. Условный характер ситуации обнажен в карточной эмблематике заглавия романа: Король, Дама, Валет — любовный треугольник, в котором действуют "вечный муж" и счастливые преступные любовники. "Был какой-то смутно-закономерный ритм в этих их сочетаниях, — и

ни на один миг чувство этой гармонии не обрывалось. Существовала будто незримая геометрическая фигура, и они были две движущихся на ней точки, и отношение между этими двумя точками можно было в любой миг прочувствовать и рассчитать, — и хотя они как будто двигались свободно, однако были строго связаны незримыми, беспощадными линиями той фигуры" (Набоков Владимир. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990. Т. 1. С. 203).

Перед нами почти шахматная задача, дающая возможность повторить и опробовать разные комбинаторные варианты с предрешенным драматическим финалом. Смерть героини — наиболее частый вариант развязки подобного конфликта. Она может быть убита ("Цыганы", "Идиот", "Бесприданница", "Крейцерова соната"), может убить себя ("Анна Каренина", "Гроза", "Леди Макбет Мценского уезда"), страдать и умереть ("Кто виноват?", "Кто прав?", «Фрегат "Надежда"» или повесть Тургенева "Фауст"). Набоков отдает предпочтение третьему типу развязки, а его повествование строится так, что судьба Марты эпизодически соотносится с судьбами знакомых литературных персонажей — героинями Пушкина, Тургенева, Толстого, Лескова, Чехова. Например, у его дамы есть собачка, и влюбленный Франц, подобно Гурову из "Дамы с собачкой", включает Тома в сферу своего внимания ("В собаке, гулявшей с горничной, ему показалось, что он узнал Тома").

Вторая фигура этой карточно-шахматной партии, роль драматичная и трагичная одновременно, — Король, "вечный муж", вынужденный или смириться со своей участью, или вызвать соперника на дуэль, или, наконец, убить его и изменницу. Какие разнообразные характеры создала художественная литература! Это и взбешенные Алеко, Пьер Безухов, Позднышев, страдающие Круциферский, Каренин и благородный Дымов ("Попрыгунья"), герои А. Дружинина ("Полинька Сакс"), А. Писемского ("Виновата ли она?"), Ф. Тютчева ("Кто прав?"), остающиеся в тени мужья в повестях "Фауст", "Вешние воды" и романе "Дым" И. Тургенева, устраняющиеся герои романа "Что делать?" и "Живого трупа", и немеркнущий символ оскорбленного мужа — каменный Командор ("Каменный гость"). Набоков заставляет нас поверить в блаженное, абсолютное неведение Драйера — этого третьего лишнего (от нем. drei — три), которого не удалось устранить, который, вымокнув, остался невредимым — вышел сухим из воды (от англ. dry — сухой).

Валет — фигура, символизирующая счастливого соперника; он выигрывает, проигрывая, и проигрывает, выигрывая (этакий близорукий и беспомощный Франц, вызывающий у Марты материнскую нежность и страсть). Три развязки могут быть уготованы судьбой этому временному счастливцу: пройти все круги ада и рая и охладеть

("Виновата ли она?") или быть брошенным ("Вешние воды"), погибнуть ("Цыганы", "Каменный гость", "Поединок") или бежать, как бегут герои повести А. Бестужева-Марлинского "Страшное гаданье" и романа И. Тургенева "Дым".

Динамизм повествованию задает "огромная черная стрелка" вокзальных часов, от первого толчка которой "дрогнет и тронется весь
мир". Образ часов, этого опредмеченного знака времени, пройдет
через весь роман. Это и маленькие, величиной с кошачий глаз, часики
на руке Марты, и "плоские золотые часы" Драйера, которые Марта хочет сохранить так же, как и деньги мужа, и остановившиеся часы в
доме в момент ее смертельной болезни. Для Марты часы показывают
не время жизни, а время смерти Драйера: "Она осторожно взяла со
стола часы и посмотрела на фосфористые стрелки и цифры, — скелет
времени. Еще долго..." Вспомним, как совершенно по-иному смотрит
на часы и ничего не видит Вронский, время остановилось для него на
разговоре с любимой женщиной. "Вронский смотрел на часы на балконе Карениных, он был так растревожен и занят своими мыслями, что
видел стрелки на циферблате, но не мог понять, который час" (Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 12 т. М., 1987. Т. 7. С. 213). Завершает
набоковский роман фраза освобожденного Франца ("Разбудите меня
завтра не раньше десяти..."), который спешит "заспать" весь
пережитый ужас и проснуться для наслаждения жизнью без Марты.

Железная дорога — второй ключевой образ в кольцевой композиции романа — вызывает в памяти роковую символику романов "Идиот", "Анна Каренина", "Дым". Не случайно у Набокова в конце повествования "грохот колес" напоминает Францу "страшное бормотанье" умирающей Марты.

Очарование Толстым-художником и своеобразное ученичество Набокова ощутимо во многих описаниях романа. Так, в первых эпизодах Марта, подобно Карениной на бале, в черном. Если Анна, возвратившись из Москвы, испытывая недовольство собой, "разгорячилась" на модистку, то Марта "ощущает приближение непоправимого" и "сердится на все" — на зеленое платье, на служанку Фриду, на свое злое лицо. Любовь у Анны и Марты вызывает нарастающее отвращение к мужу, и обе героини признаются, что считают мужьями своих любовников. "Он не понимает, что я твоя жена, что он чужой, что он лишний...", — говорит Анна. "Пойми же, — мы женаты, женаты... Мой милый муж", — обращается Марта к Францу. Если Анна произносит: "Я не думаю о нем. Его нет", — то героиня Набокова, решаясь убить мужа, понимает это "его нет" буквально, когда смотрит на сидящего в кресле мужа и видит его отсутствие. "Острота ее ненависти дошла внезапно до такой степени проницательности, что на одно мгновение ей померещилось: его кресло пусто".

Как отмечено В.Е. Ветловской, в романе Толстого тема страсти переплетается с иносказательным переосмыслением мотивов еды и насыщения, начиная с ответа Анны ("я — как голодный человек, которому дали есть") и заканчивая ее отвращением к себе, к миру, к "грязному мороженому" ("Всем нам хочется сладкого, вкусного") перед смертью (Русская литература. 1979. № 4). В свой роман Набоков тоже вводит гастрономические эпизоды и скрыто эротическую сцену совместного поедания Францем и Мартой одной ножки холодного цыпленка.

Толстовские параллели теряют у Набокова толстовское звучание, так как лишаются нравственного переосмысления, ибо в отличие от Толстого Набоков антиморалист. Это касается, например, иного сочетания у Набокова тем любви, смерти и преступления. В знаменитой сцене апогея любви Анны и Вронского Толстой сравнивает любовников с преступниками-сообщниками, которые прячут тело жертвы, и это тело, лишенное ими жизни, была их любовь. Любовники у Набокова становятся преступниками-сообщниками не в нравственном или метафорическом, а в прямом смысле. Марта в моменты любовной близости испытывает дополнительное наслаждение от мысленного созерцания убийства мужа. "Она вскоре пыталась вновь завлечь сонного Франца, и, добившись этого, она снова воображала, что по мере того, как блаженство близится, Драйер гибнет, что каждый торопливый удар ранит его еще глубже, и что наконец он слабеет, валится, растворяется в нестерпимом блеске ее счастья". Можно сказать, что, не будучи моралистом, Набоков доводит до логического завершения толстовскую идею о разрушительной природе страсти.

Страсть, требующая преступления, пугает, подчиняет и отвращает Франца от Марты. В разработке этой линии Набоков опирается на "Леди Макбет Мценского уезда". Даже во внешности Марты соединюются аристократизм Анны Карениной ("дама с мадоннообразным профилем", "в черной шапочке с маленькой бриллиантовой ласточкой") и скучающая до поры до времени кровожадность Катерины Измайловой. "Бархатно-белая шея" Марты (ср.: "шея, точно из мрамора выточенная", у лесковской героини — Лесков Н.С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1973. Т. 1. С. 234) часто повторяется в тексте романа, а уже в первой сцене эта "мадонна" "позевывает, как тигрица" (ср.: "зевала, зевала... да и стыдно ей, наконец, зевать стало" — Лесков Н.С. Указ. соч. С. 236) и смеется, "плотоядно обнажив зубы". Во внешности своей героини Набоков подчеркивает сочетание "белого равнобедренного треугольника лба" и "темных гладких волос", у Катерины Измайловой тоже — "белый высокий лоб" и "черные, аж досиня черные" волосы. Интересна и перекличка микродеталей: навязчиво упоминаемые карманные часы Драйера соотносятся с карманными часами мужа над изголовьем кровати Катерины Львовны, часами, "мерное тиканье"

которых не мешает страстным свиданиям любовников. Позже Марта произносит фразу, прямо воскрешающую тень героини Лескова, которая тонкими пальцами сжимала горло мужа: "Удавить, — пробормотала Марта. — Если б можно было просто удавить... Голыми руками". Именно в этот момент, пишет Набоков, в сознании Франца "ктото совершенно посторонний мельком отметил, что она сейчас похожа на жабу". По мере того как в воображении Марты начинают рождаться разные проекты устранения мужа (застрелить, отравить, задушить, утопить), ее образ начинает вытесняться из сознания Франца. Рай начала их романа оборачивается бредом и адом, где Марта желает смерти мужа, а Франц — смерти Марты.

С момента принятия преступного решения история героевлюбовников как бы раздваивается на реально-жизненную и воображаемую, и воображаемая действительность все более замещает в их сознании реальную. Франц и Марта неоднократно убивают Драйера в своих снах, но его образ разрастается, как пожар, и оказывается, что "человеческую жизнь, как пожар, тушить опасно и трудно". Подыгрывая своим героям, Набоков убирает имя Драйера из текста и находит некие безымянные формы его называния: "он", "чужой господин", "желтоусый", "желтошерстая гадина", "мой покойник". "Надо положить этой жизни конец, — говорит Марта, — из трупа опять сделать труп". Но этот "живой труп" Драйер тоже живет не столько реальностью, сколько фантазией, и в нем жажда жизни и деятельности, добродушие к Францу и очарованность женой нарастают пропорционально ненависти Марты к нему. Своей высшей точки этот контраст достигает в момент смерти Марты, на лице которой "улыбка, — та улыбка, с которой она умерла, улыбка прекраснейшая, самая счастливая улыбка, которая когда-либо играла на ее лице, выдавливая две серповидные ямки и озаряя влажные губы".

Роман имеет одну объективную развязку ("Дама убита") и тройственный финал — своеобразную ничью или победу треугольника. Для Марты — это исполнение желаемого, когда в дарованном ей жизнью предсмертном сне она топит Драйера, потом его пиджак и торжествует в объятиях Франца. Для Драйера — это неведомое ему избавление от ожидавшей его смерти и улыбка Марты, подлинной причины которой ему не дано знать. Победа Франца — это избавление от Марты, смех свободы и сон без ужасов сна.

Попович, Каганович и Осип Мандельштам

О.А. ЛЕКМАНОВ, кандидат филологических наук

Какой-то гражданин, наверное попович, Наевшися коммерческих хлебов, – Благодарю, – воскликнул, – Каганович! И был таков.

В недавно вышедшем "Полном собрании стихотворений" Осипа Мандельштама это шуточное четверостишие сопровождается следующим примечанием: "Стихотворение писалось, вероятно, в конце нэпа, но с какой стороной деятельности Л.М. Кагановича оно было связано, нам не удалось установить" (Мандельштам О. Полн. собр. стихотворений (Сост., подготовка текста и прим. А.Г. Меца). СПб., 1995. С. 671).

Деятельность Лазаря Моисеевича Кагановича по обеспечению части населения молодой советской республики хлебом — путём отъёма этого хлеба у другой части населения молодой советской республики — началась на заре его политической карьеры. Уже в 1919 году в качестве уполномоченного ВЦИК Каганович едет выбивать хлеб у сибирских крестьян, о чём впоследствии пишет специальную брошюру (Как нам достаётся хлеб. Доклад уполномоченного ВЦИК по реализации урожая 1919 года в Сибирской губернии тов. Кагановича. М., 1920).

В разгар нэпа, в 1927 году на X съезде КП(б)У Каганович делает доклад, в котором появляется важный для нас мотив "коммерческих хлебов": "Потребительская кооперация охватила уже крестьянский и рабочий потребительский бюджет на 50%. Рабочая кооперация развивает также широкую работу в деле общественного питания и хлебопечения" (Каганович Л.М. Два года. От IX до X съезда КП(б)У. Харьков, 1927. С. 57).

В 1932 году, уже будучи одним из "тонкошеих вождей", в речи на втором пленуме московского областного комитета ВКП(б) совместно с Секретариатом райкомов области, Каганович также ратует за развитие кооперативного сектора: "Необходимо наполнить базары содержанием, то есть товарами. Основной задачей сейчас является всемерное стимулирование подвоза продуктов на базары. С этой целью мы идём на то, чтобы 50-вёрстную зону вокруг Москвы

освободить от государственных заготовок и контрактации кроме хлеба" (Каганович Л.М. Боевые задачи московской партийной организации по подъёму сельского хозяйства и укреплению колхозов. М., 1932. С. 34).

Однако пик деятельности Кагановича по обеспечению Москвы и Московской области государственным и коммерческим хлебом приходится на 1933 год. Теме хлеба посвящён доклад Кагановича на первом всесоюзном съезде колхозников-ударников 16 февраля 1933 года. При внимательном чтении этого доклада, кстати, становится понятно, почему "благодарю" в мандельштамовском четверостишии восклицает "наверное попович" (что позволяет с большой долей уверенности датировать его 1933 годом. О более точной датировке см. ниже). "Попы, которые служат помещикам и капиталистам, устраивают молебны, чтобы была засуха, – клеймит Каганович американских священников. – Пожалуй, можно было бы им отправить для этих молебнов значительную часть наших безработных попов. (Смех, аплодисменты). Они быстро приспособятся к американским капиталистам и молебны перестроят: вместо просьбы бога о дожде начнут просить бога о засухе. (Смех) " (Каганович Л.М. Укрепление колхозов и задачи весеннего сева. Л., 1933. С. 8–9). "Благодарю" поповича и финальная строка мандельштамовского четверостишия ("И был таков") в свете предложения Кагановича обретает новое звучание.

4 июля 1933 года в своей речи на пленуме МК и МГК ВКП(б) Каганович продолжает тему "коммерческих хлебов": "Наши сельские и районные работники должны твёрдо усвоить, что единоличник — это завтрашний колхозник. Мы должны организовать работу среди единоличников по полному и своевременному выполнению обязательств по хлебосдачам" (Каганович Л.М. На путях к окончательному превращению Московской области из потребляющей в производящую. М., 1933. С. 7). В этой же речи Каганович воспевает прелести колхозного строя (что знаменует отказ от периода "коммерческих хлебов") и обращается к воображаемому слушателю с лукавым предложением: "Попробуй нашему крестьянину — бедняку и середняку — предложить вернуться к капиталистическому пути развития сельского хозяйства! Попробуй и посмотри, что он ответит на это!" (Там же. С. 10).

Мандельштам знал, что ответит на это крестьянин. Летом 1933 года, после поездки с женой в Крым, он создаёт стихотворение, которое отчасти, думается, было написано под впечатлением от только что процитированной речи Кагановича. Рискнём предположить, что именно тогда поэт написал и четверостишие о "коммерческих хлебах". Помимо тематической близости, на это, как будто, указывает сходное ритмическое строение первых строк стихотворений о Крыме и Кага-

новиче (5-стопный ямб с цезурой; первая строка стихотворения о Кагановиче длиннее на стопу).

Холодная весна. Бесхлебный робкий Крым, Как был при Врангеле – такой же виноватый. Комочки на земле. На рубищах заплаты. Всё тот же кисленький, кусающийся дым.

Всё так же хороша рассеянная даль. Деревья, почками набухшие на малость, Стоят как пришлые, и вызывает жалость Пасхальной глупостью украшенный миндаль.

Природа своего не узнаёт лица, И тени страшные Украйны и Кубани... На войлочной земле голодные крестьяне Калитку стерегут, не трогая кольца.

Лето 1933\ Москва. После Крыма.

Комментируя последнюю строфу этого стихотворения, Надежда Яковлевна Мандельштам вспоминала: "Кубань и Украйна (место предыдущей "хлебодобывающей" деятельности Кагановича. — О.Л.) названы точно — расспросы людей, бродивших с протянутой рукой. Калитку действительно стерегли день и ночь — и собаки, и люди, чтобы бродяги не разбили саманную стенку дома и не вытащили последних запасов муки. Тогда ведь сами хозяева стали бы бродягами. Они пошли бы побираться, чтобы не погибнуть от отсутствия хлеба" (Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. Воронеж, 1990. С. 231).

Осенью того же, 1933 года, Мандельштам разразился лютой эпиграммой на патрона и бога Кагановича — "Мы живём, под собою не чуя страны...", вторая строка которой ("Наши речи за десять шагов не слышны") как бы противопоставляла неуслышанную речь поэта (стихотворение о Крыме) громогласным речам Кагановича (см. вариант 3-4 строк эпиграммы Мандельштама: "Только слышно кремлёвского горца, / Душегубца и мужикоборца").

МИФОЛОГИЗАЦИЯ РЕЧЕВЫХ СРЕДСТВ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ ГАЗЕТЫ

Н И. КЛУШИНА

История человеческой культуры на протяжении веков вырабатывала понятие миф. "Словарь античности" (М., 1989) определяет его как "форму общественного сознания, возникшую в условиях сравнительно низкого социального развития и отражающую в виде образного повествования фантастические представления о природе, обществе и личности". Е.М. Мелетинский, рассматривающий мифотворчество как важнейшее явление в истории человечества, считает мифологию самым древним, архаическим, идеологическим образованием, имеющим синкретический характер.

Но мифы не исчезли с развитием науки и техники. Система мифов не осталась в прошлом. Мифологизированное сознание существует и сегодня. Некоторые его особенности сохраняются на протяжении истории рядом с элементами философского и научного знания. Такая мифологичность массового сознания имеет самые глубокие психологические корни. Она зиждется на вере (а именно миф всегда служил предметом веры, а не критики), на стремлении к идеалу (и здесь именно мифология ориентирована на гармонизацию личности, общества и природы).

Но современный миф отличается от древнего. Толковые словари отмечают лишь два значения, присущие слову миф. Это древнее народное сказание о легендарных героях, богах, явлениях природы. И переносное: недостоверный рассказ, выдумка. Эти два значения связаны между собой и предполагают противопоставление мифа (выдумки, легенды) – истории (правдивости, достоверности), что наглядно видно в формулировке Цицерона: «Миф – это событие, в котором нет ни правды, ни правдоподобия, например: "Крылатые драконы были в упряжи..." История – это действительные события, отдаленные от нашего времени, например, "Аппий объявил карфагенянам войну"».

Миф же в газете – это миф политический. "Краткий политический

словарь" (М., 1989) определяет его как "искусственно создаваемое ложное представление о реальных общественных процессах". Здесь, как видим, оппозиция "достоверное / вымышленное" выступает в нейтрализованном виде: "строгая / нестрогая достоверность". События политического мифа не вымышлены, они имеют место в действительности, но информация об этих событиях дается в преобразованном виде. Здесь велика роль идеологической интерпретации факта (то, что в риторике называется "расцветкой", или "колорес"), с помощью которой можно формировать общественное мнение.

Именно поэтому политические и социальные мифы были широко распространены как в советских, так и в западных средствах массовой распространены как в советских, так и в западных средствах массовои информации. Совсем еще недавно на страницах советских газет развенчивались и подвергались резкой критике создаваемые зарубежной печатью мифы о "советской военной угрозе", "о руке Москвы" и другие. Как в западной, так и в советской печати намеренно и продуманно формировался один и тот же "образ врага" – для Америки в лице Советского Союза, а для СССР – в лице США.

В советской печати признавалось существование политических, идеологических и т.п. мифов, но соотносимых с буржуазной действительностью и не относящихся к советскому образу жизни. Изменение точки зрения на жизнь общества привело к тому, что от развенчания мифов, создаваемых западными средствами информации и пропаганды, и от обвинения их в мифотворчестве мы обратились к своей собственной истории и поняли, что именно она была полностью мифологизирована.

рована.

На страницах наших газет замелькали сообщения о том, что «советский народ переживает "момент познания", охотно воспринимая опыт западного общества, которое называет "нормальным"» (ЛГ, 1992, 15 дек.), о "процессе демифологизации бытия" (Собеседник. 1991. № 15), о том, что "именно в освобождении от мифов и есть главная заслуга перестройки" (Собеседник. 1991. № 5).

Исследователи отметили новую "мифотворческую функцию" газеты (воздействие посредством политического мифа), оговорив, что журна-

листы чаще всего выступали не как хладнокровные манипуляторы общественным сознанием, а как люди, действительно верившие в то, чего на самом деле не было.

Были выявлены причины порождения мифов в газете: социальные, связанные с господством административно-бюрократической системы управления, и идеологические, когда "ограниченный доступ к социальной информации, пренебрежительное отношение ко всем концепциям и точкам зрения, не согласующимся с теми, которые объявлены верными ... мифологизирует мышление не только отдельных людей, но и больших групп населения, целых поколений" (И.М. Дзялошинский).

И указаны следствия: "однотипность и односмысленность выродившейся и деградировавшей риторики" (М.Г. Ваняшова).

Газеты доперестроечной поры дают богатый материал для построения типологии идеологических мифологем. Так, различаются мифы личностные и мифы общественные. Личностные мифы стали создаваться сразу после революции (в первую очередь, о ее вождях) и функционировали на протяжении всей советской истории (исключая период разоблачения "культа личности" Сталина и период хрущевской "оттепели"). Личностные мифы, складывавшиеся вокруг каждого последующего руководителя государства, укоренялись в сознании советских людей с помощью стереотипных номинаций, закрепляющих образование психологически обусловленного постоянного языкового навыка: "вождь мирового пролетариата" (о Ленине); "гениальный вождь и учитель" (о Сталине); "генеральный конструктор" (о Хрущеве); "верный ленинец" (о Брежневе); "главный архитектор перестройки" (о Горбачеве). Такие стереотипы номинации, функционировавшие чаще всего с определенным стилистическим заданием (например, подчеркнуть официальность или торжественность сообщения), близки к известным в исторической поэтике сакральным формулам, в которых сакральное слово сливается с определенной мифологемой. Пересмотр обществом своей истории привел к ироническому употреблению этих наименований в языке современной газеты.

Однако такой пересмотр привел не только к стилистическому, но и

лению этих наименований в языке современной газеты.

Однако такой пересмотр привел не только к стилистическому, но и концептуальному переосмыслению устоявшихся личностных мифов и их развенчиванию. Яркий пример тому — образ Павлика Морозова, закрепленный в советском сознании как символ пионера, честно выполнившего свой долг перед Родиной. В печати перестроечной поры этот личностный миф был соотнесен с античным мифом об отцеубийстве, и пионер-герой был сброшен со своего пьедестала. Сходная участь постигла и многих других героев революции и первых лет становления советской власти (например, Дзержинского, Свердлова, Калинина и др.). Еще А.Ф. Лосев указывал, что "всякая вещь мифична не в силу своей чистой вещественной качественности, но в силу своей отнесенности в мифическую сферу, в силу мифической оформленности и осмысленности. Поэтому личность есть миф не потому, что она – личность, но потому, что она осмыслена и оформлена с точки зрения мифического сознания". мифического сознания".

Мифического сознания . Общественные мифы также берут свое начало в послереволюционной действительности, в 20–30-х гг. Они были построены вокруг определенных заданных идеологем: "мы придем к победе коммунизма", "нерушимая дружба братских народов", "бескризисная плановая экономика" и т.п., широко распространявшихся через газеты, журналы, лозунги. Во время перестройки они подверглись активному разобла-

чению: "в плену мифа о командной системе" (Комс. правда. 1993. 18 дек.); "новые, на этот раз несколько сдержанные сказочки коммунистов, снова нам обещающих рай в шалаше" (Комс. правда, 1992. 2 окт.) и т.п. После развала СССР газеты стали писать о "пропагандистском флёре казенной дружбы народов" (ЛГ. 1992. 15 дек.); "политике с позиции силы" и "великодержавной политике по отношению к народам и государствам Восточной Европы" (ЛГ. 1992. 1 дек.).

Разрушение и развенчание догм и мифологем, бытовавших в советской печати, подвело черту под определенным периодом не только в истории прессы, но и в жизни общества. Наступил конец т.н. мифологической эпохи. Определенный (недолгий) промежуток времени журналисты говорили об открытости массового сознания. Но открытым массовое сознание если и остается, то весьма недолго, так как "нет такого строя, который мог бы жить без идеологии" (Е.М. Мелетинский).

С 1991 года правительство приняло новый политический и экономический курс. В газетах постперестроечной поры намечаются новые идеологемы, таящие в себе возможность обернуться мифологемами. Вновь отрицается "темное" 70-летнее прошлое страны ради построения "светлого" будущего. В печати создаются и выдвигаются на первый план идеологемы: представление бывшего Советского Союза только как "советской империи", "империи зла" и утверждение идеи рынка только в качестве "светлого будущего".

Их рождение продиктовано социально-психологическими установками общества на пересмотр своей истории и закрепление в массовом сознании новых ориентиров. Известно, что общественное мнение создается аналитическими и конструктивными суждениями. Можно повлиять на общественное сознание и с помощью оценочных высказываний о происходящих событиях. В этих же идеологемах "заранее заданная идея ложится в основу номинации" (В.П. Вомперский) и подтверждается лексическими средствами.

Так, слово империя имело нейтральную окраску и означало: "Монархическое государство с императором во главе". В таком прямом и единственном значении слово употреблялось вплоть до начала нынешнего века — словосочетание Российская империя по своей стилистической окраске было нейтральным и единственно возможным как определение государственного устройства страны. После отречения Российского царя от престола Российская империя как государственное устройство рухнула в феврале 1917 г. С этой исторической точки начинается "приращивание" негативной стилистической окраски к ранее нейтральному наименованию.

Опираясь на ленинское определение России как "тюрьмы народов", в годы становления советской власти слово *империя* включило в себя

отрицательный оттенок значения. Словарь С.И. Ожегова 1953 года выделяет второе значение этого слова: "Крупная империалистическая колониальная держава, ведущая агрессивную политику и жестоко эксплуатирующая зависимые народы". Эта дефиниция соотносилась только с буржуазной действительностью.

По отношению к Советскому Союзу эту номинацию впервые употребили на Западе во времена холодной войны, положив ее в основу ярко коннотатированной метафоры — империя зла. Но с развитием гласности и с началом перестройки именно эта метафора с резко отрицательной коннотацией легла в основу словесных подмен, используемых вместо словосочетания Советский Союз. Одно из переносных, стилистически окрашенных значений существительного империя выдвигается на первый план, постепенно вытесняя из словоупотребления основное, нейтральное значение: «появление на месте "империи зла" новых государств» (Комс. правда. 1992. 11 дек.); "смутные времена распада империи" (АиФ. 1992. № 3); "распавшаяся империя" (Комс. правда. 1993. 12 янв.).

правда. 1993. 12 янв.).

Суждение о том, что Советский Союз по существу являлся империей, угнетавшей свои колонии ("не распад Советского Союза, а этап деколонизации" — Известия. 1990. 13 дек.), в средствах массовой информации поддерживается лексическими средствами, например, трансформацией синонимических и антонимических рядов. Так, в одном синонимическом ряду оказываются ранее противопоставлявшиеся определения царский — советский: "Это еще от царской, советской империи пришло убеждение, что начальник должен говорить по-русски" (Комс. правда. 1993. 18 июня), где противопоставленность определений нейтрализуется общим опорным словом империя, а на прилагательное советский накладывается отрицательная стилистическая окраска, присущая окружающему его контексту.

Как известно, новые контексты употребления многих слов, обусловленные социальными переменами в стране, вызывали переосмысление этих слов применительно к данным контекстам. Замены словосочетания Советский Союз на стилистически негативно окрашенные словосочетания с опорным словом империя, подтвержденные нетипичным ранее для них контекстом, носили столь массовый и регулярный характер в печати, что в последнем переработанном издании "Толкового словаря" С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой так откорректировано второе значение существительного империя: "вообще государство, состоящее из территорий, лишенных экономической и политической самостоятельности и управляемых из единого центра" (М., 1992. С. 250). По этому определению, империей может быть названо почти любое сильное государство из существующих на современной карте мира — будь то бывший Советский Союз, Соединенные Штаты

Америки, Англия или Германия. Так современное словоупотребление привело к полному переосмыслению данного слова.

В рассуждениях об имперском прошлом нашей страны существительное империя стало тем обобщающим, суггестивным словом, которое так характерно для мифа. В языке современной газеты оно "поглотило" целый ряд синонимов: страна, государство, Советский Союз, родина, отечество, держава. Таким образом слово отходит от знака и вплотную подходит к символу.

Аналогичными способами в печати выстраивалась идеологема о рынке как залоге общественного процветания и благоденствия. Частое употребление данного слова в положительном контексте (свободная рыночная экономика, нормальные рыночные отношения, рынок с человеческим лицом и т.п.) способствует формированию у него положительной коннотации, а также утверждению ее в массовом сознании (т.е. происходит воздействие на сознание через эмоциональную сферу, что характерно и для мифа). Создаются новые синонимические и антонимические ряды, подкрепляющие выбранную коннотацию (так, словосочетание рыночная экономика стало антонимом к словосочетанию советская, плановая экономика и синонимом к словосочетанию капиталистическая, здоровая экономика). Утверждаются в общественном сознании новые стереотипные номинации (нормальные рыночные отношения, цивилизованный рынок), либо старые клише получают новое наполнение: светлое капиталистическое будущее. Так происходит мифологизация речевых средств в языке современной газеты.

Идеологема — неотъемлемый атрибут газеты. Она организует картину мира и воздействует на массовое сознание. Выдвижение конкретной идеи для газеты как проводника определенной политики естественно. Но если она утверждается вопреки другим, символизируется и фетишизируется, то вполне возможна ее мифологизация, так как именно миф оперирует единственно значимыми идеями, вопреки науке, предполагающей гипотетичность. Нет строя, который мог бы обходиться без идеологии, но она не должна монополизировать одну идею. Как считают современные исследователи, "альтернативой всеобщему и окончательному является не другое всеобщее и окончательное, а незавершенное, которое остается революционным, ибо оно никогда не превращается в жестко ограниченное, а постоянно пребывает на пути к новому и неизвестному" (Э. Далеман).

Заимствования 80–90-х годов в социолингвистическом аспекте

Е.В. СЕРГЕЕВА, кандидат филологических наук

Заимствованная лексика на каждом этапе развития языка может быть разделена на две группы: 1) единицы кодифицированные, вошедшие в словари, признанные полноправными лексемами литературного языка и 2) слова, употребляемые в текстах (литературных, публицистических, научных, деловых), но не нашедшие отражения в словарях (сейчас это дистрибьютер, инсталляция, картридж, киллер. модем, ноутбук, необатализм, риэлтер, пейнтбол, сквот, трастовый, трансфер, хэппенинг и др.). Широко употребляемые в рекламе, они проходят этап письменной фиксации более или менее быстро и включаются в словари.

Эксперимент, в ходе которого были опрошены около 100 студентов, дававших толкование лексемам дистрибьютер, картридж, киллер, модем, ноутбук, пейджер, риэлтер, свингер, показал, что из слов, еще не вошедших в словари, даже наиболее часто встречающиеся в печатных изданиях лексемы не всегда знакомы носителям языка или знакомы лишь приблизительно.

Слово *киллер* известно почти всем респондентам, видимо, благодаря частому употреблению в публицистике, на телевидении и в развлекательной литературе. Его значение "наемный убийца" точно определили 33 студента, приблизительно "убийца" – 46, и лишь 9 (10%) не знали, о ком идет речь.

Экономические же понятия оказались знакомы лишь весьма отдаленно. Точно значение слова дистрибьютер "представительство какой-либо крупной фирмы в данной стране" смогли сформулировать лишь 24 из 98 опрошенных, неточно представляют это значение 45, а 24 не знают смысла этого слова. Значение лексемы риэлтер — "фирма или агент, занимающиеся сделками с недвижимостью", знакомо лишь семи студентам, восемь могут привести ассоциацию — "связанный с экономикой", а остальные (более 80 процентов!) значения не знают.

Некоторое различие среди филологов и "технарей" наблюдается, когда нужно истолковать слово, связанное с техникой, даже если это техника, уже достаточно широко известная в быту: семантика лексемы

ноутбук известна точно лишь четырем студентам-филологам — "небольшой переносный компьютер в виде чемоданчика" и десяти — приблизительно — "компьютер", в то время как из студентов технического вуза точно сформулировать значение могут уже 15 респондентов и 3 — приблизительно. Остальные опрошенные не знают значения слова. Семантика лексемы модем ("устройство для обмена данными между компьютерами посредством телефонной сети") мало знакома филологам (значение смогли сформулировать только 4 человека), но известна более чем 20% будущих инженеров (21 респондент точно определяет значение, а 7 — приблизительно). Лексема картридж известна 18 филологам и 30 нефилологам, точно ("кассета для компьютера или принтера, содержащая информацию или ленту") — только 8 нефилологам. Лексическое значение слова пейджер ("карманное устройство связи") смогли сформулировать достаточно точно по четыре филолога и нефилолога, а приблизительно — 14 филологов и 36 (более 30%) нефилологов.

По-видимому, мы можем сделать вывод, что приведенные слова

По-видимому, мы можем сделать вывод, что приведенные слова (кроме, вероятно, *риэлтер*, семантику которого знают лишь несколько респондентов) могут уже считаться вошедшими в русский литературный язык, поскольку в процессе лингвистического эксперимента выяснилось, что не менее 20% респондентов могут с разной степенью точности сформулировать их значение.

Наглядной иллюстрацией вхождения в литературный язык заимствованной лексики, а также связи проблемы заимствования с социолинг

- вованной лексики, а также связи проблемы заимствования с социолинг-вистическими проблемами может служить сравнение "Словаря иностранных слов", изданного в 1980 году (издание 7-е), и "Современного словаря иностранных слов" 1993 года издания.

 Среди слов, включенных составителями в "Современный словарь иностранных слов", могут быть выделены несколько групп.

 1. Слова, не являющиеся новыми для русского литературного языка: а) слова, которые не были включены в "Словарь иностранных слов" в связи с тем, что его составители, как и большинство носителей языка, уже не воспринимали их как заимствования; в то время как составители "Современного словаря иностранных слов" включили в словарь все лексемы, иноязычное проихождение которых может быть прослежено. Это азарт, акация, акула, апельсин, арест, багаж, барка, батон, бензин, бестия, бефстроганов, берет, бидон, бильярд, брюнет, бухгалтер, бюстгальтер, вагон, вазелин, вафля, вермишель, гавань, гардероб, герой, гримаса, гуляш, ефрейтор, зигзаг, карниз, картофель, касса, каторга, кафтан, клипсы, клумба, комод, костюм, кумач, кучер, лак, монета, наждак, омлет, район, резина, результат, ректор, роза, салат, сахар, пакет, парикмахер, помада, порция, пюре, станция, табак, танец, халва и некоторые другие;

- б) словообразования от слов, ранее уже включенных в словари иностранных слов, и являющиеся, по-видимому, излишними в этих словарях, поскольку они созданы с помощью русских словообразовательных средств. Это прилагательные абсурдный, авантюрный, апатичный, бронхиальный, вариативный, дактилический, индексированный, кафедральный, композиционный, контекстуальный, национальный, тонизирующий, фундаментальный, экологический, эмпирический и т.д., а также другие части речи: модернист, музицировать, хронометрировать.
- в) слова, принадлежащие к предметно-тематической группе "религиозная лексика", отсутствие которых в прежних изданиях словарей иностранных слов было связано с идеологией "атеистического" общества, отвергающего вместе с религией и религиозными понятиями все лексемы, называющие их: ад, ангел, архангел, баптистерий, беатификация, бодхисатва, вельзевул, демонология, дзэн-буддизм, елей, ектенья, идол, иеромонах, иконостас, инкуб, келарь, келья, киот, клирик, клобук, лампада, маца, миро, пономарь, просвира, протоиерей, рака, сатана, серафим, суккуб, херувим (о некоторых подобных словах см. Шагалова Е.Н. Если вы интересуетесь эзотерикой // Русская речь. 1996. № 1).
 - 2. Новые заимствованные слова:
- а) слова-термины, ранее либо не существовавшие в языке и возникшие в связи с появлением новых понятий, либо употреблявшиеся узким кругом специалистов и не считавшиеся достоянием литературного языка: агробиоценоз, адъективация, андрология, ареология, амбивалентный, апперцепция, балкер, биоэтика, газгольдер, денотат, зооценоз, иммуноген, имплицитный, инновация, конвалют, конкорданс, криогеника, криохирургия, маммография, микшер, мониторинг, мононуклеиды, моторика, неврогенный, папилома, парадигматика, перфузия, поликристалл, психоаналептики, плоттер, радионуклид, расогенез, раухтопаз, рема, сграффито, тампонада, тахионы, терморезистор, трепонема, фасеточный, хронобиология, эритроцитоз и др.;
- б) экзотизмы, ранее в языке не употреблявшиеся и встречающиеся только в последнее десятилетие в связи с появлением понятий, которые они называют: аустрель, аятолла, вилайет, дари, джирга, инти, меды, ранд и т.п.;
- в) варваризмы, называющие известные и ранее явления заимствованным словом (аляфуршет, абрикотин, айс-ревю, анимационный, бодибилдинг, воленс-ноленс, гран-при, фифти-фифти, хеппи-энд);
- г) в "Современном словаре иностранных слов" выделяется обширная группа слов, называющая появившиеся в последние годы в науке, культуре, общественной жизни, экономике предметы и понятия. Изданный

в 1993 году словарь наглядно демонстрирует динамические явления в современном русском языке: заимствование западноевропейской лексики становится одним из самых активных процессов в лексике.

Среди наиболее употребительных заимствований 80-х - начала 90-х годов могут быть названы слова автобан, акупунктура, аутотренинг, аэробика, багги, бартер, бейсик, биотехнология, брейк, брифинг, ваучер, веломобиль, видеодиск, видеоклип, видеотека, виндсерфинг, гелиомобиль, героин, гидрокостюм, гиперинфляция, гуманоид, дезодорант, дельтаплан, дисплей, джинсы, дилер, дискета, диск-жокей, диско, дискомфорт, имидж, инаугурация, инклюзивный, китч, клаустрофобия, клип, кока-кола, курсор, ламбада, либерализация, листинг, луна-парк, макияж, мануальный, марихуана, мафиози, менталитет, микрокалькулятор, мумиё, наркомафия, нонконформизм, ноосфера, океанавт, оригами, оффшор, охлократия, радиофобия, рейтинг, репринт, респондент, роботизация, рокеры, ротвейлер, сексапильный, сериал, синтезатор, сквош, скейтборд, спонсор, сущцид, телекс, телекинез, телефакс, тинэйджер, технотронный, трейлер, триллер, уфология, ушу, фазенда, филотаймия, хайвей, харизма, хеппенинг, хоспис, шейпинг, шоумен, шоу-бизнес, экосистема, эксклюзивный, экстраверт, экстрасенс.

Одна из интересных проблем в области иноязычных заимствований, ярко демонстрирующая роль социального фактора в языке, – проблема изменившегося толкования слов, которые были включены в предыдущие издания словаря иностранных слов. Расширены словарные статьи, толкующие такие слова, как девальвация, негативизм, ротация, неореализм, персональный, презентация, программирование в связи с появившимися у этих лексем новыми значениями или оттенками смысла. Например, в толковании слова девальвация появился новый оттенок значения: "утрата ценности, значения чего-либо, обесценивание"; в толковании слова неореализм – второе значение: "направление в итальянском кино и литературе, возникшее после Второй мировой войны..."; в толковании слова презентация – также второе значение: "общественное представление чего-либо нового, недавно появившегося, созданного..."

Изменились словарные статьи, посвященные лексемам апартеид, астрология, атеизм, аура, базис, банк, брокер, биржа, бюрократизм, гегемония, геополитика, гороскоп, дашнаки, дельтапланеризм, диалектический, европеизм, империализм, интернационализм, иррациональный, инфляция, колониальный, марксизм, маркетинг, менеджмент, национализм, национал-социалисты, радикализм, расизм, реализм, революция, рента, сионизм, паранджа, парапсихология, партия, патернализм, педерастия, приватизация, пролетариат, протекто-

публичный, социализм, социалрат, психоанализ, позитивизм, шовинизм, тейлоризм, христианство, эмпириокритицизм, энергетизм и некоторых других, менее употребительных.

Например, слово *аура* толковалось только как "особое состояние, предшествующее приступу эпилепсии", а семантика лексемы, связанная с мистическими и парапсихологическими учениями, в словарной статье не отражалась.

Изменения в области экономики привели к изменению толкования слов в этой сфере. Очень часто это связано с исчезновением в них определения капиталистический или указаний "при капитализме", "в капиталистических странах". Так, в словарной статье, посвященной слову банк, опущена часть толкования, связанная с неязыковым комментарием о роли банков при капитализме и при социализме; в словарной статье слова биржа убрана часть "в капиталистических при капиталистических при капиталистических в словарной статье слова биржа убрана часть "в капиталистических при капиталистическ

споварной статье слова биржа убрана часть "в капиталистических странах"; более точно сформулировано значение слова брокер. Лексема маркетинг толкуется не как "осуществляемая крупными капиталистическими компаниями система мероприятий по изучению рынка и активному воздействию на потребительский спрос с целью расширения сбыта производимых ими товаров", а "комплексный подход к управлению производством и реализацией продукции, ориентированный на учет требований рынка и активное воздействие на потребительский спрос с целью расширения сбыта производимых товаров".

Аналогичные изменения произошли с определением значения лексемы менеджмент. "Словарь иностранных слов": "управление производством, совокупность средств, методов и форм управления производством, разработанных и применяемых в США и других развитых капиталистических странах с целью повышения эффективности производства и увеличения прибылей капиталистов". "Современный словарь иностранных слов": "совокупность современных принципов, методов, средств и форм управления производством и сбытом с целью повышения их эффективности и увеличения прибыли". Подобным же образом снимается отрицательная коннотация в толковании лексем рента, тейлоризм и др. Можно говорить даже о появлении в толковании ряда подобных лексем положительной коннотации. толковании ряда подобных лексем положительной коннотации.

Следует отметить, что материалы картотеки Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН дают основания считать эти изменения полностью соответствующими употреблению этих лексем в последние годы.

Особенно ярко изменения видны в словарных статьях, посвященных лексемам, связанным с идеологией. Непосредственное отражение господствовавших в обществе взглядов можно увидеть в толковании многих слов этой группы в словаре 1980 года. В издании же 1993 года наблюдается явная деидеологизация.

Слово *апартеид* в словаре 1980 года описано не только с точки зрения значения самой лексемы, но и с точки зрения господствовавшей идеологии, причем в словарь включались сведения, собственно к семантике не имеющие отношения: "политика... проводимая реакционными кругами в Южно-Африканской республике... Нарушение законов апартеида в ЮАР преследуется в уголовном порядке".

В том же словаре чересчур много внимания уделено слову империализм. Словарная статья походит скорее на статью в энциклопедическом словаре и занимает 1/2 столбца текста, тогда как в "Современном словаре иностранных слов" составители ограничиваются одним предложением: "В марксизме - монополистический капитализм, стадия развития капитализма, начавшаяся в к. 19 - н. 20 в., когда сложилось господство монополий и финансового капитала". Аналогичную картину мы видим по отношению к слову капитализм. В "Словаре иностранных слов" помимо достаточно идеологизированного собственно лексического значения ("общественный строй, при котором основные средства производства являются собственностью класса капиталистов (буржуазии), эксплуатирующего класс наемных рабочих (пролетариат)") дается большой социологический очерк: "Капитализм – последняя общественно-экономическая формация, основанная на эксплуатации человека человеком..." и т.д. "Современный словарь иностранных слов" деидеологизирует формулировки и значительно сокращает объем словарной статьи: "Общественный строй, основой которого является частная собственность, рыночная экономика и гражданское общество, частная собственность может существовать в различных формах (индивидуальной, акционерной и др.). Важная роль в условиях капитализма принадлежит двум социальным группам – владельцам средств производства (буржуазии) и наемным работникам (рабочим и служащим)". Остается лишь одно предложение, отдающее дань прежним толкованиям лексемы: "В марксизме – общественно-экономическая формация, сменяющая феодализм и основанная на эксплуатации наемного труда капиталом".

Значительное сокращение объема словарной статьи и изменение ее формулировки наблюдается и в толковании лексем колониализм, пролетариат, революция, социализм.

Таким образом, словарные статьи Словаря иностранных слов, наиболее идеологизированного из словарей, сближаются со словарными статьями Малого Академического Словаря, где дается семантика заимствованных лексем, свободная от формулировок, не связанных непосредственно с лексическим значением.

Материалы картотеки Словарного отдела ИЛИ РАН свидетельствуют, что, хотя такие лексемы, как империализм, капитализм, колониализм, марксизм и употребляются часто в специфических кон-

текстах, связанных с идеологией и обладающих определенной оценочной окраской, их семантика не обязательно включает в себя коннотативный элемент.

Напротив, словарная статья, толкующая значение лексемы *христиианство*, в "Современном словаре иностранных слов" расширена и идеологизирована: нейтральная стилистическая окраска сменяется положительной, а в толкование вводится формулировка, представляющая существование Иисуса Христа как безусловный факт. "Одна из мировых религий, названа по имени ее мифического основателя Христа (христианство возникло в начале 1 в., в 4 в. стало господствующей религией Римской империи)" — это в "Словаре иностранных слов"; "Одна из мировых религий (наряду с буддизмом и исламом), названа по имени ее основателя Иисуса Христа — богочеловека, сошедшего с небес на землю и принявшего страдания и смерть ради спасения людей, а затем воскресшего и вознесшегося на небо" — в "Современном словаре иностранных слов".

Составители последнего Словаря иностранных слов пытаются освободиться от идеологизации, свойственной этой разновидности лингвистической литературы и неизбежной в изданиях до середины 80-х гг., отражая тем самым процессы, реально происходящие в современном русском языке и в сознании его носителей. С другой стороны, материалы словаря показывают, что господствующая в обществе система взглядов неизбежно накладывает свой отпечаток на толкования лексического значения слов-идеологем.

Санкт-Петербург

МЯГКО ГОВОРЯ...

Т.Л. ПАВЛЕНКО, кандидат филологических наук

При обозначении негативно оцениваемых явлений или выражении понятий, которые связаны с темами нежелательными, трудными для обсуждения, могут использоваться вместо прямых, непосредственных наименований более общие названия, а также конструкции, смягченные образным переосмыслением слов, фразеологические обороты: отклониться от истины — "солгать", прибавить в весе — "располнеть", заячья душа — "о трусливом человеке", места не столь отдаленные — "о ссылке (обычно в Сибирь)", комбинация из трех пальцев — "кукиш", красный фонарь — "публичный дом", позволять себе лишнее — "вести себя непристойно" и т.п. Смягчающие наименования определяются, начиная с античных риторик, термином эвфемизм (Деметрий. О стиле // Античные риторики. М., 1978. С. 281).

Одни эвфемизмы связаны с религиозными убеждениями и суевериями: злой (нечистый) дух, нечистая сила, с левой ноги встать — "быть в дурном настроении", другие отражают отношение к устройству общества, социальным проблемам (Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 106—112): культ личности, критики в штатском, теневая экономика, криминогенная ситуация.

Эвфемизмы могут появляться по требованиям профессии: "Он об-

щался с ним, потому что работал над атомной бомбой. Над Проблемой, так они это называли для секретности" (Лит. газета. 1991. 9 октября). Или смягчающие наименования вводятся в речь в соответствии с правилами этикета, чтобы выразить доброжелательное отношение к кому-либо: «А дома с веера фотографий на столе глядели женщины, о которых говорят "средних лет", чтобы не сказать пожилые» (Инин А., Егоров Ю. Отцы и деды). Наиболее изменчив состав эвфемизмов, использование которых связано с социальными явлениями, такие эвфемизмы становятся приметой времени. Обороты судить по первой категории — "приговорить к смертной казни", великая чистка, набор тридцать седьмого года, социальная профилактика — "аресты" порождены сталинскими репрессиями. Множество эвфемизмов появилось в период застоя и перестройки.

Некоторые считают подобные щадящие наименования злом, требуя говорить в полный голос о всех изъянах в развитии общества: "Откуда они, эти уродливые явления, стыдливо именуемые неуставными отношениями?" (Изгарелев В. "Земляки" и "деды" // Правда. 1989. 19 марта); «"Недовложения" – так деликатно работники торговли и общепита называют элементарное воровство продуктов питания, из-за чего порционные изделия и блюда сильно "худеют"... Но, может, будет лучше, если неприглядные стороны нашей жизни называть своими именами, а не прибегать к эзопову языку времен застоя?» (Ищенко В. На эзоповом языке застоя // Лит. газета. 1989. 28 июня). Отрицательное отношение к эвфемизмам, скрывающим остроту социальных проблем, оправданно. Однако и в наше бурное время вряд ли нужно и можно отказываться от преимуществ вежливой речи при проведении дипломатических переговоров, в парламентских дебатах (Граудина Л.К. Парламентские прецеденты // Русская речь. 1993. № 1. С. 58-60), обиходных разговорах.

В повседневном общении без эвфемизмов не обойтись, если стремиться соединить требовательность и доброжелательность, критическое восприятие и такт, если предпочитать шутку и иронию грубой негативной оценке и если сочувствовать горестям и заботам других людей. Смягчающие наименования могут пригодиться при определении возраста, здоровья, настроения, внешнего вида окружающих: бальзаковский возраст — "о женщинах от 30 до 40 лет", возраст элегантности — "о людях средних лет и пожилых", сам не свой — "расстроен, потерял душевное равновесие", повредиться в уме — "стать психически ненормальным, душевнобольным", расстройство желудка — "понос", крепок на ухо — "глухой", видавший виды — "о человеке, прошедшем через много испытаний, и о том, наружность которого носит на себе следы беспорядочной, невоздержанной жизни; об одежде, обуви и т.п.; потрепанный, потертый".

Эвфемизмы уместны в оценке чьих-либо привычек, характера, поведения: "А ласковая девочка, хорошая. А ведь сколько их таких пропадает, подумаешь! Только ведь промахнись раз один — пошла по рукам..." (Толстой Л.Н. Плоды просвещения); "Симуля не на уровне. Импульсы, которые она выдает за настроение, древние люди называли ревностью" (Зак А., Кузнецов И. Солнечное сплетение). Иногда смягчение наименований необходимо при характеристике способностей, знаний, воспитанности человека: дитя природы — "человек, мало знакомый с городской культурой или непосредственный", пороха не выдумает — "не отличается сообразительностью, умом", каких много (сотни, тысячи) — "заурядный".

Приходится обращаться к эвфемизмам, если разговор связан с такими щекотливыми темами, как любовные, семейные отношения или вызывающие беспокойство служебные дела: неприятная сцена, не сошлись характерами, близкие отношения — "любовная связь", вызвать на ковер — "привлечь к ответу, вызвать для выговора". Эвфемизмы могут служить для называния физиологических потребностей человека, частей тела. В языке выявляются эвфемизмы-синонимы, опирающиеся на разные признаки предмета: мягкое место, ниже спины, пятая точка (приземлиться на пятую точку); с целью замены прямых наименований создаются новые конструкции, единичные по употреблению: нижний этаж, мадам Сижу (о последнем эвфемизме см.: Язык и личность. М., 1989. С. 174).

Уместность эвфемизмов зависит от темы высказывания и ситуации. В медицине, в диалоге с больным или в разговоре врачей при пациентах, смягчающие названия нужнее, чем в торговле. В научном же докладе или документации они нежелательны. Вот как описывает А.И. Солженицын особенности речи врачей-онкологов во время обхода больных: «Нельзя было на обходе и высказать, назвать все прямо, как оно есть, и потому понятно договориться друг с другом. Здесь даже нельзя было ни о ком сказать, что состояние ухудшилось, разве только: "процесс несколько обострился". Здесь все называлось полунамеком... Чтобы все-таки понимать друг друга, разрешалось говорить такое, как: "расширена тень средостения", "тимпонит", "случай не резектабельный", "не исключен летальный исход" (а значило: как бы не умер на столе)» (Солженицын А.И. Раковый корпус. М., 1991. С. 279–280).

Рассматривая закрепленность наименований-эвфемизмов за определенной темой, можно выделить ряды синонимов, различающихся стилистически, эмоциональной окраской, оттенками смысла. Большое количество эвфемистических замен одного и того же прямого названия может быть связано стремлением обратить внимание на разную интенсивность признаков или действий. Благодаря градуированию эвфе-

мизмы-синонимы передают неодинаковую оценку предметов, выражая снисходительное отношение или более требовательное: подвыпить, приложиться, хлебнуть, хватить, нагрузиться, переложить, перебрать, хлебнуть лишнее (Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1968. С. 244). Целям эвфемизации более соответствуют нейтральные наименования, книжная лексика и фразеология; функцию смягчения могут выполнять и слова с разговорной окраской. Но просторечных эвфемизмов, которые стоят за пределами литературного языка, лучше избегать: они воспринимаются как обидные.

Выражение понятий одной сферы посредством перенесения на них названий, заимствованных из другой области, как бы отвлекает внимание от явлений "запретных" или не подлежащих оглашению, вызывающих отрицательные эмоции (Видлак С. Проблема эвфемизма на фоне теории языкового поля // Этимология. 1965. М., 1967. С. 276). Поэтому употребление переосмысленных единиц в качестве эвфемизмов – процесс, очень продуктивный в языке. Переносные значения слов и фразеологические обороты своим возникновением могут быть обязаны стремлению найти названия, соответствующие официальным требованиям, морально-этическим нормам: беспорядки — "массовые волнения, выражающие протест против властей", клубничка — "о чемнибудь неприличном, эротическом", требовать удовлетворения — "вызывать на дуэль", дышать на ладан — "находиться при смерти", наложить на себя руки — "покончить жизнь самоубийством", в чем мать родила — "без одежды, голый".

Но часто функция эвфемизма является для этих единиц вторичной: "Он знает, что теперь за длинный язык бывает. Вот поэтому он его держит за зубами" (Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей); "Хочет человек – сходится с женщинами, женится или просто проводит время, не хочет - съедает с детства любимый гуляш и топает домой. Каждому свое" (Столяров К. Федор Терентьевич). Важную роль играет полисемия единиц: отсутствие резких границ между значениями повышает эффективность замены прямых наименований (которые по каким-либо причинам воспринимаются как неудобные) переосмысленными словами, сочетаниями слов. В качестве эвфемизмов активно используются конструкции с компонентами-символами, характеризующимися высокой степенью обобщения, или такими элементами, которые основываются на аллегории: лавры (чьи-либо) не дают спать -"о зависти к чьему-либо успеху", почить на лаврах – "удовлетворившись достигнутым, прекратить деятельность"; Лиса Патрикеевна - "о хитром, льстивом человеке", дочь Евы - "о любопытной женщине", двуликий Янус - "то же, что двуличный".

Среди смягчающих наименований можно выделить слова и фразеологизмы с аналогичными компонентами, сходные по семантике, но

они не являются абсолютными синонимами. Обороты отличаются большей детализацией образов и могут передавать дополнительные оттенки смысла. Сравним значения, эмоциональную окраску глаголов уснуть, почить, отойти, уйти, которые под воздействием метафорического переосмысления становятся заменой слова умереть, и фразеологизмов уснуть непробудным (вечным) сном, уйти в лучший (иной, другой) мир, уточняющих глагольные метафоры.

Распространено переносное употребление свободных сочетаний слов с целью смягчить наименования явлений, воспринимаемых негативно, а также найти менее шаблонные языковые средства: "Ты расскажешь ему случаи из практики, объяснишь, что такое оставить нищими близких. Смертью не пугай, этого никто не любит, но намекни о пятом акте, о занавесе, который падает неожиданно и навсегда" (Берберова Н. Облегчение участи).

Надежный способ эвфемизации наименований – употребление местоимений и других слов с широким значением (Варбот Ж.Ж. Табу // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979. С. 345). Используются обобщающие способности местоимений разных разрядов – указательных, определительных, отрицательных: «Впервые про это задумываются в пять-шесть лет. Да, именно в этом возрасте дети спрашивают своих родителей: "Откуда мы взялись?" Бывает, про это выпускают книжки, но столь малыми тиражами, что их почти невозможно достать» (Книжное обозрение. 1987. 21 августа); «"Любовь" была долгой. "Около года, – поясняет Света. – Сначала мы просто "ходили", а потом все началось и сразу закончилось"» (Комс. правда. 1989. 3 окт.); «С Мариной и вправду "ничего не было", а с Тамарой – да, было» (Неделя. 1991. 22–28 июля).

Местоимения очень удобны как эвфемизмы в разговорной речи. Более широк диапазон применения у смягчающих наименований, образуемых с помощью существительных и глаголов отвлеченной семантики или слов, выражающих родовые понятия. Одни из таких эвфемизмов имеют книжную окраску, другие принадлежат к разговорному стилю или просторечию, третьи по своему употреблению нейтральны: оскорбить действием — "нанести удар, пощечину", предаваться излишествам — "элоупотреблять удовольствиями, развлечениями и т.п.", впасть в детство — "от старости потерять рассудок", симпатия — "о возлюбленной", разводить сырость — "плакать", переломный период — "кризис", давать расчет — "увольнять".

Разнообразные эвфемистические конструкции образуются посредст-

Разнообразные эвфемистические конструкции образуются посредством сочетания знаменательных слов, обычно выражающих положительную оценку, с отрицательной частицей. Эффект смягчения в этих структурах достигается тем, что негативно воспринимаемые свойства предметов не называются точно, конкретно; эвфемизмы допускают

широкое толкование: не из храброго десятка, не внушающий доверия, не хвалят, не от хорошей жизни.

Для эвфемизмов типичны конструкции, в которых к знаменательным компонентам, называющим позитивные свойства, прибавляются другие элементы со значением "высокой степени"; присоединение к ним отрицательной частицы указывает не на полное отсутствие положительных признаков у объектов, а на их несоответствие ожиданиям, образцу: не блещут новизной, не избалована вниманием, от скромности не умрет, не слишком жалуют, не первой свежести, не первой молодости.

В непринужденном общении эвфемизация совмещается с игрой слов, которая основывается на созвучиях: мастер-ломастер — "о человеке неловком, неумелом", купило притупило — "нет возможности купить". Иногда смягчающие наименования имеют форму, противоположную прямому, непосредственному обозначению понятия: во всей своей красе — "со всеми недостатками, во всей неприглядности", от большого ума — "по глупости, сдуру".

Выбор эвфемизмов, использование существующих или создание новых конструкций характеризуют не только отношение говорящего к собеседнику, умение быть вежливым, но и внимание к выразительным средствам языка, способность к творчеству.

Ростов-на-Дону

"ПОПРЕЧНЫЙ КУС"

И.Б. ЛЕВОНТИНА, кандидат филологических наук А.Д. ШМЕЛЕВ, доктор филологических наук

Одно из характерных выражений русского языка связано со словами попрекнуть (попрекать) и попрек. Представление о том, что попрекать нехорошо, отражено во многих пословицах русского народа: "Своим хлебом-солью попрекать грешно"; "Попречный кус поперек горла становится"; "Сделав добро, не попрекай" и т.д. Что же такое попрек?

Это слово обычно употребляется при описании ситуации, когда некто, сделав в прошлом что-то хорошее кому-либо, считает, что теперь он имеет право ожидать от этого человека ответных благодеяний, послушания или просто постоянных изъявлений благодарности. Поэтому он напоминает облагодетельствованному о своих подарках, жертвах и т.п. Часто, оказывая такое моральное давление, "благодетель" даже не преследует никакой материальной цели (Булыгина Т.В., Шме-

лев А.Д. Оценочные речевые акты извне и изнутри // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994).

Попрек несет на себе печать близких, часто семейных отношений, Попрек несет на себе печать близких, часто семейных отношений, причем попрекаемый обычно уже и так находится в униженном или зависимом положении, попреки делаются как бы "сверху вниз". Родители иногда попрекают детей тем, что отдали им лучшие годы жизни, попреки же со стороны детей представить себе гораздо труднее. Поэтому попреки тешат тщеславие попрекающего и больно бьют по самолюбию попрекаемого: "Убедили дядю и в том, \(\lambda \ldots \rangle \text{что он горд, тщеславится своим богатством и способен попрекнуть Фому Фомича куском хлеба" (Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели).

мича куском хлеба" (Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели).

Особенно интересно и показательно использование этих слов в диалоге, при "выяснении отношений". Обвинение в попреке — безотказное оборонительное средство, позволяющее человеку из обвиняемого превратиться в обвинителя. Обвинение в попреке иногда подкрепляют одним из двух способов. Можно указать на то, что оказанное благодеяние не столь уж велико. Так, у Салтыкова-Щедрина Евпраксеюшка, усмотрев попрек в словах Иудушки, говорит ему: "Какой такой интерес я у вас нашла? Окромя квасу да огурцов...". Далее дискуссея у увас нашла? Окромя квасу да огурцов...". Далее дискуссея у уваравивается в этом направлении: "Ну не один квас да огурцы... — не удержался, увлекся, в свою очередь, Порфирий Владимирыч. — Что ж, сказывайте, что еще? — А кто к Николе каждый месяц четыре мешка муки посылает? — Ну-с, четыре мешка! еще чего нет ли? — Круп, масла постного... словом, всего... — Ну, круп, масла постного... уж для родителев-то жалко стало! Ах, вы! — Я не говорю, что жалко, а вот ты... — Я же виновата сделалась! Мне куска без попреков съесть не дадут, да я же виновата состою!" (Господа Головлевы). Или же можно дать понять, что благодеяние не столь бескорыстно, например: "Не попрекайте меня вашим хлебом, Валентина Михайловна! Вам бы дороже стоило нанять француженку Коле... Ведь я ему даю уроки французского языка!" (Тургенев И.С. Новь).

Однако при обвинении в попреке можно обойтись и вообще без аргументов. Любое напоминание или просто упоминание о сделанном в прошлом добре может при недоброжелательной интерпретации быть названо попреком. В этом слове столь сильна отрицательная оценка, что человек, когда ему говорят: Попрекаешь?! — немедленно начинает оправдываться, как, например, в следующем диалоге: "Куска, видно, стало жалко! Куском попрекать стали? — Я не попрекаю, а так говорю" (Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы). Иногда, услышав такое обвинение, человек сразу капитулирует и просит прощения, как в примере из повести И.Грековой: "Молод ты еще курить. Сам зар

буду у тебя есть! – Прости меня, Вадик. Виновата, И кури, пожалуйста, только не вредничай".

Но уличенному в *попреке* не так легко получить прощение. Скорее всего, собеседник будет еще некоторое время использовать преимущество своего положения, как это делала, например, героиня Салтыкова-Щедрина: "Евпраксеюшка не выдержала и залилась слезами. (...) И чаю мне вашего не надо! Ничего не надо! Ишь что вздумали — куском попрекать начали! Уйду я отсюда! вот те Христос, уйду!" (Господа Головлевы).

Человек, склонный к языковой демагогии, может использовать обвинение в *попреке* не только как средство обороны, но и как оружие нападения. Бывает, что кто-либо травит любящего человека, изводя его жалобами на жизнь. Когда же тот, пытаясь утешить, говорит: "Ну что ты, я же для тебя..." — то этим он вызывает град новых претензий: "А, так ты меня еще и попрекаешь!"

Наличие в русском языке глагола *попрекнуть* (попрекать) и соответствующего существительного попрек не свидетельствует об особенной склонности русских к унижению ближнего. Как раз наоборот, оно говорит о том, что, с точки зрения отраженных в русском языке этических представлений, человек должен великодушно избегать высказываний, которые могут выглядеть как попреки, и, сделав кому-то добро, не напоминать ему об этом. Именно поэтому русский человек болезненно реагирует, когда ему кажется, что его попрекают, и русский язык даже располагает специальными средствами для обозначения этой этически неприемлемой ситуации.

Идея недопустимости *попреков* чрезвычайно органично вписывается в закрепленную в русском языке систему этических представлений. Она тесно связана с характерным для русской языковой картины мира взглядом на *добро* и *душу*.

Представление о положительном начале расщеплено в русском языке на два понятия: добро и благо. Добро находится внутри нас, мы судим о добре, исходя из намерений. Для того чтобы судить о благе, необходимо знать результат действия. Можно делать людям добро (но не благо), поскольку это непосредственная оценка действия, безотносительно к результату. Но стремиться можно к общему благу. Люди могут работать на благо родины, на благо будущих поколений. Во всех этих случаях речь идет о более или менее отдаленном результате наших действий. Достоверно судить о том, что было благом, можно лишь задним числом. Если добро выражает абсолютную оценку, то благо — относительную. Можно сказать: "В такой ситуации развод для нее — благо" (хотя вообще в разводе ничего хорошего нет).

Будучи свободным от утилитарного измерения, добро оказывается во всех отношениях важнее, чем благо. Оно одновременно и выше, и

ближе человеку, и представляет собою высшую ценность. Недаром именно слово *добро* используется в триаде Истина, Добро, Красота.

Таким образом, главный критерий положительного для русского языка — мера искренности и бескорыстия. Представление о *попреках* вносит новый штрих в эту картину. Оказывается, что, даже сделав нечто хорошее от всей души и без всякой задней мысли, человек может потом все перечеркнуть, бестактно напомнив о сделанном добре. И чем больше хороших поступков человек совершает, тем в каком-то смысле уязвимее его положение, потому что он все время рискует какимнибудь неосторожным словом навлечь на себя обвинение в *попреках*. Можно сказать, что рисуемая русским языком картина вполне аналогична евангельской идее: когда человек делает добро, его левая рука не должна знать, что делает правая. Иначе он невольно может оказаться лицемером (Матф. 6, 2–3).

Русский язык особенно строг в этом отношении, ибо в нем совершенно отчетливо проявляется представление о том, что сделать хорошее, а потом попрекать — хуже, чем вовсе не делать хорошего или даже делать плохое. В русском языке немного слов, в которых отрицательная оценка была бы столь же убийственной, как в слове попрек. Не может быть ничего хуже, чем подарить что-то, а потом требовать за это платы. Этим человек непоправимо отравляет прошлое. Та же идея отражена и во многих пословицах: "Лучше не давай, но не попрекай"; "Лучше не дари, да после не кори"; "Чем корить, так лучше не кормить"; "Не дай, да не лай" и т.д. В полном соответствии с этим представлением Анна Каренина говорит: "Человек, который попрекает меня, что он всем пожертвовал для меня, (...) это хуже, чем нечестный человек, — это человек без сердца" (Толстой Л.Н. Анна Каренина).

И неважно, сколько хорошего было сделано и сколько времени с тех пор прошло, — человек никогда не может быть уверен, что добро ему окончательно засчитано. Нередко обвинение в попреке сопровождается словами все-таки, в конце концов, рано или поздно и т.п. Человек говорит: "А все-таки ты меня в конце концов попрекнул", — как будто он всю жизнь ждал подвоха, не веря в искренность того, кто когда-то помог ему.

Переживания, связанные с попреками, хорошо укладываются в специфически русское представление о душе. Слово душа чрезвычайно значимо для русского языка: душа понимается как средоточие внутренней жизни человека, как самая важная часть человеческого существа. О настроении человека мы говорим, используя выражение на душе; при изложении чьих-то тайных мыслей употребляется форма в душе. Не случайно мы иногда используем сочетание "русская душа", но никогда не говорим об "английской душе" или "французской душе".

Целый ряд слов отражает пресловутую "задушевность" русского человека и другую ее сторону, описываемую ходовым выражением лезут в душу. Как "тихую задушевность", так и "агрессивную душевность" может выражать, в частности, характерное русское слово небось: "А в Крыму теплынь, в море сельди и миндаль, небось, подоспел" (Галич А. Все не вовремя) и "Что это с вами? Небось опять перебрали? (...) Небось голова болит" (Домбровский Ю. Факультет ненужных вещей). Иногда навязчивость доходит до прямой враждебности: "Ты в лицо гляди, когда с тобой говорят, контра проклятая! Что глаза-то прячешь? Когда родную Советскую власть японцам продавал, тогда небось не прятал? Тогда прямо смотрел!" (там же).

Важная черта слова *попрек* – то, что оно может представлять собою интерпретацию какого-либо высказывания, подчас совершенно произвольную. Усматривая в словах человека *попрек*, мы приписываем ему намерение, которого он, может быть, вовсе не имел, и таким образом "лезем к нему в душу". Сочетание ярко выраженной отрицательной оценки и возможности произвола и делает обвинение в *попреке* столь мощным и неотразимым оружием при "выяснении отношений".

Можно сказать, слово *попрек* – это как бы квинтэссенция той бытовой "достоевщины", которую мы после Достоевского привыкли считать характерной особенностью "русской души". Склонность к выворачиванию души наизнанку и постоянные перепады от высот человеческого духа к бездне морального падения, известные всему миру по книгам Достоевского, по-видимому, в утрированной форме выражают важные черты русской языковой картины мира.

Где уместны устойчивые сочетания?

Е.Г. БОРИСОВА

Широко распространено мнение, что устойчивые словосочетания, или коллокации (вести борьбу, теплая встреча и т.п.) — принадлежность исключительно официальной или газетной речи. Первые словари устойчивых словочетаний составлялись в основном на материале газет. Действительно, где, кроме газеты или официального документа, естественно выглядят такие словосочетания, как ставить вопрос, оказать теплый прием, принять резолюцию и т.п.! Однако более внимательный анализ показывает: не все коллокации встречаются только в газетах, и не все языковые единицы, характеризующие язык официальных документов или газет, представляют собой устойчивые сочетания.

Посмотрим на слова нашей обыденной жизни, т.е. на нейтральную лексику. Мы принимаем ванну и душ, а иногда и лекарства, процедуры, ставим часы, а иногда термометр, делаем покупки, что иногда приносит нам радость. Кроме того, мы даем в долг, даем слово и держим его, наше обещание бывает твердым. Мы водим дружбу с различными людьми, и дружба бывает крепкой. Что все это за словосочетания? Коллокации.

Действительно, без знания этих словосочетаний в целом невозможно предсказать глагол: принимать лекарство — а почему не брать?, ставить — почему не класть термометр?, делать — почему, например, не вести покупки? Почему, наконец, дружба крепкая, а слово твердое, а не наоборот? То же показывает нам и обращение к синонимам или близким по смыслу словам. Можно принимать ванну, но не сауну, ставить термометр, но не, к примеру, манометр (прибор для измерения давления), делать покупки, но не оплату квартиры. И твердым может быть обещание, но не клятва.

Итак, в русской нейтральной лексике, даже бытовой, достаточно много коллокаций. Кстати, в других языках, например, английском или немецком, дело обстоит точно так же. Есть коллокации и в чисто разговорной речи, например, влепить выговор. Более того, если мы спустимся по лестнице стилей и, выйдя за пределы литературного

языка, обратимся к просторечию, то и здесь найдем коллокации, например, молоть чушь, чушь собачья. Встречаются они и в жаргонах, т.е. в языке представителей различных социальных групп. Например, в молодежном жаргоне популярно выражение словить кайф — получить наслаждение. Поскольку кайф широко фигурирует в жаргоне как отдельное слово, это словосочетание следует считать коллокацией. Пример из более новых — крутые ребята, т.е. решительные.

Так что коллокации постоянно встречаются в нашей речи, говорим ли мы на литературном языке или выходим за его пределы.

А как обстоит дело в художественных произведениях? Естественно, в речах персонажей встречаются все те слова, которые есть в нашем языке, в том числе и коллокации. Но и в авторской речи, которая, как правило, относится к книжной речи, их тоже можно встретить.

Книжная речь в большей степени, чем разговорная, включила в себя кальки и заимствования из иностранных языков, устаревшие выражения, сохранившиеся с допушкинских времен, а иногда даже церковнославянизмы. И в иностранных языках, и в древнерусском немало коллокаций. Например, из французского языка в русский (и в первую очередь книжный) попали принимать участие (prendre part), выносить суждение (porter un jugement) и многие другие. С давних времен сохранились в языке коллокации одержать победу, оказать внимание, хотя, конечно, немало словосочетаний, бытовавших в древнерусском и церковнославянском, в современный язык не попали, например, брать перед — побеждать, веру яти (брать) — верить и т.п.

Наконец, немало книжной лексики, чаще всего слова абстрактного содержания — внимание, сочувствие, авторитет — образовывали собственные группы коллокаций: обращать внимание, испытывать сочувствие, поднимать авторитет, которые тоже в каком-то количестве попадали в книжную речь.

Поэтому в произведениях русских писателей, даже у очень тонких стилистов, всегда можно встретить коллокации. Часто у них просто нет возможности иначе выразить мысль. Откроем, к примеру, роман Льва Толстого "Воскресение". В первой же главе мы находим такие коллокации, как провести время, приводить в уныние, обращать внимание. Заменить их синонимичными словами нет возможности, да и необходимости: эти коллокации такие же полноправные члены лексической системы русского языка, как и другие слова.

Однако число коллокаций в языке художественных произведений все-таки существенно меньше, чем в научных и официальных текстах, в газете. И этот факт заслуживает специального рассмотрения.

Коллокации в научных и официальных текстах

При чтении научных текстов с коллокациями приходится встречаться часто, хотя на это не всегда обращают внимание. В любом научном изложении автор ставит вопросы, проводит какие-то наблюдения, делает заключения, приходит к выводам. А для этого он ставит эксперименты, делает анализ, приводит примеры.

Это все общенаучная лексика. Кроме того, в каждой области имеются свои терминологические словосочетания, в большинстве случаев тоже оказывающиеся коллокациями.

Но самое большое количество коллокаций на тысячу слов встречается в текстах официальных документов: в экономических и дипломатических договорах и нотах, протоколах, официальных сообщениях. Такие документы, публикуемые в газетах, увеличивают число коллокаций в газетном тексте — в других газетных материалах их все же меньше. Причем, устойчивые словосочетания выражают значения, для которых обычно используются простые слова: мы, обыкновенные люди, принимаем гостей, а в официальных сообщениях говорится: высокому гостю был оказан теплый прием, мы хорошо побеседовали, но если речь идет о высоких сторонах, то беседа прошла в дружественной обстановке. Впрочем, одно дело, когда у нас гости, а другое — прием на высшем уровне: тут, можно сказать, описываются разные понятия. И беседа президентов это не наш разговор, она стоит в ряду переговоров, совещаний, консультаций. Можно сказать, что перед нами снова термины — слова обычного языка, получившие в официальных документах специальное значение. Вместе с ними возникают устойчивые словосочетания. И всем понятно, что одно дело договориться и совсем другое заключить договор.

Газетный штамп и коллокация

А теперь вернемся к газете и посмотрим, какую роль играют коллокации в ее языке. Мы уже заметили, что частично представление о большом количестве коллокаций определяется официальными сообщениями. Но и помимо них в газетных заметках, репортажах, даже очерках устойчивых сочетаний много. Каждый газетчик (и вообще автор публицистических текстов) создает свое зеркало, в котором события нашей жизни представлены в словах свобода, прогресс, справедливость и так далее. Возникает новый мир, и слов из нашей повседневной жизни для него недостаточно. Появляются новые слова — кворум, консенсус, импичмент, а старые получают новые значения и вместе с ними новую сочетаемость, в том числе и устойчивую: образовать кворум, провести импичмент, создавать прецедент, нару-

шать права человека. Об одних деятелях пишут: ястреб, душитель прогресса, о других: передовой деятель, носитель идеалов гуманизма, родник душевной чистоты и т.п.. Но, поскольку подобные метафорические выражения начинают употребляться большой группой авторов, их свежесть теряется, они становятся клише, или, как часто говорят, штампами. Нередко к штампам относят и неметафорические выражения, главный признак которых: так принято говорить в определенных случаях. Тогда в число штампов попадают и формулы официальных документов: оказать радушный прием, высокий гость и т.п.

В любом случае определения штампов и клише вовсе не требуют, чтобы это были всегда устойчивые коллокации — это могут быть отдельные слова, например, ястреб, или свободное словосочетание, как миллионы сограждан, честные люди планеты и т.п. Однако отраженные в штампах и клише понятия относятся к тому созданному газетчиками миру, который отличается от повседневного, и для описания которого создаются новые слова и коллокации. Поэтому коллокации очень часто входят в состав штампов и клише. Это носитель идеалов, душить прогресс, оплот мира, высокий гость, оказать прием. И список можно продолжить.

Русское житье-бытье и "стихии чужеземные"

Г.В. БОРТНИК, кандидат филологических наук

Интерес к русской истории, языку и культуре может удовлетворить не только чтение многочисленных книг, появившихся в последнее время, но и слово, представленное на страницах словаря. Оно является источником объективной культурно-исторической информации. Однако гораздо больше может рассказать не отдельное слово, а объединение слов — лексико-семантическая или тематическая группа. И здесь важно не только значение слов, в нее входящих, но и их количество, семантический статус, происхождение, активность в современном русском языке, актуальность.

Историю общественного питания на Руси и в России в известной степени можно проследить по названиям мест питания. И хотя к сегодняшнему дню таких слов в русском языке около двух десятков, до недавнего времени места общественного питания в наших городах и весях чаще всего обозначались невыразительными надписями Ресторан, Кафе, Столовая. Теперь же их вытесняют иноязычные вывески, мало что говорящие русскому человеку, а иногда и порождающие комические ассоциации. Так, сверкающая буква М, рекламирующая заморские закусочные MacDonald's, ассоциируется в русском сознании с указанием на вход в метро. А латинские буквы Grill-bar, горящие над входом в бывшую столовую, где жарят прежнего российского цыпленка, почему-то воскрешают в памяти строчки бессмертной поэмы Н.В. Гоголя: «Попадались почти смытые дождем вывески с кренделями и сапогами, кое-где с нарисованными синими брюками и подписью какого-то Аршавского портного; где магазин с картузами, фуражками и надписью: "Иностранец Василий Федоров"».

Проголодавшемуся россиянину, пробегающему сегодня по шумному Арбату, вместо малопонятных иноземных слов гораздо приятнее прочитать незамысловатое, лаконичное $E\partial a$. А проходя по Пятницкой, увидеть забытое, но родное — Трактир. А между тем слово трактир, как и харчевня, корчма, является одним из первых названий мест общественного питания в русском языке. Впрочем, исконно эти слова обозначали еще и места ночлега, где путник находил временный приют. Немногочисленность подобных названий объясняется тем, что наши предки вне дома пищу принимали редко, да и круг лиц, делавших это, был весьма ограниченным: "В полдень наступало время обеда. Холостые лавочники, парни из простонародья, холопы, приезжие в городах и посадах наполняли харчевни; люди домовитые садились за стол дома или у приятелей в гостях" (Костомаров Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993). Горожанин мог "заморить червячка", купив у лоточника пирожок.

Отсутствие в старину разнообразных мест общественного питания, где проезжий мог получить пищу, объясняется и известным хлебосольством русского народа: «Хлебосольство. Как остаток старины, мы встречаем и сейчас его в отдалении от столиц и больших городов. Там и до сего времени существует обычай, чтобы проезжего и прохожего пригласить к себе в дом, накормить и успокоить его по возможности. Так было и встарь. Со случайного прохожего за хлеб-соль денег не брали, существовала пословица, что "хлеб-соль разбойника побеждает" (...) Эту прекрасную черту, наследие наших предков, можно было в прежнее время видеть, как между помещиками, так и в крестьянском кругу» (Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1989). Осуждение русским народом скупости, и тем самым поощрение хлебосольства закреплено и в фольклорной истории, повествующей о том, как удалой прохожий солдат обманул жадную бабу, сварив у нее на постое "суп из топора".

Отсутствие гостиниц, всякого рода пристанищ компенсировалось, как пишет Н.И. Костомаров, тем, что при некоторых монастырях существовали гостиницы с едой. Летом путешественники не заходили в строение вовсе и готовили себе пищу на воздухе (Костомаров. Указ. соч.).

Если изначально на Руси харчевня, трактир, корчма были универсальными заведениями, где подавались самые разные блюда и напитки, то со временем в западных территориях российского государства корчмы (так там по большей части назывались харчевни и трактиры) сохранили свое значение преимущественно как деревенские клубы. Как отмечается в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, "назначение корчмы как закусочного заведения ничтожно, вследствие привычки населения приносить с собой хлеб и закуску, а потребление чая и кофе почти не существует в корчме". Чай и кофе, поначалу экзотические напитки, подавались в специальных местах, число которых год от года росло, как возрастала и специализация всех прочих мест общественного питания.

В традиционной русской кухне первым и любимым кушаньем были пироги, отличающиеся большим разнообразием начинки. Именно пироги с сыром и хворосты, а не блины, как подчеркивал Н.И. Костомаров, были символом масленицы. Калачи же, выпекаемые из пшеничной муки, для простого народа были лишь праздничным лакомством, что отражено в русских пословицах и поговорках: Его и калачом не заманишь; Со свиным рылом, да в калашный ряд и др.

Пристрастие славян к блинам удовлетворялось в блинных куренях (блиннях), позже — блинных, которые благополучно дожили и до наших дней. В калачных куренях — калачнях и пирожковых куренях — пирожковых пекли на продажу калачи и пироги. Впоследствии калачни заменились пончиковыми и пышечными.

Кормившие долгие годы спешащий небогатый люд немудреным "печевом", пирожковые, пончиковые, пышечные, блинные в наши дни вытесняются напористыми "иноземцами", замаскировавшимися под буквой М. Милые русскому зубу калачи, бублики, пончики, пышки, пироги, блины и в прежние недалекие времена наш "изобретательный" общепит незаметно заменял бутербродами, хотя для любителей бутербродов существовали особые заведения — бутербродные. С приходом же на улицы российских городов закусочных MacDonald's пышку, пончик, пирожок побеждает гамбургер, как побеждает труднозвучная пицца распевный русский блин, когда-то подаваемый в блинных куренях с общедоступной паюсной икрой.

С течением времени сословное расслоение общества отразилось и на разделении мест общественного питания. Появились, как определяет В.И. Даль, "чистые харчевни" — ресторации (рестораны). Однако нередко рестораны служили не только местом питания, но и были своеобразными дворянскими клубами, где в кутежах и попойках прожигали жизнь далеко не лучшие представители дворянства.

прожигали жизнь далеко не лучшие представители дворянства.

После семнадцатого года, в связи с "борьбой за новый быт", — на смену трактиру пришли столовые. Рестораны же сохранились как "чистые заведения" и до наших дней. И по сей день в противопоставлении слов столовая—ресторан сохраняется представление о различиях в обслуживании. Современные толковые словари нейтрально определяют столовую как "предприятие общественного питания". О ресторане же говорится, что это — "предприятие общественного питания, где можно заказать дорогие кушанья, закуски, напитки". Устойчивая оценка столовой как заведения более низкого ранга, чем ресторан, формально не выраженная в самом слове столовая, проявляется в

производном *столовка*, снабженном уничижительным суффиксом -к-. И родившееся родовое обозначение (гипероним) *общепит* также получило общественную оценку, прорвавшуюся в публицистическом признании: "...тема общепита (слово-то какое невкусное!)..." (Неделя. 1966. № 34).

Для названия заведений общепита, отличающихся от ресторанов и столовых масштабами, появились слова кафе и чайная. Кафе имели предшественников — кофейные дома (кофейни), о которых уже рассказывалось (Шустов А.Н. Кофейный дом // Русская речь. 1992. № 2). Кофейни возникли как специализированные заведения, где, как замечает В.И. Даль, "подавали вареный кофе и закуски". Появление в России кофеен как особых заведений было связано с тем, что кофе, упорно внедрявшийся в русский быт Петром I, долгое время оставался все-таки экзотическим напитком.

Чайные, исчезнувшие в нашем совсем недалеком прошлом, долгое время были практически единственной общепитовской разновидностью в небольших городках и поселках. Демократичные чайные были местом, где рабочий человек, подобный шолоховскому герою Андрею Соколову, мог "перехватить чего-нибудь и сто грамм выпить с устатка".

"Окультуренные" чайные стали именоваться кафе или кафетериями. В них практиковалось самообслуживание, а в меню входили блюда, не требующие сложного приготовления. Похожую пищу и так же быстро можно было получить еще в закусочной или буфете. Закусочные послевоенных лет — "рестораны третьей категории"

народ остроумно окрестил забегаловками: "О, сколько открыла этих щелей, забегаловок, павильонов, шалманов, всех этих голубых дунаев разоренная, полунищая страна, чтобы утешить и согреть вернувшихся солдат, чтобы дать им тепло вольного вечернего общения, чтобы помочь им выговориться, отмякнуть душой, поглядеть не спеша в глаза друг другу, осознать, что пришел уже казавшийся недосягаемым мир и покой. В немыслимых клинообразных щелях меж облупленными домами, на пустырях, среди бараков, заборов, на прибрежных лужайках выросли эти вечерние прибежища, и тут же народная молва, позабыв о невнятном учетном номере, присвоила каждому заведению точное и несмываемое название, какого не сыщешь ни в одном справочнике (...) Всегда в ассортименте в павильоне горячие капустные щи с мясом, с хорошим полновесным куском, соответствующим раскладному листу; всегда ныряют в алюминиевом баке, гоняясь друг за другом, колыша сверкающий жирком отвар, тугие игривые сардельки; всегда за стеклом строй селедочных голов и хвостов на блюдцах, посыпанных настоящим зеленым лучком (...) Если уж вовсе плохо с монетой, то можно взять самое дешевое - банку крабов из пирамиды, что выстроилась в дальнем углу (...) О выпивке и говорить нечего (...) На полках решительно вся продукция знаменитого московского завода, включая ликеры, шартрез и бенедиктин. Пиво бочковое прямо из бадаевских погребов, и холодное, и слегка подогретое — для выстуженных ветрами бронхитных окопников" (Виктор Смирнов. Заулки). Разумеется, с подобными "заведениями" не могли соперничать "бла-

Разумеется, с подобными "заведениями" не могли соперничать "благородные" *рюмочные*, в которых спиртные напитки продавались рюмками, и была лишь скромная холодная закуска.

ками, и была лишь скромная холодная закуска.

И здесь кстати отметить, что история общественного питания всегда тесно связана с культурой употребления спиртных напитков. В далеком прошлом, в древности, на Руси хмельные напитки пили только на пирах, которые, как пишет Н.И. Костомаров, были обыкновенной формой сближения людей. Пиры в старину заменяли и вечера, и театры, и пикники и т.п. Характеризуя русские пиршества, историк подчеркивает, что, "хотя русский народ издавна славился любовью к попойкам, до того времени, как Борис введением кабаков сделал пьянство статьей дохода, охота пить в русском народе еще не дошла до такого поразительного объема, как впоследствии". Простой народ пил редко: ему дозволялось сварить пива, браги, меда и погулять только по праздникам (четыре раза в год: на Великий день (Пасху), Дмитриевскую субботу, на Масленицу, на Рождество Христово или в другой день вместо какого-нибудь из этих праздников). Когда к слову кабак приложился эпитет царев, пьянство стало всеобщим качеством (Костомаров. Указ. соч.).

маров. Указ. соч.). *Царев кабак* получил в народе меткое прозвище — *кружало*. Убранство и нравы одного их таких кружал можно представить по зарисовке А.Н. Толстого: "На Варварке стоит низенькая изба в шесть окон, с коньками и петухами — кружало — царев кабак. Над воротами — бараний череп. Ворота широко раскрыты, — входи кто хочет. На дворе на желтых от мочи сугробах, на навозе валяются пьяные, — у кого в кровь разбита рожа, у кого сняли сапоги, шапку. Много запряженных розвальней и купецких, с расписными задками, саней стоит у ворот и на дворе \(\ldots \).

В передней избе у прилавка — крик, шум, ругань. Пей, гуляй, только плати. Казна строга. Денег нет — снимай шубу. А весь человек пропился, — целовальник мигнет подьячему, тот сядет с краю стола (...) и пошел строчить (...) Пришел ты вольный в царев кабак, уйдешь голым холопом".

На Украине и в южных областях России кабак назывался шинком. Со временем слово кабак было заменено своеобразным эвфемизмом — словосочетанием питейное заведение. В словаре Брокгауза и Ефрона указана точная дата этой замены: «увеличившееся пьянство в кабаках возбудило омерзение, и в 1746 г. слово "кабак" было заменено

словами "питейное заведение"». Но как ни изгоняли из русской речи слова кабак, шинок, они не уходили, а обрастали коннотативными составляющими и переносными значениями. Современные толковые словари сдержанно определяют слово кабак как питейное заведение с неопрятной обстановкой, а слово шинок как место незаконной продажи спиртных напитков. Появившееся производное кабачок стало разговорно-фамильярным названием ресторана. Официально-эвфемистическое обозначение питейное заведение в народной речи заменилось ироническим Иван Елкин или коротким пивная. которое, обогатившись уничижительными суффиксами, незаметно превратилось в пивнуху, пивнушку.

В современном русском языке слова кабак, шинок, пивная, пивнуха, пивнушка выступают как экспрессивные синонимы. Однако исконно слово пивная было лишено отрицательной оценки. Этим словом называлось питейное заведение, где в основном продавали пиво. В зависимости от сорта пива пивные разделялись на полпивные, портерной — крепкое пиво, называемое портер, которое по своей крепости больше подходило для грузчиков (от англ. porter — буквально "носильщик").

Пивные, располагавшиеся в погребах, стали именоваться погреб-ками: "Прямо с тротуара входили в узкую, всегда открытую дверь. От нее вела вниз такая же узкая лестница в двадцать каменных ступеней, избитых и скривленных многими миллионами тяжелых сапог (...) Пивная состояла из двух длинных, но чрезвычайно низких створчатых зал. С каменных стен всегда сочилась беглыми струйками подземная влага и сверкала в огне газовых рожков, которые горели денно и нощно, потому что в пивной окон совсем не было (...) вместо столов были расставлены на полу, густо усыпанном опилками, тяжелые дубовые бочки; вместо стульев — маленькие бочоночки. Направо от входа возвышалась небольшая эстрада" (Куприн. Гамбринус).

Стремление назвать особым словом чистую харчевню в свое время закрепило в русском языке слово ресторан. Похожее желание выделить названием "чистую" пивную способствовало специализации в русском языке заимствованного слова бар. Первоначально этим словом обозначался небольшой ресторан, где пьют и едят, не отходя от стойки. Впоследствии барами стали называть "облагороженные" пивные.

Издавна во многих странах прием пищи и хмельного в питейных заведениях сочетался с развлечениями в виде танцев, музыки и пения, нередко фривольного характера. Но в русском бытоустройстве такие заведения все же не прижились. Слова кабаре, кафешантан, таверна так и остались в русском языке экзотизмами.

Однако многовековые контакты россиян с иноземцами, конечно же, способствовали заимствованию и некоторых элементов иноземной бытовой культуры. Например, корни в привычных русских словах сосисочная, пельменная восходят к заимствованным словам. Шашлычная, чебуречная, пищцерия — эти названия небольших ресторанчиков и закусочных, специализирующихся на приготовлении национальных кушаний, — общепитовские достижения последних десятилетий также возникли на базе заимствованных слов.

И в наши дни многие традиционные русские названия искусственно заменяются иноязычными словами. Однако эти пришельцы (по меткому определению Ф.И. Буслаева, — "стихии чужеземные") существуют в русском языке особняком, ничего не говоря исторической памяти русского человека, ибо "если образованность вышла не из внутренней потребности народа, а привита извне, то и в язык вместе с понятиями входит множество слов чуждых, невразумительных для народа, отягощающих речь, как лишний нарост" (Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка. М., 1992). Напротив, обращение к глубинным словам родного языка возрождает историческую память, оживляет собственное мировидение народа.

Брянск

ЗАГАДОЧНЫЕ ФАМИЛИИ

А.В. СУСЛОВА

В нашей жизни, как в настоящем, так и в прошлом много непонятного и загадочного. Настоящее мы постигаем из живого опыта, при общении с людьми, из книг и средств массовой информации, прошлое — из документов, архивов, исторических печатных материалов, из писем. Сведения о фамилиях черпаются из различных документальных источников, в частности, из актовых записей о рождении, где человеку впервые присваиваются имя, отчество и фамилия (раньше этому служили церковные книги). Многие фамилии очень древни, они передаются из поколения в поколение, да и в наше время они продолжают слагаться — это фамилии брошенных детей.

Основная масса русских фамилий сформировалась относительно недавно — в XIX—начале XX веков. В современном употреблении очень много фамилий от христианских личных имен в их различных вариантах: Арсеньев, Гришин, Санечкин, Матрёнин и т.п. Однако основной интерес представляют фамилии, образованные от существительных и прилагательных, присваиваемых некогда в виде имен новорождённому или прозвищ взрослому. Позднее они переходили в семейные именования, а потом и в фамилии. Именно поэтому фамилии отражают историю нашего народа и языка, например: Большаков от внутрисемейного личного имени Большак; Горелов — от прозвища Горелой; Кижин — от прозвания по месту рождения или поселения; Поляков — прозвание по национальности; Сутормин — по характеру; Косой — по внешнему виду. Часть подобных фамилий сохранилась без фамильных суффиксов. Большинство их основ имеет разнообразные по смыслу и выразительности формы — полные, сокращенные, эмоциональные, например: от основы мал- — образовалась фамилии: Малёв (от имени Маль), Малеев (от Малей), Маленин (от Маленя), Маленков (от Малёнок), Маленьков (от Маленькой), Малков (от Малко), Малов (от Мал). Такими же образованиями являются остальные фамилии с приведенной основой мал- — Малухин, Малушин, Малыгин, Малышев, Малышкин, Мальков, Малюгин, Малюков, Малютин, Малявин и Малявкин.

Имена и прозвища черпались не только в мире слов, обозначающих предметы и качества (существительные и прилагательные). При выборе имени и прозвища использовались местоимения, наречия, предлоги, союзы, междометия, т.е. весь набор грамматических категорий, все, чем богат русский язык. Приведем такие современные фамилии: Будтов, Ведь, Гик, Ежелев, Ничего, Пожалостин, Поцелуйко, Раз, Сегодняев, Сей, Скоров, Черезов.

Основы фамилий помогают увидеть жизнь многих слов в их развитии. Большое число нерасшифрованных основ заставляет нас искать те элементы, из которых состоят такие фамилии. Но как разгадать то, что заключено в буквенных фамилиях, если только отдельные из них имеют самостоятельный смысл? Как найти то, когда, казалось бы, и прицепиться не к чему? Приведем такие фамилии и попробуем разгадать возможную историю их появления: Аб. Аль, Ан. Аш, Бя, Ге, Го, Де. Дё, Е, И, Ик, Им, Ле, Ли, Ни, Од, Оль, Оя, Ро, Су, Те, Тй, Тю, Ус, Хе, Шу, Эль, Эм, Эн, Юз, Юк, Юнь, Яз, Яр, Ярь, Ясь. Они вполне реальны, существуют у нашего населения. Большинство их зарегистрировано в свидетельствах о рождении и в других документальных записях, причем с наличием у них обязательно русского личного имени и отчества. Следует при этом иметь в виду, что одна и та же фамилия может принадлежать разным людям, раз-

ных семей и родов, и поэтому их происхождение может быть различным.

К сожалению, потомки в большинстве случаев не могут дать точных сведений о происхождении своей фамилии. Такие сведения скорее можно получить от пожилых жителей сельских местностей, где родился человек. Натолкнуть на данные могут во всех случаях исследования актовых записей, церковных книг или Отделов ЗАГС. Но часто и это не дает результатов, например, случай с выяснением происхождения фамилии маршала Мерецкова. Местными краеведами были просмотрены записи в церковных книгах нескольких поколений, опрошено местное население, получены консультации краеведов, но ни к какому определенному выводу прийти не удалось. Наиболее рациональным методом оказался языковой анализ и историческая основа фамилии: мерец — представитель древнего племени меря, жившего на территории Ярославской области, Мерец с прописной — прозвание по национальности, данное в другой местности, Мерецко - ласкательная и уменьшительная формы этого прозвища, его звательная функция, от нее и фамилия.

Как видим, наиболее рациональным оказался метод историколингвистического анализа. При выявлении истории фамилии следует также иметь в виду возможность ее топонимического происхождения, так как многие личные именования идут от названий населенных мест, где родился или жил человек.

При выявлении основы фамилии в первую очередь следует искать ее в родном языке. Так, фамилии $O\partial$, Yc, $\mathcal{R}\kappa$, $\mathcal{R}p$, $\mathcal{R}p$ омонимичны русским существительным, значение которых находим в словаре В.И. Даля. Там же имеются названия других буквосочетаний: um, me — местоимения; anb, ah, nu, mu — союзы; de, me, — частицы; cy — предлог; co — междометие; междометиями же являются xe, acb, также mio (ряз.) — зов цыплят и кур; mio (ряз.) — окрик на ястреба и коршуна. Эти зовы и окрики тех, кто постоянно ими пользуется, в связи с привычкой или профессией, превращаются в их образы.

Кроме того однобуквенные фамилии E и M. также сочетания Γe , $\mathcal{A}e$, Te, $\mathcal{A}n$, $\mathcal{A}m$, $\mathcal{A}m$ в их произношении — это названия букв русского алфавита. В древности были случаи именования детей по названиям букв в порядке их появления в семье. Возможно, что именно от этих наименований образовались когда-то современные фамилии Asob (аза), Escape Bostone Bos

Есть и другие языковые источники некоторых из двухбуквенных фамилий, например, происхождение фамилий $U\kappa$ и Os от названий рек: $U\kappa$ — в бассейнах Камы и Уфы, Os — притока Кебежа, впадающего в Енисей. Кроме того $U\kappa$ также озеро в Омской области. Os — название железнодорожной станции в Хабаровском крае, но Os по свидетельству потомков, фамилия, образованная от названия датского города Os , что тоже вероятно. Фамилия Ss весьма распространена в Англии и происходит, видимо, от названия рек в Великобритании и Ss и Ss весьма распространена в Англии и происходит, видимо, от названия рек в Великобритании и Ss весьма распространена в Англии и происходит, видимо, от названия рек в Великобритании и Ss весьма распространена в Ss весьма в Ss весьма в Ss в Ss весьма в Ss в Ss весьма в Ss в Ss весьма в Ss в Ss в Ss в Ss весьма в Ss в Ss в Ss в Ss в Ss в Ss в S

Буквами русского алфавита можно признать и фамилии AH и 3M, так как в старых церковных перечнях числились имена AHH и EMM.

Весьма вероятно иноязычное происхождение многих двухбуквенных фамилий, в первую очередь французское и немецкое, поскольку контакты с народами этих стран были наиболее активными на протяжении последних двух столетий. Кроме того российская знать широко применяла в быту французский язык. Многие двухбуквенные фамилии можно перевести на русский язык: $A \mu$ (фр. ane — ocen); Au (фр. hache — tonop); Fe (фр. gai — tonop); Fe (фр. tonop); Fe (tonop); Fe (tonop); Fe (tonop), Fe (tonop); Fe (tonop), Fe (tonop); Fe (tonop), Fe (

Не исключен перенос двухбуквенных фамилий из состава именований восточных народов. Так, китайского происхождения могут быть: Γo , Πu ,

Есть еще один источник образования буквенных фамилий — это присвоение их внебрачным детям. Речь идет о бывшей знати и представителях дворянства, которые не могли и не хотели давать таким

детям свою родовую фамилию. Примером тому могут быть вельможа и просветитель XVIII века И.И. Бецкой, получивший свою фамилию от князя Трубецкого, а также художник А.А. Агин, получивший свою фамилию от дворянина А.П. Елагина. Части некоторых фамилий усматриваются также в современных наследственных именованиях: Го и Лицин (Голицын), Е и Лагин (Елагин), И и Конников (Иконников), Оль и Енин (Оленин), По и Жарский (Пожарский), Ро и Котов (Рокотов), Ро и Манов (Романов), Су и Воров (Суворов), Те и Нишев (Тенишев), Хе и Расков (Херасков). Перечисленные в скобках фамилии известны, и их составные также зарегистрированы в качестве современных фамилий. Сиротам, подкидышам, взятым на воспитание, также могли давать буквенные фамилии — по фамилиям и именам приемных родителей: Аб — от фамилии Абросимов, Ан — от инициалов приемных отца и матери (Анна, Николай).

Дополнительные сведения о происхождении фамилии скорее всего следует искать в объяснениях самих их носителей и в документах, так как бывают самые невероятные случаи их появления. Приведем здесь такой пример: в одном из имений Смоленской губернии, под Велижем, управитель имения из немцев, некий Оскаров, дал крепостному фамилию Вораксо, т.е. свою собственную, читаемую слева направо. Об этом рассказал житель Петербурга, внук крепостного — Х.И. Вораксо.

Перечисленные в статье буквенные фамилии могли быть единичными и случайными, однако законность их оправданна, тем более, что их состав весьма ограничен (словник автора статьи включает всего 20 тысяч единиц).

Санкт-Петербург

Топонимический словарь Центральной России*

Г.П. СМОЛИЦКАЯ, доктор филологических наук

Купавна. Станция железной дороги на Горьковском направлении; Купавна Новая — дачный поселок в Московской области; Купавна Старая — рабочий поселок в Московской области. В основе названия, видимо, слово купава, обозначающее несколько разных цветов: кувшинка белая, желтая, лютик многоцветный, купальница европейская, цветок колокольчик и др. Видимо, селение возникло у озера или речки, заросших кувшинками, или около луга (поля) с желтыми цветами лютика, колокольчика и т.п.

купавнинцы, купавинец

купавинский, -ая, -ое

Курск (1905)*. Город, центр Курской области. Один из древнейших русских городов. В основе названия исследователи видят гидроним *Кур* – река, на которой стоит Курск, а в основе гидронима – слово кур "куропатка". Более убедительно, по мнению других, видеть в гидрониме финское по происхождению слово курья "заводь, речной залив". Известна славянская версия Ст. Роспонда от кур "петух" или кур "пыль, прах", но принятие ее затрудняет понимание принципа называния реки. В подтверждение этой версии он приводит польский топоним *Kursko* и несколько примеров из разных источников (Роспонд. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов).

куряне, курянин, курянка; устар. курчане, курчанин, курчанка и куряки, куряка

курский, -ая, -ое

Курский вор. Нет у белого царя вора супротив курянина. Эти выражения связаны с тем, что Курск, как Орел и Кромы, находясь в XVI веке на южной окраине Русского государства, был прибежищем

^{*} Продолжение. Начало см.: Русская речь. 1994. №№ 4-6; 1995. №№ 1-6; 1996. №№ 1-4.

бетлых людей, преследуемых правительством, нарушивших закон – воров, как их тогда называли.

Курский соловей. Так говорят тогда, когда кто-то красиво, убедительно говорит о чем-то несбыточном, нереальном. В основе – конкретные обстоятельства. Курский край всегда славился и славится соловьями и их красивым неповторимым пением, отвлекающим человека от реальной жизни.

Курская дуга — название одного из важных периодов Великой Отечественной войны, сражения под Курском летом 1943 года.

Курская магнитная аномалия. Название региона, где обнаружена самая сильная магнитная аномалия Земли — Курская, и прилегающих территорий в междуречье Дона и Десны. Магнитная аномалия обусловлена наличием здесь в земной коре огромных запасов железных руд (магнитного железняка). Происхождение названия прозрачно.

Курчатов (1983). Город в Курской области. Возник в связи со строительством Курской АЭС, поэтому и название ему дано по фамилии И.В. Курчатова (1902/3–1960), физика-атомщика, организатора работ по атомной науке и технике в нашей стране.

курчатовцы, курчатовец

курчатовский, -ая, -ое

Ладожское озеро. Находится в Ленинградской области и в республике Карелии. Более раннее название Нево (в Лаврентьевской лет. под 1220 г. записи) соотносится с прибалтийско-финским neva "болото, трясина". По наиболее убедительной версии (Попов. Следы времен минувших), озеро получило название по городу Ладога, который был важным торговым центром на данном отрезке пути "из Варяг в Греки". Название Нево, вероятно, происходит от названия реки Невы (протоки из Ладоги в Финский залив). Озеро по своему характеру неспокойное, бурное, что дало основание некоторым ученым связывать его название с прибалтийско-финским aaldohas "бурный", от aalto, aaldo "волна".

– Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов по льду Ладожского озера проходила Дорога жизни, связавшая в 1943 году осажденный Ленинград со всей страной. Ср. Новая Ладога.

ладожане, ладожанин, ладожанка и ладожцы, ладожец

ладожский, -ая, -ое

Мы, ладожане, росли со стрижами. Ладожане – прирожденные рыбаки.

Лакинск (1969). Город во Владимирской области. Название антропонимического происхождения. В его основе фамилия *Лакин* – революционер, убитый здесь, на месте поселка Ундол в 1905 году. Аналогичные названия известны на территории Мордовии или былого расселения мордвы, например, в бассейне Оки: реки Лака, Лакалейка, Лакаша, озеро Лакашинское и др. Это значит, что, возможно, в основе

фамилии *Лакин* и приведенных гидронимов одно и то же слово *лака* или *лак*. Ср. приведенное Э.М. Мурзаевым *лак*, записанное на территории расселения финноязычных народов на Кольском полуострове в значении "широкое плоское понижение, замкнутое с трех сторон пологими склонами возвышенностей (...) Дно обычно покрыто окатанными валунами и рыхлыми ледниковыми наносами" (Словарь народных географических терминов).

лакинцы, лакинец лакинский, -ая, -ое

ла́кинский, -ая, -ое
Ла́ма. Река, левый приток Волги. В основе названия, вероятно, балтийский апеллятив: латышское lama "низина", "узкая длинная низина", "лужа", литовское loma "низина". В.А. Никонов скептически относился к этой версии на основании того, что река Лама известна на полуострове Таймыр и озеро Лама — на северо-западе Среднесибирского плоскогорья, где балтийское присутствие практически исключается (Никонов. Краткий топонимический словарь). Этот факт не может быть препятствием для балтийской версии, т.к. Лама на Таймыре может быть иного происхождения, ставшая омонимичной в процессе функционирования, вхождения в русский язык. К тому же есть внешне схожий эвенкийский и эвенский термин лам, ламу "море, океан", отсюда этноним ламуты "поморы", т.е. "эвены" (Мурзаев. Указ. соч.). В.Н. Топоров утверждает балтийское происхождение этого гидронима (Топоров. "Baltica" Подмосковья).

ла́мский, -ая, -ое и устар. ламской, -ая, -ое

ламский, -ая, -ое и устар. ламской, -ая, -ое Лампово. Деревня в Ленинградской области. По одной версии, название происходит от фамилии Лампов, по другой — соотносится с финским lampi "пруд".

Деревня известна красивыми деревянными домами жителей (Кисловский. Знаете ли вы?).

ламповцы, ламповец ламповский, -ая, -ое

ла́мповский, -as, -oeЛа́ндех. Река в нижнем левобережном Поочье. Происхождение названия не известно, но существует несколько версий. Есть основания видеть в конечном элементе -ex вариант известного угро-финского (древнепермского) ω г, в значении "река". А.И. Попов считал, что ω г(a) в левобережном Поочье имел несколько вариантов, в частности eг. Конечное г перешло в x под влиянием диалектного произношения группы местных говоров, характеризуемых аканьем и фрикативным г (ср. названия соседних рек и их варианты: Пенюх — Пенюг; Лух — Луг). А.И. Попов считал, что ω г(a), eг(a) и т.п. когда-то обозначали речку определенной величины или озеро (Попов. Топонимика древних мерянских и муромских областей). Такое же мнение (ω г "река") высказывает и А.К. Матвеев, анализируя уральские названия рек ω г (Мат-

веев. Географические названия Урала). При этом он не исключает, что гидроним \mathcal{W} г может восходить к другим финно-угорским источникам, а не только к древнепермскому.

ландехский, -ая, -ое

Лахта. Поселок в Ленинградской области на берегу Финского залива. Название соотносится с финским laht "залив". Аналогичные названия известны в Карелии и все они относятся к озерным заливам. Апеллятив известен в вепсском языке тоже со значением "залив" (Муллонен И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994). Поблизости — дачный поселок Лахтинский, в Поочье в бассейне Протвы — лоск Лахтинской. По сведениям С.В. Кисловского (Указ. соч.), в окрестностях Лахты в 60-е годы XVIII века был найден огромный валун, ставший впоследствии пьедесталом памятника Петру I "Медный всадник" Э. Фальконе.

ла́хтинцы, ла́хтинец, ла́хтинка и ла́хтенцы, ла́хтенец, ла́хтенка ла́хтинский, -as, -oe и ла́хтенский, -as, -oe

Лашма. Поселок и пристань на Оке в Рязанской области, а также железнодорожный разъезд в Мордовии рядом с селами Вольная Лашма и Русская Лашма. Первоначально название относилось к реке Лашма в бассейне Мокши. Известен поблизости овраг Заводь Лашма. Вероятно, в основе этих названий мордовское слово *лашма* "низина, лощина, пологий овраг". Это подтверждается и территорией распространения указанной топонимии.

лашминцы, лашминец и лашменцы, лашменец лашминский, -ая, -ое и лашменский, -ая, -ое

Лебедянь (1779). Город в Липецкой области. Название дано по реке Лебедянь (совр. Лебедянка), при впадении которой в Дон основан город. По свидетельству Е.С. Отина, это название впервые зафиксировано в XVII веке: гидроним *Лебедянь*, затем — *Ключи*, *Городенка*. После основания города Лебедянь река снова получила свое первоначальное имя *Лебедянь*. Е.С. Отин считает, что это название расшифровывается как Лебединое озеро. В подтверждение этому он приводит пример из источника XVII века о наличии в данной местности лебединого озера (Отин Е.С. Лебедянь // Русская ономастика и ономастика России. М., 1994).

Принять эту гипотезу мешает суффикс -ань, довольно активный в гидронимии, например, Поочья. Гидронимы на -ань, как правило, отражают какое-то качество, свойство самого объекта, а не его отношение к другому, в данном случае к лебедям. Есть основания видеть в названии Лебедянь отраженное праславянское * lebetati/*lebьtЮti, представленное, например, в сербохорватском lebetati "начаться раскачиваться, колыхаться" или "дрожать, подрагивать, трястись" и т.п. (ЭССЯ. Вып. 14). Название относилось к речке, имеющей зыбкую, слегка вол-

нистую, как бы дрожащую, колыхающуюся поверхность. Впоследстнии оно перешло и на селение, возникшее на ее берегу. Аналогичное объяснение допустимо и по отношению к гидрониму Лыбедь. См. Лебедь.

лебедянцы, лебедянец, лебедянка

лебедянский, -ая, -ое

Лев Толстой. Поселок городского типа в Липецкой области. Название представляет собой имя и фамилию великого русского писателя Льва Толстого. Здесь он скончался осенью 1910 года в доме начальника железнодорожной станции Астапово. В 1918 году поселок при станции получил название Лев Толстой. Прежнее — Астапово образовано от мужского имени Астапово. В авриантов канонического (греческого) имени Евстафий. Аналогичными вариантами являются и такие: Астах, Остан, Остах, Остан, Остан, Стах, Стахей и др. Многие из них довольно активно ведут себя в топонимике, например Останкино в Москве, Остафьево под Москвой, хутор Астахов в Ростовской области, город Осташков в Тверской и др. В основе фамилии Толстой лежит прилагательное толстый, точнее, его старорусская форма толстой, характеризующая человека, имеющего полную фигуру, тучного. По этому внешнему признаку и дана фамилия, существуют и ее разновидности, широко известные у русских с XVI века.

левтолстовцы, левтолстовец

лев-толстовский, -ая, -ое

Ле́мболово. Поселок и железнодорожная станция в Ленинградской области. Происхождение названия спорно. Основа *Лембол-*, выделяемая в вепсском топониме *Лембовичи*, дает основание связать её с вепсским *lempi* "любовь" или *lemboi* "нечистая сила, черт", которые представлены в топонимии (Муллонен. Указ. соч.). Производные – *Лемболовское* озеро, *Лемболовские* высоты, река *Лемболовка*.

лемболовцы, лемболовец

лемболовский, -ая, -ое

Леплейка. Русское село в Мордовии на речке Леплейке. Первоначально название относилось к речке и значило ольховая речка из лепе "ольха", лей "речка", "овраг". Другие названия села: Мурзинское (по проживанию в нем в XVII в. темниковских мурз) и Архангельское в связи с возведением в нем церкви архангела Михаила. Ср. Леплей — мокшанско-русский поселок. Лепченка (Лепляй) — мокшанская деревня.

леплейцы, леплеец

леплейский, -ая, -ое

Ле́рмонтово. Село в Пензенской области. Название дано по фамилии поэта М.Ю. Лермонтова (1814—1841), который долго жил здесь в детстве у бабушки, здесь и похоронен. Первоначальное название села — *Тарханы*, в основе которого исследователи видят татарское слово *тархан* "освобожденный от податей" (Никонов. Указ. соч.).

 Здесь находится литературный музей М.Ю. Лермонтова, могила поэта.

лермонтовцы, лермонтовец

лермонтовский, -ая, -ое

Ливны (1586). Город в Орловской области. Название дано по реке Ливны (совр. Ливенка), при впадении которой в речку Сосну город был основан как форпост на южных границах Русского государства. В названии можно видеть русский глагол *лить* и образованное от него *ливень* "сильный, кратковременный дождь", что, возможно, свидетельствовало о полноводности и быстром течении реки (ср. также *ливня* "топкое место на берегу"). Не исключено, что в основе гидронима какой-то мордовский термин, о чем косвенно свидетельствует наличие рек — Полевая Ливенка и Лесная Ливенка, тем более, что в этом ареале довольно сильный пласт мордовской гидронимии (см. *Сосна*).

Представляется убедительным предположение Е.С. Отина, что название городу дано по гидрониму *Ливны*, который имеет форму множественного числа, т.к. у места его основания слились обе речки Полевая и Сухая Ливна (форму Ливенка они получили позже – в XIX в.). В XIX веке город Ливны назван *Ливенск* в Воронежской памятной книжке на 1856 г. (Отин. Ливны. Указ. сборник). Впоследствии город во всех источниках и в устном употреблении называется только *Ливны*.

ливенцы, ливенец и ливчане, ливчанин

ливенский, -ая, -ое

Ливенка – особый вид небольшой гармони, которая производилась в этом городе. У Есенина: "некрута ходили с ливенкой".

Ливенцы – саламатой мост обвалили. Когда так говорят, то имеют в виду наивность, бесхитростность и небольшую сообразительность ливенцев. В основе тот факт, что для встречи нового воеводы они понесли в подарок от каждого двора по горшку саламаты (кисель или жидкая каша из овсяной крупы, поджаренной на сале или масле) по мосту через реку, мост не выдержал такой тяжести и обвалился.

Лига. Эрзянский поселок в Мордовии. Основан переселенцами из нескольких сел в 1924 году. Название получил в связи с созданием международной организации Лиги Наций. Слово *Лига* знаменовало собой объединение людей для новой счастливой и свободной жизни.

лиговцы, лиговец

ли́говский, -ая, -ое

Ликино-Дулёво (1937). Город в Московской области. Назван по двум рабочим поселкам *Ликино* и *Дулево*, которые в 1930 году были объединены в один город Ликино-Дулево. Имена обоих поселков антропонимического происхождения: *Ликино* – по женскому имени *Лика*

(уменьшит. форма от $\mathcal{A}udun$), $\mathcal{A}yneвo$ — от фамилии $\mathcal{A}yneв$, в основе которой, возможно, прозвище $\mathcal{A}ynn$, известное в подмосковных источниках XVI века.

В 1835 году предприниматель Кузнецов основал здесь фарфоровый завод, превратившийся в крупнейший современный завод фарфора в Советском Союзе, а затем и в России.

ликинодулёвцы, ликинодулёвец

ликинцы, ликинец и дулёвцы, дулёвец

ликино-дулёвский, -ая, -ое

Липецк (1779). Город, центр Липецкой области. Первоначальное название — село Липовка, дано по реке Липовке, на которой оно возникло. В основе гидронима апеллятив липа — название дерева, широко представленного в русской топонимии, особенно в гидронимии: Липенка, Липица, Липка и др. (Смолицкая. Гидронимия бассейна Оки). При Петре I в связи с разработкой местной железной руды село стало называться Липецкие заводы и Липецкие железные заводы. Эта форма названия свидетельствует о том, что, видимо, речка называлась и Липовка, и Липец (или Липица). В Москве, например, была речка Сивка, она же Сивец, от нее улица Сивцев Вражек. Аналогично с Липецком, по мнению исследователей, образовано название Лейпциг (город в Германии). В основе его славянский апеллятив липа, а славянское название города — Липск. Первоначально это была рыбачья слобода вблизи липовой рощи (Никонов. Указ. соч.).

липчане, липчанин, липчанка

липецкий, -ая, -ое

Липки (1955). Поселок в Тульской области. Название дано по липовой роще, около которой было основано селение. Принцип номинации поселения по характеру ближайшей древесной растительности (роще, лесу) довольно активен в топонимии Центральной России, в частности, в названиях населенных пунктов: Березовое, Дубки, Дубна, Ельня, Ракитное, Ольховка, Сосновое, Липкая Горка и мн. другие. При этом часто встречаются названия в форме существительного множественного числа: Дубки, Сосны, Черемушки и т.п.

ли́пкинцы, ли́пкинец и липковцы, липковец ли́пкинский, -ая, -ое и липковский, -ая, -ое

Лисий Нос. Дачный поселок и железнодорожная станция в Ленинградской области. Возник на месте "села Лисичьего на Корине носу" (запись в окладной книге 1500 г. Водской пятины Новгорода). Как интерпретирует С.В. Кисловский, Корин (Карин) соотносится с финским кагі "подводный камень, риф". На основании шведской формы этого названия Когопепа вычленяется финское nenä "нос, мыс". Название можно определить так – подводный риф, мыс, напоминающий нос лисы по форме.

лисьено́совцы, лисьено́совец, лисьено́совка лисьено́совский, -as, -oe

Лиски (1937). Город в Воронежской области. Название дано по реке Лиска, известной в форме Лыска. Город возник на месте слободы Лыска. Более раннее название селения – село Новопокровка (Никонов. Указ. соч.). Гидроним Лыска, видимо, получил название по безлесным, песчаным и крутым берегам. Это название родственно другому – Лысая гора, широко известному в Центральной России. С 1965 по 1990 годы город назывался Георгиу-Деж в честь партийного и государственного деятеля Румынии Г. Георгиу-Дежа (1900—1965).

лискинцы, лискинец, лискинка

лискинский, -ая, -ое

Литва́. Русская деревня в Мордовии. Как сообщает И.К. Инжеватов, она известна с 1869 года как казенная слобода, включавшая в свой состав сотни Лошновую, Панскую и часть Татарской. С 1894 по 1914 годы называется *Панская слобода Литва тож*. Население слободы было пестрым, преимущественно в этническом составе: пленные поляки, литовцы, чеченцы, стрельцы, пушкари и т.п. Название селению дано по этническому признаку, видимо, первоначального населения – литовцев и поляков.

литовцы, литовец литовский, -ая, -ое

Лихосла́вль (1925). Город в Тверской области. Название, видимо, антропонимического происхождения — от личного мужского имени *Лихослав* "имеющий лихую, злую славу" и суффикса принадлежности - *j*-, который на русской почве дал - ль. Ср. *Ярослав* — *Ярославль* и др.

лихосла́вльцы, лихосла́влец и лихосла́вцы, лихосла́вец лихосла́вльский и лихосла́вский, -as, -oe

Продолжение следует

Поэтичность географического имени

Э.М. МУРЗАЕВ, доктор географических наук

> Былого след глубоко впечатлен И на полях твоих, и на твердыне стен.

> > П.А. Вяземский

Народная номинация географических объектов порою поражает образностью, метафоричностью, эмоциональностью. Еще 25 лет назад Т.В. Марадулина и А.К. Матвеев писали: "Задумывались ли вы когданибудь над тем, какой притягательной, волнующей силой обладают подчас географические наименования (топонимы)? Таниственным лесным полумраком повеет от названия незнакомого полустанка Берлога, едва ли не живым существом представится маленькая веселая речка Говорушка; простор и раздолье почувствуешь в названии лесного урочища Синие моря" (Русская речь. 1971. № 1).

Подобные поэтические названия нередко оформлены суффиксами уменьшительности или ласкательности. Эти положения попытаемся материализовать на конкретных примерах в основном на русской топонимии и только в редких случаях апеллируя к иноязычной для полноты картины.

Общеизвестно, что и в народных географических названиях и в топонимии вообще широко распространены метафоры: хребет, горло (пролив), зуб, зубцы (острые скалы), кишка (излучина реки), колыбелка (исток реки, начинающейся из родника), грива (гряда, форма рельефа), куча (холм) и много других. Но образное выражение не обязательно метафорично, хотя и может быть таковым. Г.О. Винокур заметил, что "художественное слово образно вовсе не в том только отношении будто оно непременно метафорично. Сколько угодно можно привести неметафорических поэтических слов, выражений и даже целых произведений. Но действительный смысл художественного слова никогда не замыкается в его буквальном смысле" (Винокур Г.О. Филологические исследования. Лингвистика и поэтика. М., 1990).

Разве не удивительно то, что слово *брехло* обозначает мираж в пустынях? Однако название ручья *Брехун* уже несет другую информацию и связано с глаголом *брехать* "издавать звуки, кричать, лаять, ворчать"

и может быть поставлено в один ряд с названиями объектов, издающих какие-то звуки: речки Гремячка, Гремяцица, Шумок, Громок, Звонец, Шипячий, Ревка, Ревунский, Ревучий, Рыкун, Храпун, Хрипань, Плакса.

Речки и ручьи с быстрым течением нашли свои определения: Скакуха, Скакун, Лихач, Лихой, Резвая, Шальной; с медленным, мало заметным тихим течением: Ленивый, Сонливый, Томный. По характеру русла: Блудный, Вертлявый, Вьюнец, Вилейка, Пьяна, Виловатый, Змейка, Вертушинка, Плутня; по гидрологическому режиму реки, которая широко разливается и рушит берега — Злая, Злодейка. В тюркской топонимии русской Злодейке или Шальной соответствует частый гидроним Делису "бешеная, дурная река", то есть "рвущая берега, выходящая из берегов во время паводка".

В карстовых областях ручьи и целые речки уходят в трещины, ямы, воронки, поноры; они проваливаются под землю и продолжают там течение, как бы поникают, ныряют. Такие реки называются Пониква, Пониковец, Понора, Поныры, Понуры, Понорница. Но вот Е.А. Черепанова (Народная географическая терминология Черниговско-Сумского полесья. Сумы, 1984) находит еще одно слово хованка, хорошо передающее такой гидрологический режим карста. Сравним украинские ховати "прятать, хранить, хоронить", сховщина "убежище, место, где прячутся". С карстом связан и термин вертеп "пещера, глубокий овраг, понор, воронка, куда проваливаются воды; яма, котловина" и другие значения. Термин оказался продуктивным в топонимии: Вертеп, Вертеба, Выртоп, Гыртоп. Г.П. Клепикова отмечает 27 значений слова вертеп и его фонетических вариантов, этимология которого восходит к vrt "вертеть" и upos "вода", т.е. "верти-вода, проверченный, образованный водой" (Сб. Вопросы географии. М., 1981. № 81).

В Тверской области есть село Зранка. В.М. Воробьев и И.Г. Воробьева связывают это имя со словом зрак "ключ, родник" (История освоения Тверского края в географических названиях. Тверь, 1992). В русских диалектах зрачок "озерко". Все это возводится к глаголу зреть "видеть". В топонимии распространены также глаз, глазина "окно в болоте"; око "глубокое место в реке, маленькое горное озеро", севернорусское околом "озерко". Такая сопряженность: орган зрения и водный источник оказалась универсальной во многих языках: чешме "глаз; ключ, ручей" (тюркские и иранские языки), гёз "глаз; источник, ручей" (тюркские языки), акн "глаз; углубление, дыра, исток реки, родник" (армянский язык), акис "глаз, ключ, незамерзающее место на болоте, в озере" (балтийские языки), айн, эйн "глаз, источник, ключ" из арабского (перидский и таджикский).

Камень в топонимии не только "камень, но и гора, скала, утес, вершина, речной порог, осыпь, россыпь, мель, наконец, горный хребет,

горная возвышенность". При такой многозначности слово оказалось очень продуктивным в процессе номинации населенных мест, гор, рек, крящевой почвы. При этом человек использовал, кажется, весь арсенал грамматических форм: словосложение, словосочетание, суффиксацию, префиксацию. Бесконечны Каменки – речки, населенные места, мысы, броды – и с определениями: Дальний Камень, Большой Камень, Камень-на-Оби. От Камень образовались прилагательные, входящие в состав названий поселений: Каменный Ключ, Каменный Столб, Каменный Яр. Другие формы: Камень, Каменное, Каменец, Каменник, Каменушка, Камешек, Закаменная, Закаменская. Подкамень, Подкаменка, Подкаменная Тунгуска. В топонимическом ряду с камень выделяются образные и оригинальные имена.

Было широко известно название Урала – Поясовый Камень – протяженные горы, как бы опоясывающие и разделяющие бассейны Волги и Урала с одной стороны – Оби и Иртыша с другой. Понятным делается определение камень "западная сторона в Тюменской области", другими словами, лежащая на восток от Урала. Севернее Екатеринбурга высится гора Старик-Камень, она напоминает фигуру окаменевшего человека.

Очень многие выделяющиеся вершины Урала — Камни: Денежкин Камень, Конжаковский Камень и другие. По данным Л.Г. Галушко, прибрежные скалы и утесы на реке Чусовой именуются камнями, а наиболее опасные для сплавщиков — бойцами (Галушко Л.Г. Сб. Вопросы топономастики. Свердловск, 1962). Среди них образные: Холостяк, Часовой, Богатырь, Игла, Шило, Сокол, Собачьи Ребра, Ревень (от реветь на речных переборах) и другие. Там же высится утес Разбойник, у которого часто разбивались суда в период половодья. Подобное объяснение можно дать названию порога Могильный на реке Юрюзань (бассейн Уфы). Как будто прозрачны и названия островка Камень Опасности в проливе Лаперуза или поселения Камень-Рыболов на озере Ханка на Дальнем Востоке.

На Ладожском озере есть остров Коневиц (Коневец), его поверхность усеяна большими валунами – свидетелями древнего оледенения, среди них Горбун-Камень и Конь-Камень. По преданию, на острове обитали злые духи, которым каждой осенью приносили в жертву лошадь. Так ли? Слово конь в разноязычной топонимии употребляется для обозначения чего-то большого. Вспомним еще один Конь-Камень – громадную гранитную глыбу в селе Никольском на реке Красивая Меча. Эта скала – объект святости и поклонения.

В бассейне Бухтармы на Алтае живут каменщики, в быту и языке которых сохранились многие черты русской северной культуры. Они поселились здесь в XVIII веке, когда возникли несколько деревень староверов "за камнем", то есть за Алтайскими горами. Эти каменщики

ходили далеко в горы и пустыни Центральной Азии до тибетских границ в поисках мифического благодатного Беловодья.

Николай Рерих в своих сочинениях несколько раз писал о географических названиях, как памятниках истории, о ее священных знаках. Азию он называл таинственной колыбелью человечества, Алтай ее сердцем. Сибирь — арена для шествия многочисленных народов, оставивших богатейший конгломерат культур. Он протестовал против искусственной номинации европейскими путешественниками объектов, давно известных местному населению и уже имеющих названия с "незапамятных времен" (Рерих Н.К. Зажигайте сердца. М., 1990).

Хан-Тенгри — вторая вершина грандиозной горной системы Тяньшаня (6955 м). Слово хан "повелитель, владыка, царь" часто сопровождает названия гор, горных вершин в тюрко-монгольском ареале, но не встречается в именах рек или озер и свидетельствует о почитании гор у древних кочевников. Уникально по широкому распространению и присутствию во многих языках Старого Света слово тенгри (тэнгри) "небо, божество". В.И. Абаев приводит интересные параллели: «dyndyr — "большой", древнее переднеазиатское слово. Семантический вариант неба, ср. шумерское dindir — небо, откуда и тюркское ten(g)ri — небо, бог, чувашское tangrir — море и прочее» (Абаев В.И. Историкоэтимологический словарь осетинского языка. М., 1958. Т. 1). Это слово находим и в тунгусо-маньчжурских языках: танара, тэнгэр "бог, небо, икона, озеро"; в венгерском tenger "море".

А.М. Малолетко находит в берберском языке тенери "песчаная пустыня", в южно-енисейском тингил "высокий", что, заметим, корреспондирует с осетинским dyndyr "большой". "Удивительно распространение этого слова – от берегов Африки до навхов (гиляков) Сахалина и глубокие корни, уходящие во времена шумеров Месопотамии (III тыс. до н.э.). Термин некогда (в дошумерское время) отражал представление о безбрежных просторах песков пустынь, океанской глади, шири небесной, а затем уже обожествление неба, термин трансформировался в понятие бог, божество, нечто священное" (Малолетко А.М. Палеотопонимика. Томск, 1992). И естественна высокая частотность географических названий с тенгри на обширных пространствах Азии.

пространствах Азии.

Крайне любопытны некоторые народные характеристики природных явлений и географических объектов. Так, в Архангельской области говорят: "мужичок подул, задул, держись, нрав у него крепкий, самый бойкий у нас". Здесь мужичок "сильный ветер, суровый, сердитый". Мужичий ветер "холодный, северо-западный" в Воронежской области (Березович Е.Л. Сб. Язык и прошлое народа. Свердловск, 1993). На озере Селигер дневной ветер называют женатым, он стихает к ночи. Холостой, он же вдовий, ветер дует несколько суток подряд. У

ненцев есть меткое определение wei joxan "холостая речка", другими словами, "одинокая, не имеющая притоков" (Дмитриева Т.Н., Контарь А.Е. Сб. Вопросы финноугорской ономастики. Ижевск, 1989).

С этими характеристиками перекликаются наблюдения Н.Г. Маллицкого: в Западом Тянь-Шане говорят хатын су "женская (бабья) вода", "медленно текущая речка, вода ключей, слабый поток, обладающий малой энергией" в отличие от ир су "мужской воды", — реки, которой присущи стремительное течение и большая сила. Другими словами, "река, берущая начало в высоком поясе гор, часто у ледников и имеющая крутой угол падения русла" (Маллицкий Н.Г. Известия Русского Географического общества. 1945. № 5). Хатын/катун, ир, су — тюркизмы.

В указателе к "Атласу мира" (М., 1954) можно обнаружить десятки поэтических географических названий населенных мест в формах Веселая, Весели, Веселовка, Веселый, Веселовское, Веселовский, Веселововское, Веселовский, Веселая Гора, Веселая Горка, Веселая Долина, Веселая Роща, Веселый Кут, Веселый Подол, Веселый Яр, Вешенская, Вешняк. Некоторые из них повторяются по несколько раз. Однороден ли этот ряд? Уже заранее можно ответить отрицательно. Так, например, отдельные топонимы возникли от фамилии Веселовский, Веселый; другие, возможно, восходят к слову весна, которое в свою очередь образует ряд Весенний, Весляна, Веслянка, Весницк, Весново. Но почему они перечислены здесь в едином списке?

В интересном исследовании Н.И. Толстого и С.М. Толстой слова весна и веселый оказываются в ряде случаев взаимозаменяемыми. В Польском Полесье весь год делится на веселое и печальное время: wesoly czas — весна и первая половина лета, czas smutny начинается со времени уборки урожая. Веселая — постоянный эпитет весны в белорусском языке. По отношению к полям vesel не только "свежий, зеленеющий, растущий", но и "изобильный, плодородный, урожайный, благополучный". У южных славян vesel "солнечный день, быстрая речка". И в украинском языке веселый день "солнечный", в русских диалектах веселая речка "быстротекущая" (Толстой Н.И., Толстая С.М. Сб. Славянское языкознание. М., 1993). К этим любопытным фактам можно добавить из русских диалектов: веселка "радуга, место прозреваемое и хорошо освещенная солнцем возвышенность, открытое место", веселый "быстрый, скорый". У Даля весенник, вешний "южный теплый ветер" в Псковской области.

Т.В. Горячева отмечает, что "последний месяц весны май в говорах имеет названия: *мур, листопук, росеник*; когда лопаются листовые почки на деревьях и кустах, и выпадают обильные росы (Русская речь. 1982. № 2). *Мур, мурава, муравушка* "сочная, луговая трава, густо растущая молодая трава", в диалектах: *мурог* "луг, дерн", *мурок* "низ-

котравье". Слово *мурава* ныне мало употребительно в живой речи, но живет в народных сказках, в поэтическом творчестве. Вспомним хотя бы *Страну Муравию* А. Твардовского.

Дорога из Крымского ханства в Московию называлась *Муравским шляхом* или *Муравой*. Она была проложена по безлесной степной местности, поросшей травой-муравой, что для путников очень важно – обеспечивало лошадей подножным кормом. Топонимия сохранила слово *мурава* в названиях *Муравлянка* в Рязанской и Тульской областях, *Муравлевка* на озере Китай в дунайских разливах близ Измаила, *Муравляное* в Воронежской области, *Муравица* на Волыни.

Разве не выразительны названия небольших площадей *Пятачок*, например, в крымской Алупке или *Выползово*. *Выползиха*. *Выселка*, *Выставка*, информирующие о новых, первоначально небольших поселениях, возникших в результате переселения какой-то части жителей из близлежащих старых, больших деревень или городов. Такие населенные пункты отмечаются по всей России.

Многие географические названия оставили глубокий след в истории русской государственности и культуре. Среди них Новгород Великий, с которым тесно связаны истоки демократии на Руси и освоение русского Севера и Сибири. Именно новгородцы оказались первооткрывателями некоторых обширных территорий на северо-востоке России и Сибири.

Есть топонимы, тесно связанные с именами выдающихся личностей. В этом их привлекательность и поэтичность названий. Вспомним пушкинские Михайловское в Псковской области и Болдино в Нижегородской; толстовскую Ясную Поляну в Тульской; тургеневское Спасское-Лутовиново в Орловской, некрасовскую Карабиху в Ярославской, Абрамцево Аксакова и Мамонтова, Мураново Баратынского и Тютчева, чеховское Мелихово и блоковское Шахматово в Московской области; есенинское Константиново в Рязанской, Тарусу Паустовского под Калугой. Можно назвать и подмосковный Клин Чайковского, Калугу Циолковского, Репино Ленинградской области. Эти географические названия — символы нашей культуры в памяти многих.

К 850-летию Москвы

СЕЛО АЛЕКСЕЕВСКОЕ

М.В. ГОРБАНЕВСКИЙ, доктор филологических наук

В Москве старое и новое соседствуют букально повсюду. Так, улица Космонавтов, Ракетный бульвар, Аллея космонавтов, улица Академика Королева, Звездный бульвар – соседи древнего Останкина и старинной московской местности Алексеевское — бывшего села Алексеевское. О топониме Останкино написано уже немало, в свое время ему уделил внимание и журнал "Русская речь". А вот о селе Алексе

сеевском и его названии сведений в литературе, доступной широкому кругу читателей, очень мало...

Самое приметное и запоминающееся место Алексеевского сейчас – это живописный холм на правой стороне проспекта Мира (буквально напротив Аллеи космонавтов) с прекрасной церковью XVIII века Тихвинской иконы Богоматери на его вершине. От когда-то достаточно большой улицы Церковная Горка, проходящей по холму, остался ныне лишь небольшой отрезок; практически единственный почтовый адрес по улице Церковная Горка – дом 26а: под ним значится этот храм и относящиеся к нему строения.

Что же касается топонима Алексеевское, то в современной Москве он превратился в названия двух улиц — Новоалексеевская и Староалексеевская, в название станции метро "Алексеевская" (с момента создания в мае 1958 года и до октября 1966 года она именовалась "Мир", затем долгое время называлась "Шербаковская", в честь партийного и государственного деятеля сталинского времени А.С. Щербакова, лишь в период демократизации, решением Моссовета № 149 от 5 ноября 1990 года, сменив мемориальное имя на связанное с историей Москвы — "Алексеевская"), а также в название муниципального округа и нескольких магазинов.

Многие факты из истории бывшего села Алексеевское стали более доступными благодаря энергии и неутомимым архивным разысканиям московских краеведов, в частности, К.А. Аверьянова, редактора-составителя прекрасного по содержанию многотомного издания (вышедшего, увы, мизерным тиражом и в более чем скромном полиграфическом оформлении...) "История сел и деревень Подмосковья XIV—XX вв."

По мнению К.А. Аверьянова и некоторых других специалистов, история села Алексеевское восходит к концу XIV века, ибо оно упомянуто как "деревня Олексеевская" в первой духовной грамоте князя Василия I – в числе тех населенных пунктов, которые стали для князя "примыслами", а ранее принадлежали известному боярину второй половины XIV века Федору Андреевичу Свибло (кстати, необычное прозвище которого Свибло, означавшее "шепелявый", дошло до наших дней в названии местности Свиблово и даже станции метро "Свиблово"...). В этой духовной грамоте, в частности, упоминались "на Москве село Буиловское и с Олексеевскою деревнею".

Владельцами деревни были поочередно: толмач-переводчик митрополита Митяя, имевший редкое прозвище *Буило* (отсюда ясно происхождение имени села *Буиловского*, к которому, как тогда говорили, "тянула" деревня Алексеевская); боярин Федор Свибло; дьяк Андрей Ярлык, служивший митрополиту Ионе; московский Чудов монастырь (которому Андрей Ярлык передал деревню в память о своих родителях в середине XV века).

В исторических документах Алексеевское появляется снова лишь в XVII веке и под двойным названием: "Копытово, Алексеевское тож". Предполагают, что новое название населенный пункт получил по фамилии вкладчика Чудова монастыря, жившего в XVI веке, Захария Васильевича Копытова. Скорее всего Захарий Копытов получил селение в обмен на один из своих вкладов в Чудов монастырь, поскольку вотчина эта была от монастыря довольно далеко и управлять ею было сложновато.

Известна историкам и речка Копытовка, правый приток Яузы, именовавшаяся еще и *Трепанкой*. Она текла именно здесь, в Алексеевском. Речка была не такая уж маленькая – более пяти километров длиной. Сейчас ее увидеть практически невозможно, ибо почти на всем своем протяжении речка Копытовка забрана в коллектор. Но можно назвать некоторые ее ориентиры: исток – в районе Бутырской улицы, затем она протекает под Огородным проездом в районе Марьиной Рощи, под Звездным бульваром, так же невидимо пересекает проспект Мира и далее течет под улицами Ярославской и Бориса Галушкина. Там, где Копытовка впадает в Яузу, установлено очистное сооружение, и только там водный поток вновь вырывается на волю. В Москве немало речек, получивших свои имена по тем селениям, что стояли на их берегах, так что Копытовка, протекавшая у сельца Копытово, – не исключение: Очаково – речка Очаковка, Тропарево – Тропаревка, Лихоборы – Лихоборка, Измайлово – Измайловка, Раменки – Раменка и многие другие. Между прочим, в 1922 году по реке Копытовке получил свое новое название Копытовский (до этого – Алексеевский) переулок, проходивший между Новоалексеевской и Староалексеевской улицами.

И вновь обратимся к разысканиям К.А. Аверьянова: «В середине XVI в. Копытово, уже сельцо, принадлежало Путиле Михайлову, позднее запустело [и в писцовой книге 1573 года упоминается действительно как пустошь Копытово. - М.Г.], а в 1621 г. указом царя было пожаловано в поместье князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому. Этот владелец села оставил по себе обширную память в отечественной истории. Впервые он упоминается в 1608 г. с чином стольника. В 1610–1612 гг. участвовал в целом ряде сражений с поляками, был сподвижником Минина и Пожарского в деле освобождения Москвы от иностранных интервентов и на время после изгнания врагов и до избрания царем Михаила Романова был избран главным и единственным правителем государства. За свои деяния он получил титул "Спасителя отечества", впоследствии очистил Новгород от шведов и умер в 1625 г. воеводой в Тобольске. По описанию 1623 г. в его подмосковном поместье [Копытове. – $M.\Gamma$.] стоял боярский двор, да двор людской, где жили деловые люди. При нем здесь была построена каменная церковь во имя Алексея, человека Божьего, и Копытово по храму получает второе прежнее название Алексеевское».

Теперь становится понятна мотивировка топонима Алексеевское: Алексеевская церковь \rightarrow село (сельцо) Алексеевское. Но какое же имя стало первоосновой названия церкви, что оно означает?

В православных святцах вы найдете несколько почитаемых церковью святых и подвижников, носивших имя Алексий: мученик Алексий Константинопольский (его память празднуется 9 августа по старому стилю); святитель Алексий, митрополит Московский и всея Руси (его память празднуется 12 февраля, 20 мая и 5 октября по старому стилю); затворник Алексий Печерский, в Ближних (Антониевых) пещерах (его память празднуется 24 апреля и 28 сентября по старому стилю); Алексий человек Божий (его память празднуется 17 марта по старому стилю).

Само имя Алексей/Алексий — по происхождению греческое, как и многие наши мужские имена, например — Александр, Анатолий, Аркадий, Василий, Герасим, Григорий, Евгений, Иларион, Карп, Косма (Кузьма), Леонид, Макарий, Никита, Онисим, Петр, Прокопий, Стефан (Степан), Тимофей, Феодор, Харитон и другие. Все они появились на Руси вместе с приходом православия из Византии. Греческое имя Alexios в основе своей имеет слово $alex\delta$, означающее "защищать, отражать, предотвращать". Поэтому и наше христианское имя Алексей святцы обычно объясняют как "отражающий, предотвращающий".

Церковь в Копытове была построена князем Дмитрием Трубецким в честь очень почитаемого христианского святого. Почему же церковь именует его Алексием человеком Божиим? Доподлинно известно, что родителями его были знатные и богатые римляне (отец был патрицием), у которых долгое время не было детей. Наконец, как повествуют богословы, Бог услышал их молитву и даровал им сына, которого они назвали Алексием. Мальчик, юноша получил самое лучшее воспитание и образование – все это происходило в Риме в V веке. Сразу после достижения совершеннолетия Алексий был обручен и обвенчан в Риме с "отроковицей из рода царска". Но после брачного пира молодой муж тайно оставил свой дом и на корабле уплыл далеко в Месопотамию, в город Едессу. Там он долго молился Нерукотворному образу Господа Нашего Иисуса Христа, раздал все, что имел при себе, бедным, а сам "облекся в рубище нищеты" и стал жить, прося милостыню на паперти храма Пречистой Богородицы, совершая великий подвиг смирения. Так он провел среди нищих семнадцать лет, а родители и жена не могли его разыскать. В Едессе его стали почитать и уважать. Алексий захотел покинуть город и уплыть в иное место, но его ожидало еще более тяжелое испытание - волею провидения он оказался в Риме и нашел приют в доме отца – как никому не известный, бездомный нищий. В житии Алексия сказано, что он еще семнадцать лет прожил неузнанным в доме отца, в смирении и терпении безропотно перенося все лишения и невзгоды на глазах горячо любящих и постоянно оплакивающих его родителей и осиротевшей супруги. И только после его смерти они узнали, кем же на самом деле был этот ниший...

После смерти вдовы князя Трубецкого в 1662 году село Алексеевское (а оно уже стало селом, поскольку в нем была выстроена церковь) было присоединено к обширным царским вотчинам, поскольку у Трубецких не было детей... (Не потому ли князь Дмитрий Федорович и выстроил раньше в Копытове храм именно Алексия человека Божьего, не в надежде ли вымолить у Бога счастье стать отцом — самое великое, какое может быть на свете?..)

Почему село Алексеевское приглянулось царю Алексею Михайловичу? Известный москвовед А.А. Шамаро незадолго до своей смерти в одной из последних публикаций, как раз посвященной Алексеевскому, предположил следующее: «Наверное, потому что расположено было поблизости от Сокольников, где "Тишайший" так любил предаваться "птичьей потехе" — соколиной охоте, после которой можно было в новой своей усадьбе и отдохнуть и отметить за трапезой охотничьи успехи. Наверное, и потому, что в этом селе была церковь в честь его "ангела". Но главная причина, видимо, в другом: село лежало на Троицкой дороге — на пути в Троице-Сергиев монастырь, куда очень набожный и благочестивый самодержец ездил на богомолье. Новая вотчина очень подходила для строительства в ней так называемого "путевого дворца", в котором Алексей Михайлович, возвращаясь с Троицкого богомолья, мог бы подготовиться к торжественному въезду в первопрестольную».

А.А. Шамаро был прав в своих догадках: именно для поездок в Троице-Сергиеву лавру Алексею Михайловичу и нужен был удобно расположенный путевой дворец в селе Алексеевском (еще один путевой дворец уже существовал к тому времени в селе Тайнинском). Дворец в Алексеевском выстроили одноэтажный, но просторный – длиной около шестидесяти метров. Из архивных источников видно, что строительство велось с размахом: например, в октябре 1673 года здесь, помимо стрельцов, трудились почти четыре сотни наемных мастеров. "Тишайший" побывал в Алексеевском в том же месяце. В 1676 году была заложена новая каменная церковь (которая должна была соединяться с дворцом переходом) — в честь Тихвинской иконы Божьей Матери. К несчастью, царь Алексей Михайлович так и не увидел достроенными ни дворец, ни новый храм — в 1676 году он скончался. Строительство Тихвинской церкви было доведено до конца лишь через шесть лет — в 1682 году.

Самодержцы Романовы в XVIII веке мало интересовались Алексеевским, и здешние постройки стали приходить в упадок. Путевой дворец был сломан (уже в 1803 году Н.М. Карамзин описывал, как царские хоромы постепенно разрушаются), а в 1824 году разобрали и церковь Алексия человека Божьего.

Дальнейшая судьба была похожа на судьбу многих подмосковных сел: росло население, начала развиваться промышленность (уже в 1890 году в Алексеевском работали семь фабрик легкой промышленности). Были и отличия — именно через Алексеевское в конце XVIII века провели знаменитый мытищинский водопровод, построили водоприемную станцию, а в 1930 году — Алексеевскую водокачку.

В границы города Алексеевское было включено в начале XX века.

Много воды утекло с тех пор, как на нынешней Церковной горке возникла та самая, первая деревня Алексеевская. Не видно теперь, как прежде, с этого холма ни Ростокина, ни Леонова, ни Свиблова. А вот Останкино угадывается – благодаря прежде всего игле Останкинской телебашни.

Но все так же собирают православных колокола храма Тихвинской иконы Божьей Матери, все так же многолюдно у ворот церкви по праздникам, все так же здесь ежедневно идет богослужение, по установленным дням происходят венчание, крещение. Храм этот — не просто очень интересный архитектурный памятник, с аркадой, высоким двухсветным четвериком с круговым обходом, с пирамидой кокошников и пятью главами. Он — настоящее сердце Алексеевского, и заметим, что богослужение здесь не прекращалось даже в самые мрачные годы советского периода истории России и Москвы. Примечательно и то, что кроме четырех приделов в этой церкви — преподобного Сергия Радонежского, Святителя Николая, мученика Трифона, Воскресения Христова — есть в ней и пятый придел: святого Алексия, человека Божьего...

ФОРМУЛА СКАЗКИ В "ХОЗЯЙКЕ" Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

О.Г. ДИЛАКТОРСКАЯ, кандидат филологических наук

"Я не здешняя ... что тебе! Знаешь, люди рассказывают, как жили двенадцать братьев в тёмном лесу и как заблудилась в том лесу красная девица. Зашла она к ним и прибрала им всё в доме, любовь свою на всём положила. Пришли братья и спознали, что сестрица у них день прогостила. Стали её выкликать, она к ним вышла. Нарекли её все сестрой, дали ей волюшку, и всем она была ровня. Знаешь ли сказку?" — говорит, обращаясь к Ордынову, Катерина, героиня повести "Хозяйка" (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972. Т. 1. С. 276; далее — только том и стр.). В.П. Владимирцев расценивает этот фрагмент как цитату, которая «восходит к волшебно-сказочному сюжету, известному под названием "Мёртвая царевна", или "Спящая красавица". Тайный смысл ответа Катерины, считает исследователь, состоит в том, что, по версии сказки, "братья" являются разбойниками» (Владимирцев В.П. Дополнения к комментарию. Беглые фольклорные цитаты // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1992. Т. 10. С. 140).

Появление в "Хозяйке" этой открытой цитаты совсем не случайно. Писатель выстраивает свою повесть по законам волшебной сказки, ориентируясь на принципы её сюжетосложения, на присущий ей тип героев, на особенную фразеологию и т.д. Под таким углом зрения "Хозяйка" никогда не рассматривалась исследователями.

Сразу оговоримся: жанр сказки Достоевский использует особым образом. У него сказка соотносится с реальностью, соперничает с ней и объясняет её по своим неписаным, давно сложившимся законам. Например, прошлое героини, её связь с Муриным поданы в традиции сказочного сюжетосложения. Это, в частности, отражает рассказ Катерины об отношениях отца и матери, о связи матери с Муриным, тайных контактах отца с Муриным, их взаимной ненависти, соперничестве. Обычно Мурин заявляется, когда хозяин дома в отлучке. Героиня вспоминает: "В эту же ночь <...> у отца барки на реке бурей разбило, и он, хоть и немочь ломала его, поехал на место..." (1,294). Как правило, незваного гостя встречала мать. И тут происходит нарушение заведённого порядка, своеобразное нарушение запрема: "Другой раз, как

он приходил, меня отсылали; а теперь мать родному детищу слова сказать не посмела". Но в этот раз Катерина сама ходила открывать ворота для тайного, запретного гостя, "ero" (1,295).

Известно, что нарушение запрета влечёт в сказке беду, несчастье (Пропп В.Я. Русская сказка. Л., 1984. С. 178). В короткий промежуток, почти мгновенно, героиня лишается всего: отца, матери, дома. Далее в сюжете Достоевского, как в сказке, за мотивом нарушения запрета следует мотив похищения: "Он схватил меня на могучие руки, обнял и выпрыгнул со мною вон из окна" (1,297). Во время бегства на пути Катерины и Мурина встают препятствия, встречающиеся обычно в сказочном обиходе: лес, река. Читаем: «... долго бежали. Смотрим, густой, тёмный лес. Он стал слушать: "Погоня, Катя, за нами! погоня за нами, красная девица, да не в этот час нам животы свои положить"» (1,297–298).

По закону жанра возникает мотив *погони*, а с ним являются и волшебные помощники: *конь, лодка* (корабль), речка (Пропп В.Я. Указ. соч. С. 189, 191; Его же. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 353; Елеонская Е.Н. Сказка, заговор и колдовство в России. М., 1994. С. 45). Не просто конь, а "батюшкин конь", которого "Бог в помощь послал" (1,298).

Любопытная деталь: коня как бы послал уже мёртвый батюшка. Это тоже сказочная примета (Пропп В.Я. Русская сказка. С. 189; далее — только Пропп и стр.). Волшебным образом конь уносит героев от погони, и вот уже они оказываются "у широкой-широкой реки". Наконец, переправа: герои садятся в заранее припрятанную лодку, "он вёсла взял, и мигом стало нам берегов не видать" (1,298). Лодка, как и конь, спасает беглецов от погони, в мгновение ока помогает преодолеть невероятные расстояния, что тоже характерно для сказочной реальности. Автор отнюдь не скрывает, что сюжетная линия, определяющая судьбу Катерины, развивается по намеченному им сказочному сценарию: отлучка — нарушение запрета — беда — похищение — погоня — переправа (Пропп, 177–179). В повести используются не просто отдельные мотивы, но сюжетная схема волшебной сказки, что позволяет Достоевскому совершенно свободно обращаться к любым текстам сказок, прямо не названных, а лишь узнаваемых, дающих подспудную информацию.

Совсем не случайно Катерина – Царь-девица, красавица неписаная, сказочная. В её портрете обнаруживаем черты героинь многих сказок: длинная коса ("коса три раза обёрнутая на затылке, небрежно слегка упала на левое ухо и прикрыла часть горячей щеки"), "два ряда белых, ровных, как жемчуг, зубов", белое и румяное лицо красной девицы, потупленные очи, осенённые густыми и длинными ресницами ("она потупила глаза, и чёрные, смолистые ресницы, как острые иглы,

заблистали на светлых щеках её..." – 1, 307, 305). Героиня Достоевского напоминает Елену Прекрасную и Василису Премудрую. Она не только красива, но и мудра. Эти её качества уподобляются красоте и мудрости сказочных героинь: она и "змея хитрая", и "сама путь найдёт, меж бедой ползком проползёт, сбережёт волю хитрую!", и "где умом не возьмёт, <...> красой затуманит, чёрным глазом ум опьянит, — краса силу ломит; и железное сердце, да пополам распаяется!" (1,308). Несомненно, что Хозяйка в повести Достоевского — Катерина.

Несомненно, что Хозяйка в повести Достоевского — Катерина. Слабое сердце героини не помеха её владычеству. Её колдовская, ослепительная красота смиряет, подчиняет и злобного, и доброго, и глупого, и умного, и сильного, и слабого, и старого, и молодого. Катерина, подобно героиням сказки, соблазительна своей красотой, но одновременно и защищена ею, знает о её могущественной силе и умеет этим пользоваться. "Хитрый", "змеиный" ум, инфернальные наклонности не мешают ей оставаться "чистой голубицей". Возникает даже некий ореол непорочности, несмотря на некоторые отнюдь не идеальные черты её облика (Пропп, 207—208). Время не властно над героинями сказок. Вот и Катерина как бы не меняется с возрастом, оставаясь вечно прекрасной, двадцатилетней, в цвете молодых сил.

Обычным похитителем красавиц в сказках выступает Кощей Бессмертный, Змей Горыныч, некое чудище, злая сила. Только в этой связи становится, например, понятно суждение Г.К. Щенникова о том, что "Катерина находится в плену у Колдуна, который не просто захватил её, как Кощей или Змей Горыныч, а духовно поработил, заворожил её волю" (Щенников Г.К. Синтез русских и западноевропейских традиций в творчестве Ф.М. Достоевского // Творчество Ф.М. Достоевского. Искусство синтеза. Екатеринбург, 1991. С. 39).

Работа исследователя направлена на решение других проблем, и образы сказки возникают в ней лишь на уровне экспрессивного сравнения. О присутствии в повести Достоевского "фольклорного мотива о труднодобываемой красавице" пишет и В.А. Михнюкевич (Русский фольклор в художественной системе Ф.М. Достоевского. Челябинск, 1994. С. 50), но он ограничивается в своей работе приведённым замечанием. Догадки же о том, что Мурин напоминает сказочных героевпохитителей, злодеев, отрицательных персонажей, обретают смысл, если только принять во внимание используемую в "Хозяйке" схему сюжетосложения, характерную для волшебной сказки. Старик стережёт красавицу, как Змей Горыныч, держит её взаперти, как Кощей Бессмертный, стремится купить её расположение небывалыми дарами ("птичья молока пожелает, и молока птичья достану; птицу такую сам сделаю, коли нет такой птицы!" — 1,317). Похититель в сказках, как правило, — не ровня красавице, во всём ей противоположен: она красива — он безобразен, она молода — он стар, она добра — он зол.

Контрастность фигур Мурина и Катерины бросается в глаза, и прежде всего тем, что он старик, а она молодица, он злодей, а она его жертва.

Наконец, в сказочной модели с сюжетом похищения необходимо появление героя-искателя, героя-спасителя (Пропп, 181–183). Такую роль в повести Достоевского исполняет Ордынов. Чаще всего в сказке царевич отправляется в путь-дорогу, чтобы добыть некий особый смысл бытия, эликсир жизни, небывалую красавицу и т.д. Писатель самим именем Ордынова — Василий, то есть Басилиос, басилейос: "царский", "царственный" (Суперанская А.В. Имя через века и страны. М., 1990. С. 155) — выдвигает своего героя на роль спасителя. В его имени несомненно присутствует метафорический смысл, говорящий о принадлежности героя к сказке, он — царевич-спаситель, благородный и смелый.

Обычно герой-похититель и герой-спаситель в сказке встречаются, чтобы сойтись в последнем, непримиримом бою, смертном поединке. Борьба у них идёт за право владеть красавицей (Пропп, 191–192). В "Хозяйке" Достоевского разыгрывается и эта сюжетная коллизия: в поединке жизненных взглядов, в чудесной дуэли сходятся Мурин и Ордынов. По законам сказки, молодой должен убить старого, убив же, – воцариться. Читаем у В.Я. Проппа: "Для воцарения есть, однако, одно препятствие — это старый царь, отец царевны. Это препятствие либо обходится тем, что старый царь и молодой наследник делят царство пополам и только после естественной смерти царя герой наследует всё царство, либо же устраняется весьма решительным образом: старого царя убивают" (Пропп, 195).

Д.Д. Фрэзер в ситуации, когда наследник убивает своего предшественника, усматривает религиозный мотив: жреца/царя/властелина убивали за то, что его магическая сила начинала падать вследствие старости (Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1980. С. 176–184). Подобную ситуацию в "Хозяйке" показывает Достоевский. Ордынов в поединке с Муриным (стариком, купцомсектантом, властелином Катерины, который в повести иногда зовётся её отцом) пытается его убить. Эта попытка героя провоцируется мнимым бессилием старика, ослаблением его магических чар, физической немощностью: «"— Куплю ж я тебя, красота моя, у купца твоего <...>". Он чувствовал, что как будто кто-то вырывал, подмывал потерявшуюся руку его на безумство; он вынул нож...» (1, 310). Ордынов словно не по своей воле, ведомый подсознательными древними инстинктами, готов убить соперника и овладеть его собственностью.

Присутствие сказочных мотивов в повести даже самые заурядные бытовые реалии окрашивает в фантастические тона, рядит их в немыслимые одежды. Так, стряпуха Мурина, злая, ворчливая, "маленькая сгорбленная старушонка, такая грязная и в таком отвратительном

отребье, что жалко было смотреть на неё. Она, казалось, была очень зла и по временам что-то ворчала, шамкая губами, себе под нос" (1,273). Старая карга, вечно лежащая на большой печи, откровенно напоминает Бабу-Ягу. Известно, что Баба-Яга являет собой образ иного царства, находящегося за чертой земной реальности. Этот персонаж выступает обычно в двух амплуа: Яга-хозяйка ("напоила-накормила, спать уложила") и Яга-охранительница входа в царство мёртвых, в царство сказки (Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. С. 77). Баба-Яга не мыслится без своей знаменитой печи и избушки на курьих ножках (Там же. С. 58-64; 98-103). Живя в избушке, она не только охраняет царство мёртвых, но и всем своим существом олицетворяет смерть. Так что обычный флигель на задворках обычного творяет смерть. Так что обычный флигель на задворках обычного петербургского дома купца Кошмарова, к которому можно пройти "по гнилым трясучим доскам", минуя мастерскую гробовщика, подняться "по полуразломанной, скользкой, винтообразной лестнице" и только потом оказаться перед толстой, неуклюжей дверью, "покрытой рогожными лохмотьями" (1,272), вызывает в памяти жутковатый образ апартаментов Бабы-Яги. Картину дополняет огромная печь, занимающая основную часть жилища героев Достоевского. Внизу "остроумная мастерская" по изготовлению гробов, олицетворяющая врата смерти, как бы предваряет вход в мир иной, являясь естественной границей между этим светом и тем, потусторонним. Неспроста на границе "между" поставлен флигель, опирающийся на "скользкую", "винтообразную лестницу", как на курью ножку. Хозяйничает во флигелеизбушке злая старуха, поит-кормит званых и незваных гостей, охраняет пограничное пространство. няет пограничное пространство.

няет пограничное пространство.

В сказочном изложении всё утраивается. Принцип утроения используется и в других жанрах (например, в былине), но "исконно утроение <...> именно в сказке" (Пропп, 197–200). У Достоевского троичность как принцип развития сюжета становится определяющим. Например, герой трижды входит в церковь, где встречается с Катериной и Муриным; причём первое и третье посещения храма событийно-решающие. Далее: описываются два визита героини к Ордынову, завязка и развитие их сердечной склонности; третий визит – ключевой в их отношениях. При этом трижды на пути героя вырастает Мурин, решительно ограждая его от Катерины: после их встречи в церкви он взглядом остановил Ордынова, запрещая следовать за нею; затем, когда Мурин, защищая свой дом от Ордынова, неожиданно для всех стреляет из ружья; наконец сцена в участке, открытое глумление Мурина над влюблённым героем. Именно три встречи Ордынова с Ярославом Ильичём явлены в повести: первая была на улице, когда произошло возобновление их знакомства; вторая встреча в участке, третья — опять на улице, когда Ярослав Ильич

сообщает о развязке событий. Наконец, *трижды* значим в развитии сюжета дворник-татарчонок: в первый раз он уклоняется от вопроса Ордынова о его новых хозяевах; во второй раз угрожает донести на него властям (случай с выстрелом), в третий сообщает Ярославу Ильичу, что Мурин и Катерина уехали в "своё место", ровно "за *три* недели" (1, 320) до того как открыли в доме Кошмарова шайку мошенников. Бросается в глаза и такая деталь: *три* избранника предназначены судьбой героине: Мурин, Алёша и Ордынов.

Уместно упомянуть ещё об одном композиционном приёме, характерном для сказки. Речь идёт о возвращении героя в исходную позицию, в начало своего пути (Пропп, 193). Вспомним: Ордынов устремляется навстречу судьбе, когда уже сделан выбор, и он, оставив залог, снял угол у немца Шписа. Неожиданное возвращение героя к Шпису день в день, когда "аккуратно в копейку вышел задаток его" (1,318), похоже на бегство к исходной позиции. Круг замкнулся. Вокруг Ордынова потекла строго размеренная, обыденная, скучная жизнь в обществе городских обывателей: сказка закончилась.

Как видим, у Достоевского в его петербургской повести все без исключения герои привязаны к той или иной функции сказочного действия. Универсальная сюжетная схема сказки "срабатывает" на протяжении всего повествования, исключая экспозицию "Хозяйки" (рассказ о мечтателе Ордынове) и её финал (жизнь Ордынова у Шписа).

Волшебная сказка всегда существует в двух измерениях: в реальном, земном и нереальном, фантастическом (Пропп, 191). Магией Достоевского в "Хозяйке" устанавливается соотношение реального и фантастического. Не столько фантастика снов Ордынова, сколько законы волшебной сказки порождают в повести фантастическую атмосферу. Наконец, повесть Достоевского насыщена, вся раскрашена сказочной лексикой и фразеологией: красная девица; добрый конь; добрый

Наконец, повесть Достоевского насыщена, вся раскрашена сказочной лексикой и фразеологией: красная девица; добрый конь; добрый молодец; матушка, бурная реченька; божьему люду поилица, а моя кормилица; урони ж хоть словечко, красная девица; горючие слёзы; кто чужой бедой воровски похваляется, над девичьм сердцем насмехается; бровь соболиная; задрожать, как лист и т.д. Писателю удаётся речевой стихией волшебной сказки объединить персонажей своей повести, подчеркнуть их внутреннюю, родовую связь.

Однако перед читателем не сказка, а городская повесть, и её коллизии не могут разрешиться сказочным образом. Нельзя ожидать счастливого конца, брака героев, преодоления всех бед и несчастий, заключительного пира, победы добрых сил над злыми. Действительность, иногда напоминающая страшную сказку, трагичнее и безысходнее её.

Ф.М. Достоевский и народная пословица

В.П. ВЛАДИМИРЦЕВ, кандидат филологических наук

Ни у нас, ни за рубежом (а слависты мира за честь почитают написать хотя бы немного о Достоевском) не обмолвились достойно о предмете, вынесенном в заглавие. За полтора века... По-видимому, литературное величие глубочайшего сердцеведа и трагика мешало "снисходить" до тонкостей его письма. Действовала, впрочем, и другая причина, постыдная. Отечественная наука отказывала писателю в народности. Вспомним погромную книжку В.В. Ермилова с устрашающим названием: "Против реакционных идей в творчестве Ф.М. Достоевского", вышедшую 70-тысячным тиражом. До народных ли пословиц было?

И всё-таки поговорки с пословицами принуждали обращать на себя внимание. В связи с "Сибирской тетрадью", где они и на виду, и во множестве. Но до полного, совокупного паремийника (греч. "паремия" — изречение; притча) так и не добрались. Что дают учёт и истолкование пословично-поговорочного материала, выбранного писателем для творческих нужд? Это целая историко-филологическая проблема.

для творческих нужд? Это целая историко-филологическая проблема. Собственно пословичных речений у Достоевского около трёхсот (пятая часть падает на "Сибирскую тетрадь"). Любопытны прежде всего неоднократно повторяющиеся, как бы излюбленные: бедность не порок; без вины виноват; славны бубны за горами; будь что будет; чем хуже, тем лучше; на роду написано; всякий за себя, а Бог за всех; от судьбы не убежишь; дело в шляпе; палка о двух концах; большому кораблю – большое плавание (вариант: большие сборы); дуракам и счастье; ошибку в фальшь не ставят; журавль в небе и др. Угадывается нечто типично "достоевское". На переднем плане дисгармоничное, противоречивое, в роковых оппозициях (плохо – хорошо, нет – да, здесь – там и т.п.) мироустройство. Реалии тоже из области вековечных, всего более беспокоивших мысль писателя, социально-психологических отношений: бедность, вина, судьба, Бог, счастье, дурак (мнимый), ошибка, фальшь...

Темы, логическая и образная организация общего смысла в "излюбленных" паремийных суждениях, конечно, производят впечатление. Сразу чувствуется: Достоевский. Наибольший, однако, интерес представляют не выбор и не повторяемость пословично-поговорочных оборотов речи. А то, как писатель пользуется ими: его поэтическая техника. Он изобретателен и очень пластичен в способах их творческой реализации. Ибо ощущает и осознаёт себя частью народа и предается стихии фольклорного пословичного искусства вполне и свободно, следуя народному культурно-речевому принципу: "На всякое слово есть пословица" (Пословицы русского народа. Сб. В.И. Даля. М., 1957. С. 972).

Художественная паремиология Достоевского — что в ней и за ней? Уразумению подлежит одно забытое мемуарное свидетельство. Летом 1866 года писатель навещал семейство сестры В.М. Ивановой на подмосковной даче. "У Ивановых любили играть в пословицы. Федору Михайловичу обыкновенно давали самое трудное слово. Он рассказывал в ответ на вопрос длинную историю страницы в две, три, и угадать слово было невозможно" (Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1990. Т. 2. С. 42). Полусалонная игра автобиографически описана (это ее единственное литературное отражение) в повести "Вечный муж": «...все садятся и один на время отходит; все же сидящие выбирают пословицу, например: "Тише едешь, дальше будешь", и когда того призовут, то каждый или каждая по порядку должны приготовить и сказать ему по одной фразе. Первый непременно говорит такую фразу, в которой есть слово "тише", второй — такую, в которой есть слово "едешь", и т.д. А тот должен непременно подхватить все эти словечки и по ним угадать пословицу» (Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1974. Т. 9. С. 74; далее — только том и стр.). За исчерпывающей точностью описания — литературно-психологический интерес Достоевского к игре. Но он был исключителен и в другой роли — участника игрищной забавы: его воодушевляли пословицы как средство и цель игровой импровизации (сочинял на их основе шутейные экспромты, ставившие партнеров в затруднительное положение). Все это наводит на мысль о своеобычности в работе писателя над паремийно-фразеологическими материалами.

Пословица и поговорка у Достоевского — всегда тонкая художественно-психологическая игра всеми возможными и невозможными смыслами слова. Так, чтобы уличить "беса" Петрушу Верховенского в духовном разрыве с народными основами жизни, писатель вложил ему в уста косноязычные обмолвки: "это лишь ягодки" (говорящий неправильно и неумело употребляет речение "Это цветочки, а ягодки впереди") и "повешу как муху" (следовало сказать "раздавлю") (10, 324, 429). Кто после этого возьмется утверждать, что Петр Степанович в

ладу с родными корнями? Напротив, Верховенский-старший, отец, питал мило-игривую слабость к народной идиоматике и, как ее знаток и ценитель, "нарочно глупейшим образом переводил иногда русские пословицы и коренные поговорки на французский язык, без сомнения умея и понять и перевести лучше" (10, 25). Противоречие между этой изысканностью в словопользовании, с одной стороны, и тупым речевым бессилием отпрыска, с другой – еще одна поразительная (обыгранная уже в свете традиционного конфликта "отцов и детей") смысловая грань в паремиологической поэтике романа "Бесы".

По способам вживления пословицы в художественную ткань произведения Достоевский, кажется, не знает себе равных – настолько они текуче-разнообразны, психологически неповторимы. Вот лишь некоторые:

Цитатоподобный, напоминающий эмпирику бытового словоупотребления. В "Преступлении и наказании" Свидригайлов примирительно объясняется с Раскольниковым такой выдержкой из народного паремийника: "Ей-Богу, игра не стоит свеч" (6, 358).

Парадоксальный, с обращением семантики в ее противоположность. "Петербургская летопись" содержит сразу два образчика этой игры слов: "курицу начинают учить ее ж яйца" (отношение Петербурга-"сына" к Москве-"папаше") и "что немцу здорово, то русскому смерть" (18, 21, 32).

Собственно *паремийный*, то есть философско-притчевый, с обобщенным образным поучением. К нему нередко прибегал Достоевский-публицист. Ср. в "Дневнике писателя": «Пословица говорит: "Лови Петра с утра, а ободняет, так провоняет". Пословица резкая и выражена не изящно, но – правдиво» (24, 64).

Резонерский, пошло-назидательный. В "Преступлении и наказании" в таком тоне Зосимов докторально "просвещает" Разумихина: "Век живи, век учись" (6, 148).

Макаронический, — основанный на механическом и оттого комичном смешении русской и иностранной речи. Доктор Герценштубе, немец, выступая на суде по делу Митеньки Карамазова, анекдотически запутывается в пересказе и трактовке пословицы "Ум хорошо, два — лучше" (15, 105–106).

Переосмысление – опровержение. Версилов в "Подростке" оспаривает (перед Аркадием) завет народной мудрости: «Не твержу тебе, что "счастье лучше богатырства"; напротив, богатырство выше всякого счастья, и одна уже способность к нему составляет счастье» (13, 174).

Каламбурный. В последнем выпуске "Дневника" Достоевский полемизирует по поводу внешней политики России: «"Англии бояться – никуда не ходить", – возражаю я переделанною на новый лад посло-

вицей» (27, 40). Ср. также в "Идиоте" фразу генерала Иволгина: "Приятнее сидеть с бобами, чем на бобах" (8, 418).

Балаганно-фарсовый. Князь, герой "Дядюшкиного сна", нечаянно (но отчаянно!) скоморошествует пословицей-названием водевиля "Муж в дверь, а жена в Тверь" (2, 319, 376).

Калькирование (франц. calque – подражание, копирование, сколок). Этот способ хранит автобиографическая запись Достоевского 1864—1865 годов: "Болезнь в позор не ставится" (20, 198) – калька с не раз повторявшейся им пословицы "Ошибку в фальшь не ставят".

Ономастический (греч. "онома" – имя). Паремии и "словечки" о "бедных Макарах" – один из источников именника и характерологии романа "Бедные люди". Прозвищные присловья осели в "Двойнике" ("голядка"), "Селе Степанчикове" ("Гришка – голанец") и т.д.

Аллюзия (франц. allusion – намек). Близкие и отдаленные ассоциативно-беглые указания на типажи и ситуации пословично-поговорочного фольклора – общее место поэтики писателя. Ср. в рассказе "Чужая жена и муж под кроватью": "...есть другая пословица: на бедного Макара и так далее" (2, 64), а также в "Игроке": "Видно, что ноготок востер" (5, 263).

...Классификации, как водится, скучны. Но по извинительной надобности обладают преимуществом: доказывают. В данном случае — истовую приверженность Достоевского-художника к народным суждениям здравого смысла, крылатому слову "нашего демоса" (22, 122), речевым "русизмам" (23, 272). У Федора Михайловича, оказывается, была своя стройная и гибкая литературно-паремиологическая система. Ее можно назвать "системой игры слов". Игры по правилам художественного вкуса писателя, которого вдохновляло единосущное с ним языковое творчество народа.

Иркутск

НАСТРОПАЛИТЬ

Ж.Ж. ВАРБОТ, доктор филологических наук

В русском просторечии глагол настропалить известен в значении "настроить каким-нибудь образом, подговаривая или внушая чтонибудь" (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992). По русским говорам значения глагола несколько варьируются, однако их связь остается ощутимой, ср. настропалить "научить дать нужный совет (свердлов.)"; "наладить, приготовить (свердлов., иркут.)"; "настроить против кого-либо (арханг., ленинград., иванов.)"; "прогнать (тульск.)"; "припугнуть, пригрозить (тамбов., свердлов.)"; "быстро сделать что-либо (свердлов.)" (Словарь русских народных говоров. Гл. ред. Ф.П. Филин. Л., 1985. Вып. 20; далее – СРНГ; названия говоров даются по словарю-источнику; см. также Словарь русских говоров Среднего Урала. Отв. ред. Н.П. Костина. Свердловск, 1971. Т. II; далее – Сл. Сред. Урала).

Встречается в говорах также возвратная форма этого глагола — настропалиться со значениями "научиться, приобрести сноровку в каком-либо деле; поднатореть (перм., свердлов., ленинград., иван.); собраться, приготовиться сделать что-либо (пенз., ленинград., тульск.); подготовиться к чему-либо (перм.)" (там же).

Происхождением этого слова ученые до сих пор не занимались. Оно не упоминается в этимологических словарях русского языка. Между тем, анализ его окружения в русском языке и близких к нему слов в родственных языках позволяет утверждать, что слово настропалить

очень древнее, связанное родственными отношениями с большим славянским лексическим гнездом.

Для выяснения происхождения глагола настропалить очень важны материалы русских говоров. Прежде всего в "Словаре русских говоров Среднего Урала" слово фиксируется в форме настрополить - с о в 3-ем слоге, что позволяет считать а в преобладающей записи отражением аканья, и это в значительной мере согласуется с районами фиксации. Далее, в говорах известны близкие по значению глаголы с несколько отличной от настропалить структурой; это настропить "подговорить, подбить на что-либо (уральск.)" (СРНГ. Вып. 20); настропливаться "приобретать опыт, сноровку (ленинград.)" (там же) и пристропить "срочно понадобиться (уральск.)" (Сл. Сред. Урала), выстропить "выпросить (арханг.)" (СРНГ. Вып. 6). Сопоставление настропалить с этими глаголами позволяет признать их родство и соответственно судить о структуре настропалить; в настрополить выделяется префикс на- (ср. пристропить, выстропить) и суффикс (или древний формообразующий элемент) -ол- (см. урал. запись) в соединении с корнем (с)троп- (начальное с- может быть как префиксом, так и древним словообразовательным элементом, так называемым "подвижным s").

Уяснение места корня (с)троп- в русской лексике облегчается существованием диалектного глагола строполить "ходить (обск.)" (Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (Дополнение). Под ред. О.И. Блиновой, В.В. Палагиной. Томск, 1975. Ч. II). Этот последний глагол, очевидно, связан с тропа и трепать, тропать, значение которых включает "трепать, колебать, бить, топать, топтать" (так что тропа по первичной мотивации – это "протоптанное место"). Значение "ходить" (см. строполить) – явное развитие значения "топтать" (см. трепать, тропать), что подтверждается, в частности, значением диалектизма тропать "тяжело ступать (новгород.)" (Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852; далее - Опыт). Вместе с тем, строполить структурно связывает и настропалить с гнездом трепать, тропать. Что же касается семантики, то, учитывая приведенные ранее настропить, пристропить, выстропить, развитие значений можно представить следующим образом: "протаптывать дорогу" \to "ходить" (см. mponamb, cmpoполить) и "указывать путь (ср. брян. натропить "направить, указать дорогу")" (СРНГ. Вып. 20) \rightarrow "научить, научиться, настроить" (см. настропалить, настропалиться); другое направление развития значения от стадии "протаптывать дорогу": \rightarrow "приготовить" (см. настропалить) \rightarrow "прогнать" (также настропалить) \rightarrow "припугнуть" (также настропалить).

В отношении структуры настропалить остается вопрос о древности

элементов с- и -ол-. Для их характеристики существенна возможность установления родства русского глагола с болгарским строполя обрушить, разрушить" (Болгарско-русский словарь. Составил проф. С.Б. Бернштейн. М., 1953), поскольку последний родствен с трепать, тропать – ср. болг. трополя "топать" тропам, сильно стучать, топать" (там же) и русское диалектное тропнуться "упасть, удариться (новгород.)" (Опыт). И в сербохорватском языке есть родственный всей этой группе глагол стропоштати се "обвалиться, рухнуть, грохнуться" (Сербско-хорватско-русский словарь. Составил И.И. Толстой. М., 1957), производный от *тропот* "шум, треск, грохот" (там же). Таким образом, судя по наличию родственного сербохорватского стропоштати и точного соответствия - болгарского строполя, русское настропалити восходит к древнему (праславянскому) образованию, принадлежащему к гнезду праславянского *trepati/*tropati, то есть можно предполагать существование праславянского глагола *stropoliti. В его семантике, вероятно, совмещались значения "стучать, бить" и "топать (прокладывать дорогу)", что и определило в дальнейшем различие значений русского настропалить и болгарского строполя. Древность структуры с суффиксом -ол- подтверждается еще сербохорватским диалектизмом, принадлежащим к тому же этимо-логическому гнезду, — трпом "дорога" (Дубровник, см. кортевики Природа у вероважу и предажу нашега народа. I // Српски етно-графски зборник. LIV. II одель., 24. Београд, 1939) — ср. ранее русское строполить "ходить".

Наконец, есть основания относить возникновение праславянского глагола *stropoliti к еще более глубокой древности: славянский глагол исторически хорошо отождествляется с литовским stràpalioti "подпрыгивать", далее связанным с литовским strypiniëti "топтаться на месте, подпрыгивать" и trypti "топтать". Следовательно, славянский и балтийский глаголы могут быть наследием периода так называемой балтославянской общности.

Итак, русский просторечный и диалектный глагол обнаруживает весьма почтенную, древнюю родословную.

Об "Уотергейте" и прочих "-гейтах"

E.C. ОТИН, доктор филологических наук

В 1972 году во многие языки мира, в том числе и в русский, вошло название вашингтонского отеля "Уотергейт", где находилась штаб-квартира национального комитета демократической партии. Туда с целью шпионажа проникли агенты ЦРУ. Вскоре этим же словом стали именовать и крупнейший в истории США политический скандал — так называемое уотергейтское дело, приведшее к отставке президента Никсона. Благодаря "ассоциации по смежности" название места скандала превратилось, по сути, в новое собственное имя: им стали обозначать отрезок времени вместе с локализованным в нем событием.

Написание этого названия внутригородского объекта, гораздо чаще употребляющегося в переносном смысле, единообразием не отличается: "Уотергейт", Уотергейт, "уотергейт", уотергейт. Это связано с тем, что перед нами, в сущности, два омонимичных собственных имени, которые различаются контекстуально. Строчная буква в сочетании с кавычками указывает на употребление названия гостиницы в несобственном значении. При полном переходе собственного имени в нарицательное кавычки были бы излишни. Именно стремлением разграничить на письме эти омонимичные собственные имена объясняются варианты их графического оформления. Гораздо реже встречается употребление этих омонимов без каких-либо графических различий: "Уотергейт" как название гостиницы и как обозначение связанного с ней политического скандала. Отмечены случаи параллельного употребления в общем контексте этих омонимичных собственных имен, например: «Дата рождения "Уотергейта" [политического скандала. – E.O.] известна точно. Ночью 17 июня 1972 г. негр Фрэнк Уиллс, вахтер фешенебельного комплекса "Уотергейта", обходя его коридоры, обнаружил взломщиков в предвыборной штаб-квартире демократов и вызвал полицию, которая арестовала их» (Известия. 1983. 16 окт.). Такого рода соседство порождает смысловую игру, своеобразный ономастический каламбур.

Следующим шагом в смысловом развитии собственного имени "Уотергейт", выступающего в роли хрононима (от греч. сигопоз "время" и опота, опута "имя"), стало ослабление его связи с первичным топонимом (названием отеля) и появление в нем значения "всякий политический скандал". С такой семантикой это слово начинает широко употребляться с конца 70-х годов. Например: "Только пальцем троньте — я вам такой Уотергейт устрою..." (Сов. Рос. 1980. 8 авг.); «... Американская публика как бы не замечает других, куда более серьезных и для самых Соединенных Штатов опасных "уотергейтов"» (Лит. газ. 1983. 13 июля) и др.

В период деятельности администраций Д. Картера и Р. Рейгана для обозначения новых скандалов в политической жизни Америки, связанных со взаимной слежкой, взяточничеством и финансовыми аферами, в американской, европейской и советской печати распространяется выражение новый Уотергейт: «В американской столице, — писала 20 июня 1983 г. газета "Известия", — разгорелся новый "уотергейт" — громкий политический скандал, в центре которого оказалась нынешняя республиканская администрация». Вместе с тем отмечаются синонимичные ему индивидуально-авторские (окказиональные) словосочетания Уотергейт-бис и Уотергейт-II (Лит. газ. 1983. 13 июля; Известия. 1986. 12 окт.). При этом политический скандал 1972 года именуется первым Уотергейтом или Уотергейт-I (Известия. 1986. 12 окт.).

Распространение получают и словосочетания с прилагательными, образованными от названий стран и городов, где возникали крупные политические скандалы. Список подобных словосочетаний довольно велик: сеульский "Уотергейт", британский уотергейт, португальский уотергейт, египетский уотергейт, ирландский уотергейт, канадский Уотергейт, японский Уотергейт, боннский Уотергейт, кильский уотергейт, зеленый Уотергейт и др. Последнее несколько необычное словосочетание равнозначно другому — боннский Уотергейт: в газете сообщалось о попытке спецслужб ФРГ опорочить одного из деятелей партии "зеленых".

О расширении лексических связей этого собственного имени особенно наглядно свидетельствует его употребление в статье "Утечка совести", напечатанной в газете "Известия" 17 апреля 1987 года. Ее автор И. Овчинникова рассказывает о том, как в совхозе "Сугоновский" Калужской области тайком с целью компрометации был записан на магнитофонную ленту разговор сельских жительниц их соседкой. «Сугоновские соглядатаи, — заканчивает статью корреспондент "Известий", — вооруженные магнитофоном, такого отпора не получили. Значит, деревенский "уотергейт" может повториться. Вот что печально-то».

Осфбенно активное развитие семантически обогащенное собственное имя *Уотергейт* получает в другом направлении – словообразовательном. Его конечная часть -гейт превращается в своеобразную морфему с признаками суффикса, которая, сочетаясь с основами новых имен и нарицательных существительных, участвует в образовании слов, обозначающих множество разновидностей других политических скандалов, получающих огласку махинаций, афер и т.д. Процесс этот начался в американском варианте английского языка, а затем захватил и другие европейские языки, в том числе и русский. Часть из них возникает благодаря так называемому "вставочному", или "телескопному" образованию новых слов, когда одно слово как бы "вставляется" в другое (наподобие частей зрительной трубы, телескопа), в результате чего появляется необычное (окказиональное) слово-гибрид. Таких новообразований в последние десятилетия в европейских языках появилось немало. Этот способ образования новых слов известен и русскому языку. Например, тиранозавр (тиран + динозавр) в статье М. Стуруа, напечанной 28 февраля 1987 года в "Правде", или название заметки А. Карцева "Порноментарий" (порнография + парламентарий) об избрании в парламент Италии от радикальной партии итальянской порнозвезды (Комс. правда. 1987. 8 авг.) и др. Слово уотергейт как бы наполовину (на отрезок уотер-) входит в сочетающуюся с ним определительную лексему, выражая своей сохранившейся частью развившееся в нем значение "политический скандал" или просто "скандал" (конкретная информация о котором содержится в основе первого слова). Конечно, так было с первыми окказиональными образованиями этого типа. Позднее, по мере их накопления, конечный слог -гейт постепенно становится оценочной морфемой, самостоятельно участвующей в образовании новых слов.

Нередко бывает трудно определить, рождены ли подобные новообразования с "суффиксом" -гейт в самом русском языке, или же они в транслитерированном виде проникли в него из иноязычных текстов. транслитерированном виде проникли в него из иноязычных текстов. Скорее всего именно такого происхождения зафиксированные в языке наших газет и журналов 80-х годов слова: $\kappa u \partial d u r e u m$ — так назвали историю с "киддиз" (< англ. kiddy "ребенок") — детьми вашингтонских сановников, наводнивших главное пропагандистское ведомство Белого дома; $6pu\phiunreum$ — скандал в связи с похищением документов, подготовленных администрацией Картера в преддверии президентских выборов 1980 года от $6pu\phiunreum$ (< англ. briefing "краткая информационная беседа с журналистами"); 6ykreum (< англ. book "книга") — политический скандал, связанный с хищением конфиденциальных бумар корторовкой отклический скандал, связанный с хищением конфиденциальных бумар корторовкой отклический смандал, связанный с хищением конфиденциальных бумар корторовком смандал, связанный с хищением конфиденциальных бумар смандал маг картеровской администрации, синоним картергейта.
В сочетании с основами английских личных имен (антропонимов):

Лэнсгейт - от имени банкира Б. Лэнса; Вескогейт - от имени дельца

Р. Веско; Биллигейт — от имени Билли, брата президента Картера. Сравните еще: «Впрочем, по мнению "Тайм", "картергейт" на руку многим республиканцам» (Известия. 1983. 25 сент.). В этот же период появляется и новообразование Рейгангейт, или рейгангейт: «Несколько дней назад о решении уйти в отставку объявил директор отдела связей Белого дома Дэвид Герген, игравший одну из ключевых ролей в "рейгангейте"» (Правда. 1983. 28 дек.); «Но если даже этот "маленький" пожар и удастся потушить, то большой пожар "Рейгангейта" разгорается» (Правда. 1983. 17 июля). Этот список можно продолжить: нортгейт — от фамилии Норт, носитель которой — один из ведущих сотрудников совета национальной безопасности США (1986); Джонсонгейт — от имени канадского спринтера Джонсона, принявшего допинг во время олимпиады в Сеуле (МН. 1988. 9 окт.); коллоргейт — от имени бразильского президента Ф. Коллора де Мелло: «Теперь то, что происходит в крупнейшей стране Южной Америки, называют "коллоргейтом"» (Известия. 1992. 28 авг.) и др.

Реже "суффикс" - гейт сочетается с основами географических имен, названий государств, их частей, внутригородских объектов и т.д., например: Кореягейт — синоним выражения Сеульский Уотергейт; ЮАРгейт; Татрагейт — экологический скандал, связанный со словацкими Татрами; Стауффергейт — ограбление представительства демократической партии США в чикагской гостинице "Стауффер Ривер" и др.

Особо следует отметить получившее широкое распространение в газетных столбцах 1986—1987 годов слово ирангейт, которым стали именовать секретные поставки американцами оружия в Иран и перевод полученных денег на военную помощь в Никарагуа. В советской печати тех лет, как и в газетах других стран, появились и многочисленные варианты этого названия: контрастейт, иран-контрастейт (с вариантами Иранконтрастейт, иранконтрастейт), ирангейт-контрас и др.

Когда была образована специальная комиссия палаты представителей по расследованию "ирангейта" и в прессе появились первые сообщения о ее деятельности, возникла необходимость различать сам политический скандал и слушания по нему в сенатском здании "Расселбилдинг". Это привело к расширению смысловых связей собственного имени *Ирангейт* с другими словами: «операция "ирангейт"-контрас» (Неделя. 1987. № 21); «участник "ирангейта"» (там же); «"ирангейтский" скандал» (За рубежом. 1987. № 3); «бушует "ирангейт"» (Известия. 1987. 26 янв.); «"ирангейт"... не затихает» (Правда. 1987. 24 янв.); «расследование "ирангейта"» (Известия. 1987. 15 июня) и др. После того, как была установлена причастность к продаже оружия Ирану и других стран, появились определительные словосочетания с

прилауательными и наречиями, образованными от названий этих стран: французский ирангейт; Ирангейт по-шведски и др.

Безусловно русского происхождения целый ряд слов на -гейт, возникших под пером журналистов и писателей-сатириков. Все они являются окказиональными образованиями, вполне понятными читателю в специфических контекстах их употребления. Например, каламбурное "вставочное" слово УОТТергейт образовано путем включения одинаковой по звуковому составу начальной части коннотативного собственного имени "Уотергейт" в фамилию министра внутренних дел в администрации Рейгана Джимса Уотта. К образованию подобных "слов-слитков" могут быть привлечены и английские слова, хорошо знакомые русскому читателю. Например, Чилдренгейт (< children "дети"): " — Э-э, все работа да работа! — сказал райпрокурор по порнопроблемам. — Поехали-ка лучше в одно злачное местечко. Я знаю адресок. Устроим детский крик на лужайке. — Рискованно. Еще влипнем в скандальную историю, заварится какой-нибудь Чилдренгейт" (Крокодил. 1986. № 9).

-Несколько подобных новообразований с компонентом -гейт было создано журналистом-международником М. Стуруа: ЦРУгейт, ФРГгейт, угольгейт, космостейт, большойтейт. Последнее слово результат "вставки" в словосочетание-название "Большой театр" коннотативного имени "Уотергейт" или присоединение к первой его части, выступающей как производящая основа, "суффикса" -гейт: «В Вашингтоне назревает новый большой скандал. Он так и называется -"большойгейт"» (Крокодил. 1987. № 9). Улавливается игра слов: большой скандал (= "-гейт"), связанный с выступлением балета Большого театра. В этом же ряду находятся окказионализмы: митингейт, АНТгейт, нефтегейт: «В России зреет "нефтегейт"» (Известия. 1995. 31 авг.); чеченгейт: «Кризис имеет реальную возможность превратиться в "чеченгейт"» (ТВ. Останкино. Новости-плюс. 1994. 10 дек. Диктор). О продуктивности "суффикса" -гейт свидетельствует и факт появления только в 1994-1995 годах в газетной речи небольшой группы окказиональных существительных, первую часть которых составляют фамилии украинских политических деятелей: Морозгейт от фамилии спикера Верховного Совета Украины А. Мороза, Кравчукгейт, Кучмагейт.

Иногда при соединении первой — определительной части нового слова и компонента -гейт происходят изменения их фонемного состава: наложения одинаковых звуков (митингейт), усечение начального звука в "суффиксе" -гейт (КГБ-эйт, кагебейт, кагэбэйт), делающие производное слово удобопроизносимым.

Отмечены также случаи самостоятельного употребления словоэлемента -гейт со значением "политический скандал". Например, в заго-

ловках газетных статей: "Не новый ли... гейт?" (Известия., 1987. 20 мая); «Паутина "гейтов"» (Правда. 1987. 22 июня). Сравните еще: «Не надо залезать в дебри истории нынешней администрации √чтобы убедиться: "Ирангейт" не исключение, а правило, что всевозможные "гейты", разные по степени скандальности и масштабам последствий, случаются чуть ли не каждый месяц» (Известия. 1986. 18 ноября).

Словообразовательную продуктивность проявила только основа уотергейт-, от которой образовалась целая группа производных – прилагательных и существительных: уотергейтский; послеуотергейтский: "Так изменилась ли все-таки послеуотергейтская Америка?" (Известия. 1982. 16 июня); постуотергейтский: "В недолгий период постуотергейтского самобичевания..." (Известия. 1983. 17 окт.); уотергейтцы: «...адвокат-миллионер из Хьюстона, прославившийся тем, что посадил на скамью подсудимых некоторых "уотергейтцев"» (Известия. 1979. 13 сент.); уотергейтик: «Есть "уотергейты". А есть и "уотергейтики"» (Известия. 1986. 12 окт.) и др.

Все сказанное свидетельствует о том, что в словообразовательную систему русского языка вошел весьма активный словоэлемент, областью функционирования которого является газетно-публицистический язык.

Украина. Донеик

А.Н. ТИХОНОВ, Е.Н. ТИХОНОВА, С.А. ТИХОНОВ.

Словарь-справочник по русскому языку

Хорошие словари способствуют росту культуры речи. А в наше время, когда русский язык уродуется, заменяется полуамериканским, полужаргонным, проблема их нехватки очень остра. Поэтому выход в свет "Словаря-справочника по русскому языку" (М., 1995) очень своевременен. Значимость словаря заключается и в том, что он объединяет многие направления лексикографии.

Словарь имеет подзаголовок, который раскрывает его содержание и характер: "Правописание, произношение, ударение, словообразование, морфемика, грамматика, частота употребления слов". И в нем действительно содержится информация о слове по семи параметрам, перечисленным на обложке, знание и понимание которых необходимо всем – и обучающимся и обучающим, и русским и нерусским. Без хорошего знания важнейших признаков слова невозможно эффективно пользоваться русским языком.

В справочнике представлены непроизводные и производные слова. Словообразовательная структура производных слов раскрывается путем соотнесения их с производящими. В производных словах выделяются аффиксы, с помощью которых они образованы. Части производящих слов, не участвующие в словообразовании, не переходящие в производное слово, взяты в круглые скобки. Словарь отражает множественность словообразовательной структуры слова — способность производного слова иметь несколько производящих. В статьях таких слов приводятся все их производящие.

Любое слово (производное или непроизводное) обладает своим морфемным составом. Морфемный состав дается после словообразовательной структуры слова. При словообразовательной и мор-

фемной характеристике слов со связанным корнем, с редким и своеобразным строением, членимость и производность которых вызывает определенные затруднения, в скобках приводятся слова с аналогичной структурой или с теми же словообразовательными компонентами, помогающие обоснованно членить их. Авторы справочника оптимально представили часть номинативной системы русского языка в единообразных в структурно-содержательном отношении словарных статьях.

Основательность и богатое содержание, простое и доступное изложение, разносторонняя направленность справочника позволяют его читателям воспринимать слово как целостную сложную структуру, наблюдать языковые явления и таким образом осмысливать и усваивать нормы литературного языка.

Создатели словаря внесли весомый вклад в сбережение русской речи. Их работа будет способствовать сохранению языковых ценностей и учить сознательному отношению к языку, активно воздействовать на формирование языкового вкуса.

Словарь предназначен для всех, кто хочет совершенствовать свои знания в области русского языка, стремится повышать свою грамотность.

Л.В. Вознюк, доктор педагогических наук, Украина, Тернополь, М.Ю. Казак, кандидат филологических наук, Грузия, Кутаиси

Происхождение слова зэк

В.А. КОРШУНКОВ, кандидат исторических наук

> Заключенный каналоармеец, Спой и ты, перекованный враг! (Тимур Кибиров. Сквозь прощальные слезы.)

В 3-м номере "Русской речи" за 1994 г. помещена статья Эр. Хан-Пиры о слове 39κ . Отметив, что значение этого слова ясно видно из контекста, в котором оно употребляется (например, из повести А.И. Солженицына "Один день Ивана Денисовича"), автор утверждает, что $39\kappa - 3$ то сокращение слова $3a\kappa$ люченный. И далее верно указывает, что " $3e\kappa$ (39κ) имеет своим предком графическое косолинейное

сокращение $3/\kappa$, возникшее в тюремно-лагерном делопроизводстве" — наподобие иных такого же рода сокращений русского языка: n/s — почтовый ящик, n/o — почтовое отделение, s/c — высший сорт, x/δ — хлопчатобумажный и т.д. Затем Эр. Хан-Пира пишет: "Обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, все косолинейные сокращения из известных мне подтверждают наблюдение В.З. Санникова (опубликовавшего статью "О русских графических сокращениях". — B.K.): они применяются для сокращенной передачи на письме словосочетаний или (реже) сложных слов. Но, как видим, есть исключение — $3/\kappa$. Во-вторых, все косолинейные сокращения служат передаче обозначений неодушевленных предметов. Исключение — опять-таки $3/\kappa$, а также 6/n (беспартийный)".

По поводу второго обстоятельства замечу, что людям, уверенным в неслучайности культурно-исторических и языковых явлений, может показаться весьма существенным, что таким вот образом в устах "начальников" и вохры словцо, обозначающее узника, низводило его до уровня вещи — подобно тому, как античные греки и римляне зачастую вполне искренне считали рабов "говорящими орудиями". Вообще же в сталинские времена использовались, как мы скоро увидим, и другие косолинейные сокращения для обозначения людей. А вот первое отмеченное Эр. Хан-Пирой обстоятельство действительно выглядит странным исключением: в слове заключенный даже самый малограмотный офицер или лагерный писарь вряд ли почувствовал бы сходство со словосочетаниями или двукорневыми словами, которые обычно и сокращались через косую черточку. Таким исключением слово зэк будет казатья до тех пор, пока мы будем считать его производным от заключенный.

Но в этой своей уверенности Эр. Хан-Пира не одинок. Так думают многие, в том числе, кажется, и авторы "Толкового словаря уголовного жаргона" под редакцией Ю.П. Дубягина и А.Г. Бронникова (М., 1991. С. 72), и В.С. Хукка (Жаргон и аббревиатура татуировок преступного мира. Нижний Новгород, 1992. С. 69). А главное, такая этимология подкрепляется суждением чуткого к слову А.И. Солженицына. В 19-й главе третьей части "Архипелага" он пишет: «До 1934 года официальный термин был лишенные свободы. Сокращалось это "л/с", и осмысливали ли туземцы себя по этим буквочкам как "элэсов" – свидетельств не сохранилось. Но с 1934 года термин сменили на "заключенные" (вспомним, что Архипелаг уже начинал каменеть и даже официальный язык приспосабливался, он не мог вынести, чтобы в определении туземцев было больше свободы, чем тюрьмы). Сокращенно стали писать: для единственного числа "з/к" (зэ-ка), для множественного — "з/к з/к" (зэ-ка зэ-ка). Это и произносилось опекунами туземцев очень часто, всеми слышалось, все привыкали. Однако

казенно рожденное слово не могло склоняться не только по падежам, но даже и по числам, оно было достойным дитём мертвой и безграмотной эпохи. Живое ухо смышленых туземцев не могло с этим мириться, и, посмеиваясь, на разных островах, в разных местностях стали его по-разному к себе переиначивать: в одних местах говорили "Захар Кузьмич", или (Норильск) "заполярные комсомольцы", в других (Карелия) больше "зак" (это верней всего этимологически), в иных (Инта) — "зык". Мне приходилось слышать "зэк". Во всех этих случаях оживленное слово начинало склоняться по падежам и числам. (А на Колыме, настаивает Шаламов, так и держалось в разговоре "зэ-ка". Остается пожалеть, что у колымчан от морозов окостенело ухо)» (Архипелаг ГУЛАГ. Т. 2. М., 1990. С. 336).

Итак, по авторитетному утверждению Солженицына, зэк является сокращением слова заключенный. Ясно также, что и другие тогдашние узники — те, которые произносили не зэк, а зак — тем самым как бы возводили его к слову заключенный. Однако, с другой стороны, приводимые Солженицыным ироничные расшифровки этого сокращения: Захар Кузьмич, заполярные комсомольцы — свидетельствуют, что некоторые люди, чувствуя особенность такого рода сокращений русского языка, стремились-таки развернуть это сокращение в сочетание двух слов.

Если же мы обратимся к другой знаменитой книге, которая для осмысления советской тюремно-лагерной системы столь же важна, как и солженицынский "Архипелаг ГИЛАГ", - к "Справочнику по ГУЛАГу" француза Жака Росси, проведшего в тюрьмах, лагерях и в ссылке более двадцати лет, то прочтем иное мнение о происхождении этого слова: " $3/\kappa$ – заключенный каналоармеец (-ная -ейка) (мн. ч.: $3/\kappa$ з/к). Термин применялся к заключенным-строителям Беломорканала (ББК), а затем ко всем заключенным вообще (до начала 60-х гг.)" (Ч. І. М., 1991. С. 131). Так что не следует считать слово зэк исключением. Это тоже сокращение словосочетания - заключенный каналоармеец, которое лишь позднее было переосмыслено как сокращение одногоединственного слова заключенный. Приводимая Жаком Росси более достоверная версия происхождения слова зэк тоже достаточно известна и отражена в некоторых других изданиях – например, в книге Л. Мильяненкова "По ту сторону закона: Энциклопедия преступного мира" (СПб., 1992. С. 128), в брошюре В.М. Анисимкова «Тюремная община: "вехи" истории» (Б.м., 1993. С. 26) — со ссылкой на свидетельство писателя Г. Владимова.

В свое время общественное мнение западных стран не сразу осознало банальность государственного зла в нашем веке — что, несмотря на весь людоедски изобретательный романтический антураж германского нацизма с его красочными неоязыческими ритуалами, символами, факельными шествиями и идеологическим шаманством, средний партийно-эсэсовский функционер был отнюдь не демоническим злодеем, а весьма серой и заурядной личностью – бюрократом. Тоталитарная советская империя тоже держалась на винтиках-бюрократах, которые, подобно их германским двойникам, споро, исполнительно и дисциплинированно творили чудовищные преступления. Эти чиновники любили использовать в своей суконной речи, особенно письменной, многочисленные аббревиатуры. Вот в бумагах гулаговских канцелярий и возникали разноообразные сокращения, а некоторые из них проникали и в устную речь: само слово ГУЛАГ и его отростки (Озерлаг, Карлаг, Вятлаг...), бур (барак усиленного режима), оэлпэ (отдельный лагерный пункт) и прочая, прочая, прочая.

В "Справочнике" Жака Росси есть особая большая статья "Буквы или литеры" — о стандартных официальных формулировках при вынесении приговоров. Росси насчитывает более тридцати таких обозначений, и почти все они аббревиатуры: $AC\Theta$ (антисоветский элемент), 6/n (белополяк), $BA\mathcal{I}$ (восхваление американской демократии), $\mathcal{K}BH$ (жена врага народа), n.ш. (подозрение в шпионаже), $CB\Theta$ (социально вредный элемент), 4CUP (член семьи изменника родины) и так далее (Ч. І. С. 40–43). И косолинейных сокращений, употреблявшихся в этой адской канцелярии, можно по книге Жака Росси найти немало. Кроме уже приведенного 6/n, это еще и $6/\phi$ (белофинн — Ч. 1. С. 28), c/κ (спецконтингент — Ч. 2. М., 1991. С. 377), c/n (спецпереселенец — Ч. 2. С. 381)... И, наконец, m/a (трудоармеец — Ч. 2. С. 406). Трудовая Армия, отмечает Жак Росси, — это военизированная

Трудовая Армия, отмечает Жак Росси, — это военизированная трудовая повинность. Она существовала не только во время войны с фашистской Германией, но и до того — в 1918—1922 годах. Когда же в 1931—1933 годах строился Беломорско-Балтийский канал, узников, которых работало там около 280 тысяч, стали называть заключенными каналоармейцами, что самым естественным образом сокращалось в з/к. Солженицын в этой связи замечает, что каналоармейцами "решено было их назвать для поднятия духа (или в честь несостоявшейся трудармии?)" (Ук. соч. Т. 2. С. 58). Слово каналоармеец было в ходу у современников и соучастников — например, у советских писателей, авторов вышедшего в 1934 г. апологетического сборника "Беломорско-Балтийский канал имени Сталина". И публиковавшиеся в ту пору бодряческие песни строителей канала именовались каналоармейской музыкой.

Из приведенной выше солженицынской цитаты видно, что, по его мнению, слово заключенный вошло в официальный обиход лишь с 1934 г., а до того употреблялось выражение лишенный свободы. Или n/c — еще одна косолинейная аббревиатура и опять-таки по отношению к людям. О том же пишет Жак Росси: «n/c — термин, применявшийся в

20-е гг. вместо "заключенный" ... Опять введен в том же значении в 1960 г.» (Ук. соч. Ч. 1. С. 192).

Необходимо, однако, уточнить, что в официальных документах раннесоветской эпохи помимо широко используемых выражений лишенные свободы, места лишения свободы иной раз проскальзывали термины заключенные и места заключения. Например, в Постановлении Наркомата юстиции от 23 июля 1918 г., в Уголовном кодексе РСФСР 1922-го г. А в Постановлении ВЦИК "О лагерях принудительных работ" (1919 г.) есть раздел "О заключенных", где это слово употребляется даже как единственный официальный термин, обозначающий узников. И лишь незадолго до 1934 г. словосочетание лишенный свободы стало единообразно и неукоснительно применяемым в официальных изданиях термином, о чем свидетельствует текст Исправительно-трудового кодекса РСФСР 1933-го г. (там есть целый раздел "Лишение свободы") и книга с примечательным названием "От тюрем к воспитательным учреждениям", вышедшая под редакцией А.Я. Вышинского в Москве в 1934 г., но готовившаяся к печатанию в 1933-м. Однако распространенное во время строительства Беломорканала в 1931-1933 гг. словосочетание заключенный каналоармеец показывает, что слово заключенный не было совершенно отставлено лагерным канцеляритом и в те годы.

Так что это слово, по сути, никогда не выходило из советского речевого обихода. И поскольку сооружение канала-монстра было хоть и циклопически-масштабным, но всё же довольно кратким эпизодом в истории ГУЛАГа, а слово заключенный и во все следующие десятилетия использовалось часто и повсеместно, то и рожденное в том убийственном котловане сокращение зэк впоследствии многими людьми стало расшифровываться просто как заключенный.

Киров (Вятка)

НЕСКОЛЬКО...

А.Н. ШУСТОВ

В журнале "Русский язык и школе" (1991. № 4) в статье "Несколько – это сколько?" нами было предложено количественное (числовое) ограничение этого неопределенного числительного. Вместе с тем, как показало время, для практических целей не меньший интерес представляет и среднестатистическая величина его.

В нашей статье упоминалось, что, по данным А.Е. Супруна, это среднее число может быть равно *пяти*. На основании достаточно большого (более двухсот) количества частных значений слова *несколько* и с помощью методов теории вероятностей можно вычислить математическое ожидание случайной величины, т.е. некое "среднее, ориентировочное значение, около которого группируются все возможные значения случайной величины"; "среднее значение случайной величины есть некоторое число, являющееся как бы ее "представителем" и заменяющее ее при грубо ориентировочных расчетах" (Вентцель Е.С. Теория вероятностей, М., 1969). В нашем случае вероятное значение числа *несколько*, определенное по формуле, приведенной в книге Вентцель (с небольшим округлением до целого) также равно пяти.

Характерно, что эту величину в свое время интуитивно предугадал Ф.М. Достоевский: "... это было всего несколько дней назад, пять дней, всего только пять дней" ("Кроткая". Гл. 3).

Ранее все время говорилось лишь о некоем количественном, числовом значении неопределенного числительного несколько. В то же время необходимо отметить и второе его значение.

В образной (особенно разговорной) речи нередко наблюдается употребление количественных числительных в сочетании с существительными в уменьшительном смысле: Я забегу на одну минутку, Это в трех шагах отсюда, Можно вас на пару слов?, До смерти четыре шага (метафора из стихотв. А. Суркова) и т.п. Это вызвано тем, чтобы то, о чем идет речь, выглядело бы небольшим, "нестрашным", не порождало бы какого-то психологического отторжения своей величиной.

Точно в таком же умалительном значении выступает и числительное несколько. В этом случае оно теряет свое конкретное чис-

ленное значение и становится своеобразной "количественной литотой", приближаясь к наречию несколько = немного.

Эта его "приоткрытость" была многократно использована в русском языке начиная еще с XVIII века. Так, известный поэт В.К. Тредиаковский в 1752 году издал переводную книгу под названием "Несколько Эзоповых басенок", в которую вошла... 51 (!) басня. Особенно часто так назывались относительно небольшие критические или обзорные статьи или рецензии: "Несколько слов о мизинце г. Булгарина" А.С. Пушкина; ряд статей И.С. Тургенева: "Несколько слов... [замечаний]" и др. Два десятка статей разных авторов с такими названиями (несколько: данных, замечаний, мыслей, слов) приведены в книге Боград В. Журнал "Современник" 1847–1866 (М.-Л., 1959). Эти несколько слов и сами уже почти превратились в слитное крылатое выражение.

Отмеченные нами значения числительного *несколько* безусловно должны найти соответствующие четкие определения на страницах будущих толковых словарей.

Санкт-Петербург

Поливановские чтения 26–27 марта 1996 года

В Смоленском государственном педагогическом институте состоялись третьи Поливановские чтения, посвященные памяти выдающегося земляка, лингвиста, крупного общественного деятеля 20–30 годов XX века Евгения Дмитриевича Поливанова. О судьбе ученого, жизнь которого трагически оборвалась в 1938 году, а имя было надолго вычеркнуто из истории, в последние годы писалось много, хотя значение его трудов и научных открытий еще до конца не осознано нами, его потомками.

Чтения, которые проводятся на родине лингвиста уже в третий раз (первые состоялись в 1991 году и были посвящены 100-летию со дня рождения Е.Д. Поливанова), призваны способствовать возврату доброй памяти об ученом, возрождению интереса к его творческому наследию. Е.Д. Поливанов ушел из жизни в неполные 47 лет, и это невозвратимая потеря для науки. Но то, что сделано ученым, не забыто, а уничтоженные страницы истории необходимо восстановить и передать следующим поколениям.

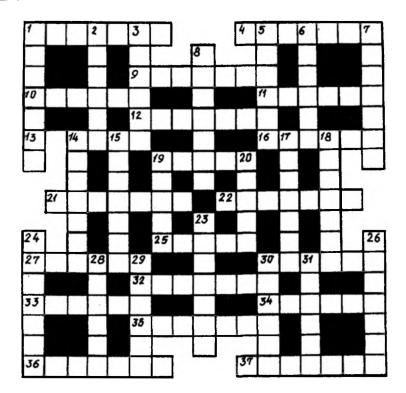
ПП Поливановские чтения прошли под названием Актуальные вопросы языкознания в историческом и современном освещении и затронули самые разнообразные проблемы, так или иначе обозначенные в трудах Евгения Дмитриевича. В программе чтений 94 доклада и сообщения, материалы которых представили лингвисты из 14 городов России, а также ученые Украины, Словакии, Германии, Индии. К сожалению, не все участники смогли приехать, но три тома опубликованных работ отражают многообразие актуальных вопросов современного языкознания. В свете направлений, по которым велись исследования Поливановым, были выделены 9 секций: Общие вопросы языкознания; Вопросы диалектологии; Слово в историческом освещении; Термин в исторической и современной лексикологии; Лексика. Фразеология. Словообразование; Слово в грамматической системе языка; Проблемы современного синтаксиса; Слово в тексте; Вопросы методики обучения русскому языку. Такая широкая тематика чтений обусловлена богатством творческого наследия ученого: он занимался диалектологией, историей языка, лексикой, фразеологией, социолингвис-

тикой (Е.Д. Поливанов одним из первых заинтересовался этой отраслью языкознания), вопросами грамматики. До настоящего времени не теряют актуальности его труды в области поэтики и теории стихосложения. В последние годы возрождается методическое наследие Евгения Дмитриевича Поливанова, а некоторые его идеи, выдвинутые еще в 30-е годы, оказались с успехом осуществленными за рубежом. Сегодня же обучение русскому языку как неродному немыслимо без его методических рекомендаций.

Ученый занимался различными вопросами языкознания на материале не только русского, но и других языков (в частности, он был известным востоковедом). Подобный подход позволил в рамках конференции объединиться лингвистам, изучающим не только русский, но и другие языки, что, безусловно, способствовало укреплению содружества ученых.

В заключение отметим, что Поливановские чтения на родине ученого стали уже доброй традицией, проводятся регулярно раз в два года. В 1998 году мы приглашаем всех языковедов, работающих в русле проблем, отраженных в трудах Е.Д. Поливанова, принять участие в IV Чтениях, которые, несомненно, послужат укреплению доброй памяти о великом русском ученом XX века.

И.А. Королёва, Н.А. Максимчук, доценты кафедры русского языка Смоленского государственного педагогического института, члены оргкомитета Поливановских чтений

По горизонтали:

1. Персонаж повести-сказки Э.Т.А. Гофмана "Крошка Цахес". 4. Повесть Н.В. Гоголя. 9. Две юморески А.П. Чехова, имеющие одну сюжетную основу и одно название. 10. Один из рассказчиков в "Декамероне" Д. Боккаччо. 11. Глава университета. 12. Друг Гамлета. 13. Героиня драмы А.Н. Островского. 16. Автор воспоминаний об А.А. Ахматовой. 19. Персонаж шутотрагедии И.А. Крылова "Трумф, или Подщипа". 21. У него или "у Тальони закажи себе в Твери". 22. Женское украшение. 25. Персонаж рассказа И.С. Тургенева "Часы". 27. Женский персонаж из трагедии У. Шекспира. 30. Кубинский поэт XX века. 32. Московский юродивый, описанный в рассказе Н.С. Лескова "Маленькая ошибка". 33. Героиня повести И.С. Тургенева. 34. Персонаж комедии Э. Скриба "Стакан воды". 35. Часть речи. 36. Творение Пигмалиона. 37. Царица фей в комедии У. Шекспира "Сон в летнюю ночь".

По вертикали:

- 1. Эстонская поэтесса. 2. Девочка, туфельку которой смолол мельник.
- 3. Стихотворение Я.П. Полонского, написанное им в студенческие

Ответы на Кроссворд

По горизонтали:

нетическая особенность южновеликорусских говоров, 30. Французский языка, 26, Роман Ф. Гладкова. 28. Буква греческого алфавита. 29, Фоционной торговли, 24. Новое слово, заимствованное из английского ботиня цветения колосьев, цветов, садов. 23. Работник дореволюцузский философ и писатель. 19. Роман М. Чулаки. 20. Древнеримская А.С. Пушкина, 17. Азербайджанский советский писатель, 18, Франсалона в период Директории. 15. Персонаж одной из тратедий 8. Рассказ Н.С. Лескова. 14. Хозяйка парижского литературного "Идиот". 7. Героиня романа Т.З. Семушкина "Алитет уходит в горы". кровитель Настасьи Филипповны в романе Ф.М. Достоевского тоды. 5. Персонаж комедии У. Шекспира "Сон в летнюю ночь". 6. По-

композитор XIX века. 31. Персонаж многих басен И.А. Крылова.

^{1.} Кандида. 4. "Портрет". 9. "Ряженые". 10. Дионео. 11. Ректор. 12. Горацио. 13. Лариса.

^{16.} Наиман. 19. Трумф. 21. Гальяни. 22. Монисто. 25. Раиса. 27. Офелия. 30. Гильен. 32. Коренща. 33. Джеммма. 34. Лестер. 35. Наречие. 36. Галатея. 37. Титания.

^{1.} Койдула. 2. Дженни. 3. "Дорога". 5. Оберон. 6. Тоцкий. 7. Тыгрена. 8. "Шерамур".

^{14.} Рекамье. 15. Сальери. 17. Айлисли. 18. Монтень. 19. "Теиор". 20. Флора. 23. Сиделец. 24. Холдинг. 26. "Энергия". 28. Лямбда. 29. Яканье. 30. Галеви. 31. Лисица.